

Анализ и прогноз

Журнал ИМЭМО РАН

Analysis and Forecasting

IMEMO Journal

2023'4

Научный сетевой журнал
“Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН / Analysis and Forecasting. IMEMO Journal”
издается с 2019 г., выходит 4 раза в год, языки журнала – русский и английский.
Все выпуски журнала находятся в открытом доступе.

Свидетельство о регистрации журнала Эл № ФС 77–76743 выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
16 сентября 2019 г.

Учредитель и издатель

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
“Национальный исследовательский институт
мировой экономики и международных отношений имени
Е.М. Примакова Российской академии наук” (ИМЭМО РАН).

Главный редактор:

И.Л. Прохоренко

Редакция:

А.А. Алешин, А.В. Короткова (ответственный секретарь), Е.И. Матюхова,
М.И. Строкова, М.А. Шпак

Журнальная верстка:

ООО “Верди”

Верстка web-страниц:

Е.А. Клюева, А.А. Попонин

Дизайн обложки:

С.В. Сафонов

Контакты редакции:

117997, Российская Федерация, Москва, Профсоюзная ул., д. 23
Тел.: +7 (499) 128-8560; +7 (499) 128-1748
e-mail: afjournal@imemo.ru

Официальный сайт журнала:

<https://afjournal.ru>

The scientific electronic journal
“Analysis and Forecasting. IMEMO Journal”
is published from 2019, 4 times a year in Russian and English.
All the issues of the journal are available online with open access.

The Registration Certificate of the journal, EL № FC 77–76743 was issued by the Federal Communications, Information Technology and Mass Media Regulatory Authority on 16 September 2019.

Founder and Publisher

Federal State Budgetary Institution of Science
“Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO)”

Editor-in-Chief:

Irina Prokhorenko

Editorial Staff:

Alexander Aleshin, Alla Korotkova (Executive Secretary), Elizaveta Matyukhova,
Marina Strokova, Maria Shpak

Layout and Design:

Ltd Verdi

Website Design:

Evgenia Kliueva, Alexey Poponin

Cover design:

Sergey Safonov

Contacts:

Russian Federation, Moscow, 117997, 23, Profsoyuznaya Str.
Tel.: +7(499)128-8560; +7(499)128-1748
e-mail: afjournal@imemo.ru

Website:

<https://afjournal.ru>

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:

Войтоловский Ф.Г., д.полит.н., профессор РАН, член-корреспондент РАН, директор ИМЭМО РАН

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Арбатова Н.К., д.полит.н., заведующий отделом европейских политических исследований ИМЭМО РАН

Афонцев С.А., д.э.н., профессор РАН, член-корреспондент РАН, заведующий отделом экономической теории, заместитель директора ИМЭМО РАН по научной работе

Варнавский В.Г., д.э.н., профессор, заведующий сектором проблем структурной политики и конкурентоспособности Центра промышленных и инвестиционных исследований ИМЭМО РАН

Жуков С.В., д.э.н, член-корреспондент РАН, руководитель Центра энергетических исследований, заместитель директора ИМЭМО РАН по научной работе

Звягельская И.Д., д.и.н, профессор РАН, член-корреспондент РАН, профессор, заведующий Лабораторией "Центр ближневосточных исследований" ИМЭМО РАН

Журавлева В.Ю., к.полит.н., руководитель Центра североамериканских исследований ИМЭМО РАН

Кобринская И.Я., к.и.н., руководитель Центра ситуационного анализа ИМЭМО РАН

Ломанов А.В., д.и.н., профессор РАН, руководитель Центра азиатско-тихоокеанских исследований, заместитель директора ИМЭМО РАН по научной работе

Мирошниченко И.В., д.полит.н., доцент, заведующий кафедрой государственной политики и государственного управления факультета управления и психологии Кубанского государственного университета

Прохоренко И.Л., д.полит.н., заведующий сектором международных организаций и глобального политического регулирования отдела международно-политических проблем ИМЭМО РАН

Рябов А.В., к.и.н., доцент, заведующий научно-издательским отделом ИМЭМО РАН, главный редактор журнала "Мировая экономика и международные отношения"

Семененко И.С., д.полит.н., член-корреспондент РАН, руководитель Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований, заместитель директора по научной работе ИМЭМО РАН

Соловьев Э.Г., к.полит.н., руководитель Центра постсоветских исследований, заведующий сектором теории политики ИМЭМО РАН

Федоровский А.Н., д.э.н., руководитель Группы общих проблем Азиатско-Тихоокеанского региона Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН

Харитоновна Е.М., к.полит.н., старший научный сотрудник сектора исследований Европейского союза Центра европейских исследований

Цапенко И.П., д.э.н., заведующий сектором социально-экономического развития и миграционных процессов отдела комплексных социально-экономических исследований Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований ИМЭМО РАН

Шаклеина Т.А., д.полит.н., профессор, заведующий кафедрой прикладного анализа международных проблем факультета международных отношений МГИМО МИД России

CHAIRMAN:

Feodor Voitolovsky, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Professor of the RAS, Director of IMEMO

MEMBERS:

Nadezhda Arbatova, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Department of European Political Studies, IMEMO

Sergey Afontsev, Doct. Sci. (Econ.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Professor of the RAS, Head of the Department of Economic Theory, Deputy Director for Scientific Work, IMEMO

Vladimir Varnavskii, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Sector of Structural Policy and Competitiveness, Center of Industrial and Investment Studies, IMEMO

Stanislav Zhukov, Doct. Sci. (Econ.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Head of the Center of Energy Research, Deputy Director for Scientific Work, IMEMO

Viktoriya Zhuravleva, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Center of North American Studies, IMEMO

Irina Zvyagelskaya, Doct. Sci. (Hist.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Professor of the RAS, Head of the Center of the Middle East Studies, IMEMO

Irina Kobrinskaya, Cand. Sci. (Hist.), Head of the Center of Situational Analysis, IMEMO

Alexander Lomanov, Doct. Sci. (Hist.), Professor of the Russian Academy of Sciences (RAS), Deputy Director for Scientific Work, IMEMO

Inna Miroshnichenko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Associate Professor, Head of the Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University

Irina Prokhorenko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Sector of International Organizations and Global Political Governance, Department of International Political Problems, IMEMO

Andrey Ryabov, Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor, Head of the Scientific and Publishing Department, IMEMO, Editor-in-Chief of the Journal "The World Economy and International Relations" of the Russian Academy of Sciences

Irina Semenenko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Head of the Center of Comparative Socio-Economic and Political Studies, Deputy Director for Scientific Work, IMEMO

Eduard Solovyev, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Center of post-Soviet Studies, Head of the Sector for Political Theory, IMEMO

Alexander Fedorovskiy, Doct. Sci. (Econ.), Head of the Group of the Asia-Pacific Region Problems, Center of Asia Pacific Studies, IMEMO

Elena Kharitonova, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Senior Researcher, Sector of the EU Studies, Center for European Studies, IMEMO

Irina Tsapenko, Doct. Sci. (Econ.), Head of the Sector of Social and Economic Development and Migration Processes Studies, Department of Complex Socio-Economic Research, IMEMO

Tatiana Shakleina, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Professor, Head of the Department of Applied International Analysis, School of International Relations, MGIMO

Арбатов А.Г., д.и.н., академик РАН, руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО РАН (Россия)

Барановский В.Г., д.и.н., профессор, академик РАН, руководитель научного направления Центра ситуационного анализа ИМЭМО РАН (Россия)

Громыко А.А., д.полит.н., профессор РАН, член-корреспондент РАН, директор Института Европы РАН (Россия)

Дынкин А.А., д.э.н., профессор, академик РАН, президент ИМЭМО РАН (Россия)

Иванова Н.И., д.э.н., профессор, академик РАН, руководитель научного направления Отдела науки и инноваций ИМЭМО РАН (Россия)

Королев И.С., д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Центра прогнозных исследований ИМЭМО РАН, советник РАН (Россия)

Михеев В.В., д.э.н., академик РАН, руководитель научного направления Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН (Россия)

Наумкин В.В., д.и.н., профессор, академик РАН, научный руководитель Института востоковедения РАН (Россия)

Рогов С.М., д.и.н., профессор, академик РАН, научный руководитель Института США и Канады РАН (Россия)

Сюэтуン Янь, Ph.D (Polit. Sci.), директор Института международных отношений Университета Цинхуа (Китай)

Alexey Arbatov, Doct. Sci. (Hist.), Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center of International Security, IMEMO (Russia)

Vladimir Baranovsky, Doct. Sci. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Research of the Center of Situational Analysis, IMEMO (Russia)

Alexey Gromyko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Professor of the RAS, Director of the Institute of Europe, RAS (Russia)

Alexander Dynkin, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, President of IMEMO (Russia)

Natalya Ivanova, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Research of the Department of Science and Innovation, IMEMO (Russia)

Ivan Korolev, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Principal Researcher of the Center for Forecasting Studies, Counselor of RAS (Russia)

Vasily Mikheev, Doct. Sci. (Econ.), Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Research of the Center of Asia Pacific Studies, IMEMO (Russia)

Vitaly Naumkin, Doct. Sci. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Institute of Oriental Studies, RAS (Russia)

Sergey Rogov, Doct. Sci. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Institute of the U.S. and Canadian Studies, RAS (ISCRAN) (Russia)

Yan Xuotong, Ph.D. (Polit. Sci.), Dean of the Institute of International Relations, Qinghua University (China)

К ЧИТАТЕЛЯМ

Представляем номер 10

ПРОГНОЗНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Картирование этнополитической конфликтности: прогностический потенциал и методологические ограничения

Семенов И.С., Прохоренко И.Л., Давыдов А.А. 13

ТРЕНДЫ И РИСКИ РАЗВИТИЯ

China and The U.S.: Moving Towards Sustainable Development Goals

Beletskaya M.Yu. 26

Основные направления политики помощи КНР и Франции странам Африки в период пандемии COVID-19

Пятчкова А.С., Гацковская В.А., Поздняков И.С. 40

ГЛОБАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Развитие вооруженных сил и оборонно-промышленного комплекса Венгрии: стратегия правительства В. Орбана

Теремецкий К.С. 55

POST FACTUM

Идентичность в условиях трансформации миропорядка: дискурсы и нарративы

Прохоренко И.Л. (составление) 67

FROM THE EDITORS

Presenting the Issue 10

FORECASTING STUDIES

Mapping Ethnopolitical Conflictivity: Prognostic Potential and Methodological Limitations
Semenenko I.S., Prokhorenko I.L., Davydov A.A. 13

DEVELOPMENT TRENDS AND RISKS

China and The U.S.: Moving Towards Sustainable Development Goals
Beletskaya M.Yu. 26

The Main Directions of the Chinese and French Aid Policies in African During the COVID-19 Pandemic
Pyatachkova A.S., Gatskovskaya V.A., Pozdnyakov I.S. 40

GLOBAL AND REGIONAL SECURITY

Development of the Hungarian Armed Forces and Defence-Industrial Complex: The Strategy of V. Orbán's Government
Teremetskiy K.S. 55

POST FACTUM

Identity in the Time of World Order Transformation: Discourses and Narratives
Prokhorenko I.L. (compil.) 67

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР

Дорогие читатели!

Представляем вашему вниманию четвертый, последний в 2023 г. выпуск нашего журнала. В этом выпуске четыре рубрики – **“Прогнозные исследования”**, **“Тренды и риски развития”**, **“Глобальная и региональная безопасность”** и **Post Factum**. В фокусе внимания авторов – потенциал и ограничения политического картирования как метода анализа, визуализации, моделирования и прогнозирования этнополитических конфликтов; сопоставление успехов и сложностей США и Китая на пути достижения Целей устойчивого развития ООН; сравнительный анализ политики помощи Франции и Китая африканским странам; модернизация вооруженных сил и технологическая перестройка оборонно-промышленного комплекса Венгрии как страны – участницы НАТО и государства – члена Европейского союза; обзор круглого стола “Идентичность в условиях трансформации миропорядка: дискурсы и нарративы”, состоявшегося в декабре 2023 г. в рамках Всероссийской конференции с международным участием “Политическая наука в меняющемся мире: новые практики и теоретический поиск” Российской ассоциации политической науки (РАПН).

Раздел **“Прогнозные исследования”** представлен совместной статьей сотрудников ИМЭМО РАН “Картирование этнополитической конфликтности: прогностический потенциал и методологические ограничения”. Ирина Станиславовна Семененко, д.полит.н., член-корреспондент РАН, руководитель Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований, и.о. заместителя директора института, Ирина Львовна Прохоренко, д.полит.н., заведующий сектором международных организаций и глобального политического регулирования отдела международно-политических проблем, Алексей Андреевич Давыдов, к.полит.н., старший научный сотрудник сектора внешней и внутренней политики США Центра североамериканских исследований представили промежуточные итоги многолетнего исследовательского проекта Монитор этнополитической конфликтности (адрес постоянного размещения на сайте ИМЭМО РАН: <https://www.imemo.ru/ethnopolitical-conflict-monitor/>).

Монитор как карта и компьютерная программа обработки данных сравнительного динамического анализа и прогнозирования очагов этнополитической конфликтности был создан в ходе проекта Российского научного фонда “Регулирование межнациональных отношений и этносоциальных конфликтов в современном мире: потенциал гражданской идентичности (сравнительный политический анализ)” в 2015–2017 гг. в ИМЭМО РАН. Почти пятилетний опыт картирования этнополитической конфликтности в современном мире предполагает регулярный мониторинг конфликтов с этническим компонентом, в которых идентичность выступает как нематериальный ресурс сторон конфликта, а политика идентичности – важный инструмент его регулирования. Обобщение полученных данных дало богатый материал для анализа тенденций эскалации/деэскалации конфликтности, оценок эффективности практик регулирования, динамических прогнозов конкретных конфликтов в контексте странового, регионального и мирового развития, трансформации мирового устройства и перемен в региональных порядках.

Рубрику **“Тренды и риски развития”** открывает статья нашей коллеги из Института США и Канады им. академика Г.А. Арбатова РАН (ИСКРАН) Марии Юрьевны Белецкой, к.э.н., старшего научного сотрудника Центра прикладных экономических исследований “Китай и США: продвижение к целям устойчивого развития”. Автор сопоставила с точки зрения продвижения к Целям устойчивого развития (ЦУР) ООН две крупнейшие экономики мира и ведущих глобальных игроков мировой системы – Соединенные Штаты и КНР – на основе данных по индексам ЦУР, разрабатываемым в рамках проекта под руководством Джеффри Сакса. Принимая во внимание известную условность сравнительного анализа развитой экономики и развивающейся, пусть и уже обладающей признаками развитой в условиях

взаимозависимости США и КНР, автору все же удалось выявить и проанализировать общие для обеих стран зоны так называемого успеха (качественное образование, ликвидация нищеты, индустриализация, инновации и инфраструктура) и отставания (сокращение неравенства, сохранение морских экосистем, сохранение экосистем суши), сравнить и охарактеризовать методы управления и подходы в сфере достижения ЦУР, а в случае США – выявить их заметную зависимость от политико-идеологических установок находящейся у власти администрации.

Вторая статья рубрики “Основные направления политики помощи КНР и Франции странам Африки в период пандемии COVID-19” написана молодыми учеными Международной лаборатории исследований мирового порядка и нового регионализма факультета мировой политики и мировой экономики Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” – научным сотрудником Анастасией Сергеевной Пятачковой в соавторстве со стажерами-исследователями Варварой Александровной Гацковской и Игорем Сергеевичем Поздняковым.

В ходе сравнительного анализа мотивов и подходов политики КНР и Франции в области помощи странам Африки с акцентом на механизмы их поддержки в период пандемии COVID-19 авторы рассмотрели концептуальные основы, общие и специфические направления, форматы, программы, инициативы и инструменты политики помощи двух стран в приоритетном для них регионе такой политики. В итоге они пришли к выводу о том, что оба государства делают акцент на развитии африканских стран, но вкладывают в него разный смысл. Для своего позиционирования в регионе Франция использует исторические связи и приоритеты мирового развития (например, борьбу с глобальным неравенством), а Китай – общность интересов развивающихся стран по линии Юг–Юг и Цели устойчивого развития ООН.

Статья “Развитие вооруженных сил и оборонно-промышленного комплекса Венгрии: стратегия правительства В. Орбана” в рубрике “**Глобальная и региональная безопасность**” подготовлена также молодым ученым из Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”. В фокусе исследования Кирилла Сергеевича Теремецкого, эксперта Евразийского сектора Центра комплексных европейских и международных исследований, проблемы модернизации Венгрии, страной – участницей НАТО и государством – членом Европейского союза, своих вооруженных сил и расширение возможностей оборонно-промышленного комплекса (ОПК) страны.

Автор анализирует 10-летнюю программу развития вооруженных сил Венгрии “Зриньи” (венг. *Zrínyi*), предполагающую не просто расширение и модернизацию ОПК, а превращение Венгрии в одного из лидеров оборонно-промышленной отрасли Центральной и Восточной Европы к 2030 г., готового к вооруженному конфликту “нового поколения”. Автор делает вывод о том, что реформирование армии и повышение технологического уровня оборонно-промышленного комплекса с привлечением компаний в том числе из третьих стран (Турции и Израиля) направлены в первую очередь на укрепление экономики страны и защиту государственных границ и венгерских граждан не только в самой Венгрии, но и в Закарпатской Украине, где проживает подавляющее большинство украинцев – этнических венгров с двойным гражданством по праву крови. По мнению автора, очевидна ключевая роль премьер-министра страны В. Орбана в разработке и реализации программ развития национальных вооруженных сил и модернизации ОПК Венгрии.

В рубрике **Post Factum** – обзор круглого стола “Идентичность в условиях трансформации миропорядка: дискурсы и нарративы”, который был организован в декабре 2023 г. в рамках Всероссийской конференции с международным участием “Политическая наука в меняющемся мире: новые практики и теоретический поиск” Российской ассоциации политической науки. Модератором круглого стола выступила Ирина Станиславовна Семененко, член-корреспондент РАН, д.полит.н., и.о. заместителя директора ИМЭМО РАН, руководитель Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований ИМЭМО РАН, координатор Исследовательского комитета РАН по политической идентичности, научный руководитель Сети по исследованию

идентичности; соведущим – Любовь Александровна Фадеева, д.и.н., профессор кафедры политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета. Докладчики из различных структурных подразделений ИМЭМО РАН, ведущих научных и образовательных учреждений России и Армении проанализировали ключевые направления, проблемы и достижения идентитарных исследований в России и в зарубежном научном поле, новые дискурсы и нарративы в политической науке и в публичной политике, актуальные прежде всего для России. Фокусом обсуждения стали проблематика политической идентичности и политики идентичности в контексте формирования полицентричного мира, идентитарное измерение дискурсов архаизации, неорационализма, “балканизации”, проявления конфликта идентичностей, секьюритизации идентичности, этнополитической конфликтности.

Завершая 2023 г., по традиции поздравляем наших читателей, авторов и рецензентов, желаем всем здоровья, успехов, новых интересных встреч и впечатлений, заслуживающих научного внимания событий в мире политики и экономики в новом году. Всего самого доброго!

Прохоренко И.Л.
главный редактор журнала

КАРТИРОВАНИЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНФЛИКТНОСТИ: ПРОГНОСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ

© СЕМЕНЕНКО И.С., ПРОХОРЕНКО И.Л., ДАВЫДОВ А.А., 2023

СЕМЕНЕНКО Ирина Станиславовна, доктор политических наук, член-корреспондент РАН, руководитель Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований, заместитель директора по научной работе.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (semenenko@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-2529-9283

ПРОХОРЕНКО Ирина Львовна, доктор политических наук, заведующий сектором международных организаций и глобального политического регулирования отдела международно-политических проблем.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (irinapr@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-8090-7934

ДАВЫДОВ Алексей Андреевич, кандидат политических наук, старший научный сотрудник сектора внешней и внутренней политики США Центра североамериканских исследований.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (adavydov@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-8899-8746

Семененко И.С., Прохоренко И.Л., Давыдов А.А. Картирование этнополитической конфликтности: прогностический потенциал и методологические ограничения. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2023, № 4, сс. 13-25. DOI: 10.20542/afij-2023-4-13-25

DOI: 10.20542/afij-2023-4-13-25

EDN: RMHDLR

УДК: 323.1+327.58+316.48+30

Поступила в редакцию 26.06.2023.

После доработки 15.10.2023.

Принята к публикации 25.12.2023.

В статье дан критический анализ научных и практических результатов использования метода картирования и возможностей применения аналитической модели оценки потенциала этнополитической конфликтности в изучении этнополитических конфликтов в различных странах и регионах мира. Данные подходы были разработаны в рамках научной школы идентитарных исследований в ИМЭМО РАН и нашли конкретное воплощение в Мониторе этнополитической конфликтности – карте и компьютерной программе обработки данных сравнительного динамического анализа и прогнозирования очагов этнополитической конфликтности. Монитор был создан по итогам реализации проекта Российского научного фонда “Регулирование межнациональных отношений и этносоциальных конфликтов в современном мире: потенциал гражданской идентичности (сравнительный политический анализ)” в 2015–2017 гг. в ИМЭМО РАН. Монитор этнополитической конфликтности как исследовательский проект предполагает постоянный мониторинг конфликтов с этническим компонентом, в которых идентичность выступает как нематериальный ресурс сторон конфликта, а политика идентичности – важный инструмент его регулирования. Такой мониторинг осуществляется с вовлечением научных сотрудников различных структурных подразделений ИМЭМО РАН, специалистов-страновиков и регионоведов. Работа над Монитором предусматривает экспертный отбор репрезентативных

примеров конфликтности в странах и регионах мира, типологизацию противостояний в соответствии с разработанной классификацией, анализ и классификацию практик регулирования, прежде всего политики идентичности как инструмента регулирования, оценку их эффективности в корреляции с оценками актуального состояния и перспектив регулирования. Монитор этнополитической конфликтности обладает несомненной практической значимостью. Речь идет о возможности разработки рекомендаций по предотвращению роста межэтнической напряженности и поддержанию гражданского согласия, значимых для современного российского социально-политического контекста.

Ключевые слова: этнополитический конфликт, типы конфликтов, интенсивность конфликтов, факторы конфликтности, разделенные общества, идентичность, этническая идентичность, конфликтология, методология политических исследований, картирование, прогнозирование.

Вклад авторов: Семенов И.С. – идея и концептуальный замысел, первоначальный вариант статьи; Прохоренко И.Л. – подготовка окончательной версии статьи, оформление справочного аппарата, метаданных и списка литературы; Давыдов А.А. – участие в написании текста, подготовка расчетов, таблиц и рисунков.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов финансового и нефинансового характера.

Финансирование: авторы заявляют об отсутствии внешнего финансирования.

Благодарность: авторы выражают благодарность и признательность всем участникам исследовательского проекта “Монитор этнополитической конфликтности”, сотрудникам ИМЭМО РАН.

MAPPING ETHNOPOLITICAL CONFLICT: PROGNOSTIC POTENTIAL AND METHODOLOGICAL LIMITATIONS

Received 26.06.2023. Revised 15.10.2023. Accepted 25.12.2023.

Irina S. SEMENENKO (semenenko@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-2529-9283,

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

Irina L. PROKHORENKO (irinapr@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-8090-7934,

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

Alexey A. DAVYDOV (adavydov@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-8899-8746,

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

The article presents a critical analysis of scientific and practical results of using the mapping method and an analysis of the possibilities created by an analytical assessment model of ethno-political conflictivity potential in studying ethno-political conflicts in various countries and regions of the world. These approaches are an integral part of the identity research agenda promoted at IMEMO and implemented in the Ethno-political Conflict Monitor, a map and a computer application for comparatively analyzing in dynamic and predicting areas of ethno-political conflictivity. The Monitor was put together as a result of the 2015–2017 Russian Science Foundation project ‘Regulating Interethnic Relations and Managing Ethnic and Social Conflicts in the Contemporary World: The Potential of Civic Identity (Comparative Political Analysis)’ executed at IMEMO. Ethno-political Conflict Monitor as a science project involves a continuous monitoring of conflicts with an ethnic component, where identity serves as a non-material resource of each conflicting side and identity politics is a crucial tool in regulating such conflicts. This type of monitoring is performed with the help of scientists from many IMEMO structures, specialists on the analyzed countries and regions. The work on the

Monitor involves an expert selection of conflicts in countries and regions of the world, typology of confrontations in accordance with the formulated classification, analysis and classifying of regulation practices, especially those with identity politics as a regulation tool, estimation of the practices in correlation with the current state of affairs and regulation prospects. Ethnopolitical Conflict Monitor has an evident practical significance. It can help in developing guidelines on interethnic tension mitigation and promoting civic solidarity important for Russia's social and political development.

Keywords: *ethnopolitical conflict, conflict types, conflict intensity, conflictivity factors, divided societies, identity, ethnic identity, conflictology, political science methodology, mapping, forecasting.*

About the authors:

Irina S. SEMENENKO, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Centre for Comparative Socioeconomic and Political Studies, Deputy Director for Scientific Work.

Irina L. PROKHORENKO, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Sector, Sector for International Organizations and Global Political Governance, Department for International Political Problems.

Alexey A. DAVYDOV, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Senior Researcher, Sector for US Foreign and Domestic Policy, Center for North American Studies.

Authors' contribution: *Semenenko I.S. – general idea and concept, preparation of the first draft of the manuscript; Prokhorenko I.L. – preparation of the final draft of the manuscript, design of general information, metadata and resources; Davydov A.A. – participation in text writing, preparation of evaluations, tables and images.*

Competing interests: *no potential competing financial or non-financial interest was reported by the authors.*

Funding: *the authors declare no external funding.*

Acknowledgements: *the authors express their gratitude to all the participants of the Ethnopolitical Conflict Monitor science, IMEMO researchers.*

ВВЕДЕНИЕ

Прогнозирование этнополитической конфликтности не только теоретически осуществимо, но и реализуется на практике. Причем не столько вследствие интуитивных догадок авторитетных экспертов, которые носят скорее единичный характер, сколько в результате применения эффективных научных методов анализа и стратегического прогнозирования с использованием как качественных, так и количественных оценок, принципиально новых технологических возможностей сбора, хранения и обработки значительных объемов информации, а также картирования, прежде всего когнитивного.

Метод картирования (иногда – картографирования) как создание, составление и отображение карты для информационно-графического изображения, статической и динамической визуализации, моделирования и прогнозирования конкретных объектов, явлений и процессов является сравнительно новым в политической науке и тем более в изучении этнополитической конфликтности. Этот метод предоставляет возможность доступного оперативного анализа очагов этнополитической конфликтности в пространственном контексте конкретной страны, (суб)региона и мира. Особенно в случае интерактивных многослойных карт с присоединенной текстовой информацией. Политическое картирование предполагает системное исследование этнополитических конфликтов с текстовой репрезентацией, выявление причинно-следственных связей, типологизацию и моделирование конфликтов, а главное – их динамическое прогнозирование, что обеспечивает быструю реакцию на возникающие вызовы, риски и угрозы и пространственно-временные изменения. Фактически прогноз является результатом, конечным продуктом картирования. Хотя немаловажными являются импульсы дальнейшим научным исследованиям вследствие изучения и осмысления данных карты, а также формирование новых научных и общественно-политических дискурсов.

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ВЫЗОВЫ ПОЛИТИЗАЦИИ

Рост конфликтности стал неотъемлемым элементом динамики современного миропорядка. Этот системный вызов безопасности личности и государства усиливают разные по природе размежевания в социальной структуре общества. Под влиянием кумулятивного эффекта их воздействия на психическое и эмоциональное состояние индивида растет тревожность массового сознания. Повышается восприимчивость человека к разным формам политизации идентичности как “простому” ответу на сложные вопросы. Эти формы политизации этничности заменяют потребность в рефлексии о своем месте в мире и о природе общества, в котором мы живем. Беспрецедентные масштабы развития коммуникационных технологий формируют общее информационное пространство, но в бурных информационных потоках непросто отыскать результаты научного анализа альтернатив общественного развития, которые могли бы противостоять бездумному потреблению информации, способствовать формированию научной картины мира, ориентированной на позитивный, созидательный вклад личности.

Самым доступным средством утверждения самостояния в сложной социальной реальности оказывается апелляция к этническому под видом отстаивания “права на идентичность”. Этническая идентичность вбирает общие культурно значимые ориентиры для поддержания групповой солидарности на основе противостояния “другим”. Насущной для разделенных по этнокультурным основаниям обществ становится политико-управленческая задача ее позитивного совмещения с идентичностью гражданской [1, с. 225]. При этом, хотя в практиках управления сложными социумами доминируют конструктивистские подходы, в политическом дискурсе и в пространстве повседневности примордиализм (лат. *primordialis* – первоначальный) как принцип упрощения сложного сохраняет свое “скромное обаяние”.

Политизация этничности поддерживает групповые самоидентификации, которые обладают осязаемым потенциалом прочности, понятности и постоянства в изменчивой и многозначной социальной реальности. В условиях, когда информационная перенасыщенность среды обитания человека усиливает эмоциональную потребность в стабильности, этническая идентичность может удовлетворить или частично компенсировать этот запрос. В результате рефлексия о происходящем может сознательно или подсознательно подменяться лояльностью “своей” этнической группе, которая такой рефлексии и не требует (и даже отторгает ее постольку, поскольку групповая солидарность рассматривается ее носителями как имманентно присущее, не нуждающееся в утверждении качество). Общие лингвистические, конфессиональные, сословно-кастовые, племенные и даже расовые ориентиры переживаются как разделяемые “своим”, закрытым для “других” сообществом. Принадлежность к этнической группе переживается эмоционально, не порождая потребности в дополнительной рефлексии.

Политизация этничности как сущностное свойство этнополитического конфликта широко используется противоборствующими элитными группами в борьбе за власть в разделенных сообществах в контексте “борьбы за идентичность”. Особенно эффективно – в практиках государственного строительства, которые в публичном пространстве продвигаются под видом формирования гражданской нации: в результате между траекториями нациестроительства и приоритетами государственного строительства наблюдается заметное расхождение [2], чреватое обострением межэлитных конфликтов. В публичном пространстве борьба за перераспределение ресурсов ведется путем наделения этническими коннотациями конфликтов иной, экономической природы. Зачастую это происходит имплицитно, что только усиливает привлекательность идентитарных дискурсов, которыми сегодня перенасыщено поле публичной политики.

Так, в Испании “те лингвистические, культурные, психологические и иные особенности, которые могут обозначать принадлежность к этносу, <...> чаще воспринимаются как принадлежность к определенному региону”, однако в региональной самоидентификации испанцев ключевую роль играет язык как основание идентификации [3, с. 38], причем не только и не столько этнокультурной, сколько гражданской. А языковая политика оказывается, наряду с политикой памяти и символической, неотъемлемой и

даже ключевой составляющей политики идентичности: ее значение как нематериального ресурса, имеющего понятное каждому воплощение в повседневной жизни человека, только растет.

“Наша” идентичность становится общепризнанной ценностью, во многом заменяя (и подменяя) патриотизм и гражданский национализм как основания общенациональной солидарности. Так, в случае Ирландии ориентиром “нашей идентичности” стало общее для всего населения острова трудное прошлое, мобилизующее ирландскую диаспору по всему миру. “Борьба за идентичность” перешла здесь в продвижение за пределами страны своего видения открытой и динамичной нации с привлекательной перспективой преодоления исторически сложившегося положения “разделенного общества” за счет объединения Ирландии. В то время как в Северной Ирландии преодолению “замороженного” состояния ольстерского конфликта во многом препятствует свежая память о “культуре насилия” как социальной норме жизни предыдущих поколений.

В повседневности Индии борьба с “культурой насилия” только недавно встала в повестке дня публичной политики. Насилие как “культурная норма” в межличностных отношениях проецируется на отношения межрелигиозные и отношения между кастами (несмотря на официальную отмену кастовой системы), порождая разные по масштабам очаги конфликтности. В ЮАР острейшие социальные и экономические проблемы препятствуют формированию активно продвигавшегося после падения режима апартеида позитивного образа “нации всех цветов радуги” – символа так и не обретенной инклюзивной (надэтнической, межплеменной, внерасовой) идентичности. Вопрос о значимости расовой идентичности, который замалчивался в рамках пресловутой политкорректности, актуализировали волнения в США под лозунгом *Black Lives Matter*: множественные разделения в американском обществе (этнорасовые, межпартийные, идейно-политические, территориальные, поколенческие) имеют здесь ярко выраженные ценностные проекции. При этом новым является отнюдь не характерное для различных этнополитических противостояний ценностное измерение, а широкая, даже во многом ритуальная апелляция к идентичности и к общим ценностям в дискурсах конфликтующих сторон.

Мобилизация этнической и других идентичностей, которыми человек “наделяется” с рождения (расовых, кастовых) – ключевая характеристика этнополитического конфликта как разновидности противостояния надывидуального уровня, в котором сторонами выступают носители коллективных идентичностей. Они могут быть представлены государством и противостоящими ему группами интересов, центральной властью и региональными элитами. Сравнительный анализ динамики этнополитических конфликтов, в которых ресурсом мобилизации и консолидации одной или более противоборствующих сторон выступает дискурс этничности и сопутствующие, подаваемые в публичном дискурсе в понятной “обертке” этничности (как, например, в случае с рохинджа в Мьянме), позволяет оценить потенциал их регулирования и разработать меры, способные снизить остроту противостояния, открыть возможности для налаживания постконфликтного диалога.

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОТИВОСТОЯНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ РЕГУЛИРОВАНИЯ: ОТ ЭМПИРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА К ВИЗУАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Картирование этнополитических конфликтов и конфликтов с этнополитическим компонентом позволяет оперативнее, полнее, путем наглядной демонстрации результатов исследования представить их многообразие, природу, выявить общие характеристики и осмыслить особенности, причем сделать это в территориально-пространственном измерении и масштабно – в локальном, региональном и глобальном контекстах. Такие задачи стояли перед коллективом ИМЭМО РАН, когда в 2017 г. на основе разработанных участниками исследовательского проекта¹, в числе которых были авторы статьи, типологии

¹ Исследование проводилось в рамках проекта РНФ “Регулирование межнациональных отношений и этносоциальных конфликтов в современном мире: потенциал гражданской идентичности (сравнительный политический анализ)” в 2015–2017 гг.

конфликтов и теоретико-методологических подходов к их анализу был создан Монитор этнополитической конфликтности (МЭК)². По итогам исследования был представлен развернутый аналитический доклад с описанием методологии и первых результатов сравнительного анализа очагов конфликтности [4].

В основу картирования была положена разработанная участниками проекта аналитическая модель оценки потенциала этнополитической конфликтности. В центре ее – классификация конфликтных противостояний и практик их регулирования, оценка эффективности принимаемых мер. Такая модель включает в себя [4, сс. 169-170]:

- концептуализацию понятия “этнополитический конфликт”;
- экспертный отбор репрезентативных примеров конфликтности в странах и регионах мира;
- выявление сторон и участников конфликта, их интересов, целей и ресурсов;
- оценку факторов конфликтности, включая внешнеполитические;
- оценку актуального состояния очага конфликта;
- типологизацию противостояний в соответствии с разработанной классификацией;
- выявление политико-правовых оснований регулирования;
- анализ и классификацию практик регулирования, прежде всего политики идентичности как инструмента регулирования;
- оценку их эффективности в корреляции с анализом актуального состояния и перспектив регулирования;
- формулирование рекомендаций по регулированию межэтнической напряженности и поддержанию гражданского согласия, значимых для современного российского социально-политического контекста.

С момента создания Монитора в 2017 г. было сделано три среза экспертных оценок по выборке изначально 46 в 2017 г., затем 48 в 2019 г. и, наконец, 83 в 2022 г. конфликтов. Используя аналитическую модель оценки потенциала этнополитической конфликтности как своеобразную матрицу – легенда, тип и интенсивность конфликта, практики регулирования, сотрудники различных структурных подразделений ИМЭМО РАН, специалисты-страновики и регионоведы, собрали, проанализировали и систематизировали информацию касательно этнополитических конфликтов в различных частях мира и сделали это в динамике, ориентируясь на три реперные точки (2017, 2019, 2022 гг.) функционального состояния каждого конфликта.

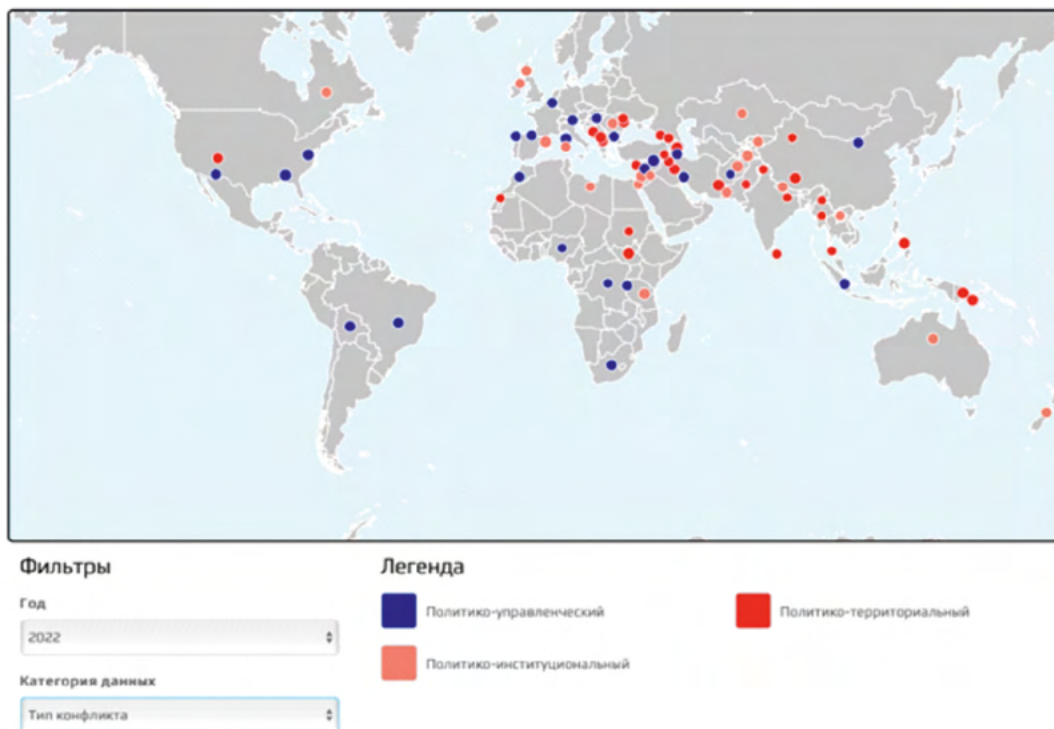
Обобщение полученных данных дает богатый материал для анализа наблюдаемых тенденций эскалации/деэскалации конфликтности и для оценок эффективности практик регулирования. Осмысление опыта обновления визуального аналитического инструмента плодотворно и с теоретико-методологической точки зрения для определения возможностей и ограничений этого ресурса и для оценки его прогностического потенциала. Для изображения на карте различных категорий информации из базы данных были выбраны точечная картограмма и картодиаграмма, изображающие приблизительное расположение очагов этнополитической конфликтности. Точечная картограмма используется для отображения типов конфликтов и их интенсивности, условные обозначения которых (круги) закрашиваются в различные цвета (рис. 1).

В основе такого потенциала – типология этнополитической конфликтности, построенная по итогам выявления сторон конфликта и анализа их целеполагания. В рамках предложенной классификации были выделены три типа конфликтов – политико-управленческие (ПУ), политико-институциональные (ПИ) и политико-территориальные (ПТ). В первом типе конфликтное противостояние выстраивается относительно приоритетов политики государства в распределении ресурсов между входящими в его состав сообществами. Во втором речь идет о несогласии активной стороны конфликта с качеством функционирования институтов государства и уровнем своего политического

² Монитор этнополитической конфликтности. ИМЭМО РАН. Available at: <https://www.imemo.ru/ethnopolitical-conflict-monitor/> (accessed 04.06.2023). [Давыдов А.А., Лапкин В.В., Пантин В.И., Семененко И.С. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ. RU 2018613742. Дата регистрации: 30.01.2018.]

представительства. В конфликтах третьего типа оспариваются само государственное устройство и его административно-территориальная организация вплоть до требований сецессии или ирредентистских притязаний, нередко с применением военной силы и с участием третьих, внешних акторов.

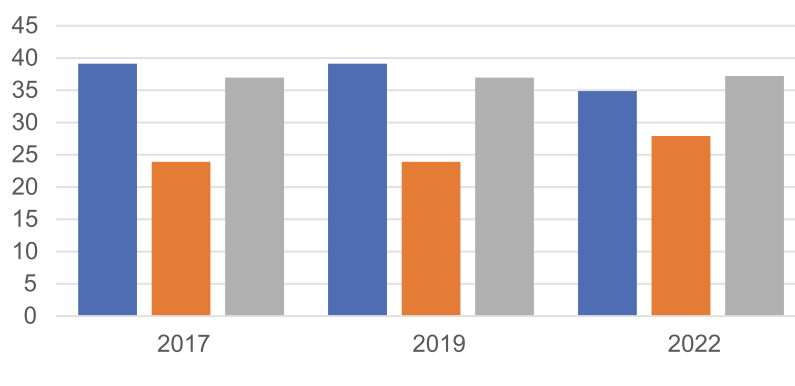
Рисунок 1. Монитор этнополитической конфликтности по состоянию на 2022 г., тип конфликта

Источник: данные Монитора этнополитической конфликтности³.

Пятилетние наблюдения за теми 46 конфликтами, которые были проанализированы на первом этапе, показали (рис. 2), что преобладающими типами являются политико-управленческие (37–39%) и политико-территориальные (37%) конфликты, тогда как политико-институциональные составляют третью, меньшую по численности группу (24–26%).

Рисунок 2. Распределение по типам конфликтов по годам, %

Источник: подсчитано по данным Монитора этнополитической конфликтности⁴.

³ Монитор этнополитической конфликтности...

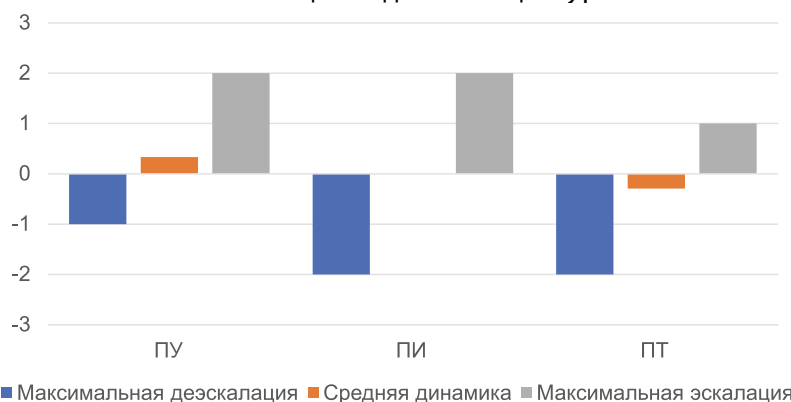
⁴ Там же.

В среднесрочной динамике ожидаемо сохранялся единообразный предмет противостояния: лишь в одном случае было выявлено изменение типа конфликта, а именно гражданская война в Ливии – тип конфликта сменился с политико-управленческого на политико-институциональный.

Анализ динамики конфликта основан на определении интенсивности его течения как латентного (Л), активного (А), горячего (Г) или “замороженного” (З). В период наблюдений уровень интенсивности более половины конфликтов (56%) оставался относительно неизменным. При этом большинство таких противостояний ожидаемо являлись латентными и “замороженными” (11 и 7, то есть более двух третей от общего числа так называемых стабильных конфликтов), тогда как наименьшая часть сохранила устойчиво активное или горячее состояние (7 и 1, или менее трети). Остальные 44% случаев продемонстрировали волатильную динамику. Это обстоятельство указывает на необходимость отражения динамики с учетом повышения или понижения интенсивности, особенно имея в виду относительно краткие по времени события, меняющие паттерн противостояния. Например, такого рода событиями можно считать вооруженный конфликт между Азербайджаном с одной стороны и Арменией и непризнанной Нагорно-Карабахской Республикой – с другой в сентябре – ноябре 2020 г. (вторая карабахская война), волнения на Корсике весной 2022 г. после попытки убийства во французской тюрьме корсиканского националиста Ивана Колонны, массовые беспорядки в ряде городов США в 2020–2021 гг. из-за убийства полицейским афроамериканца Джорджа Флойда.

В целом в среднесрочной перспективе политико-управленческие конфликты оказались более подвержены эскалации, нежели политико-институциональные и территориальные (рис. 3). Это вполне объяснимо: отсчет ведется с более низкой точки противостояния.

Рисунок 3. Выведенные для каждого из типов конфликтов максимальные и средние зафиксированные значения эскалации и деэскалации уровней интенсивности*

* Показатель “2” означает, что конфликт перешел на две ступени выше по уровню интенсивности, а “-1” на одну ступень ниже.

Источник: рассчитано авторами по данным Монитора этнополитической конфликтности⁵.

В прогнозировании перспектив урегулирования ключевое значение имеет оценка факторов актуализации противостояний с выделением одного доминирующего или, в подавляющем большинстве случаев, сочетаний нескольких. В их числе были выделены факторы [5]:

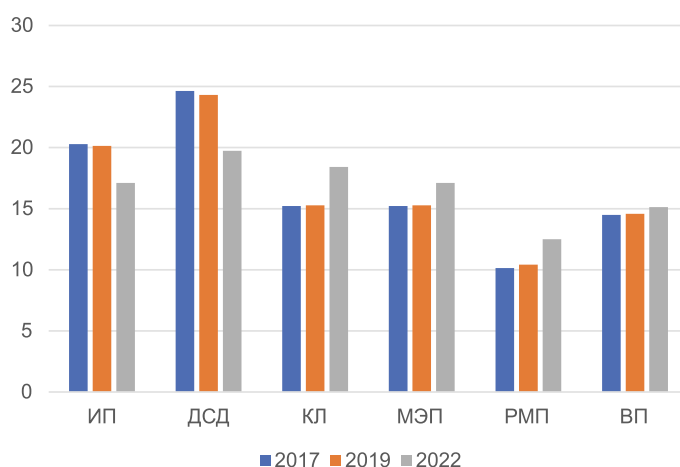
- 1) исторической памяти (ИП);
- 2) диспропорций в экономическом развитии и четко выраженных социальных дисбалансов (ДСД);
- 3) культурно-лингвистический (КЛ);
- 4) межэтнических (этноплеменных, межклановых) противоречий (МЭП);
- 5) религиозных (межконфессиональных) противоречий (РМП);
- 6) внешнеполитический фактор (ВП).

⁵ Монитор этнополитической конфликтности...

Выделение тех или иных факторов и обоснование их взаимовлияния основывались на экспертных оценках и были верифицированы путем обзора теоретических подходов, получивших признание в научной литературе (см., например: [6; 7; 8]), и информации СМИ по текущей ситуации.

Согласно данным пятилетних наблюдений, наиболее укорененными оказались факторы социальных диспропорций (20–25% описанных случаев) и исторической памяти (17–20%). Относительно равные, но меньшие доли имели факторы культурно-лингвистических противоречий (15–18%), межэтнической (и иных видов межобщинной) напряженности (15–17%) и внешнеполитического воздействия (14–15%). К наименее распространенным факторам эксперты отнесли религиозный (10–13%).

Рисунок 4. Соотношение факторов, определяющих течение этнополитических конфликтов в мире, 2017–2022 гг., %

Источник: подсчитано по данным Монитора этнополитической конфликтности⁶.

На ближайшие годы можно прогнозировать рост влияния внешнеполитического фактора и фактора диспропорций в социальном и экономическом развитии, экономического неблагополучия, бедности, нищеты и голода. Массовые протесты весны – лета 2022 г. в таких далеко отстоящих друг от друга уголках Земли, как Шри-Ланка и Бельгия, указывают на потенциальную возможность политизации этнической повестки там, где она в том или ином виде присутствует.

Выявление динамики в соотношении различных факторов конфликтности становится еще одним важным приоритетом картирования. С позиций пятилетнего опыта работы с большими объемами данных становится очевидным, что необходимо не только обоснование самого выбора факторов эскалации противостояний, но и взвешенная оценка интенсивности влияния того или иного фактора, их “ранжирование” по удельному весу, имея в виду и изменение их значимости во времени. Так, значение языкового фактора в урегулированном (на сегодняшний день) противостоянии в Южном Тироле заметно снизилось ввиду целенаправленной языковой политики на общегосударственном уровне; при этом изменчивую значимость внешнего влияния (низкого уровня ирредентистских настроений в австрийском Тироле при потенциально возможном обращении к ним со стороны правопопулистских политических сил соседней Австрии, у которого есть прецеденты⁷, и возможность активизации сепаратистских политических сил в итальянском регионе) также следует иметь в виду на более отдаленную перспективу, в том числе оценивая потенциал институционализации

⁶ Монитор этнополитической конфликтности...

⁷ В конце 2017 г. разгорелся скандал вокруг планов австрийского правительства, продвигаемых вошедшей в состав кабинета Партии свободы и поддержанных президентом Себастьяном Курцем, председателем Австрийской народной партии, предложить австрийские паспорта немецкоговорящим жителям приграничного итальянского региона и представителям его ладинского меньшинства. Идея двойного гражданства “в духе продвижения ценностей европейской интеграции” вызвала бурную негативную реакцию итальянской стороны как расшатывающая сложившееся в этом трехязычном регионе хрупкое равновесие.

взаимодействий в рамках существующей системы еврорегионов в более широком контексте набирающих силу процессов регионализации, в том числе за пределами ЕС [9, сс. 273-274]. В отдаленной (за пределами 10-летнего прогнозного периода) перспективе возможно появление новых форм организации политических пространств и новых механизмов экономического и политического управления, например, трансграничных этнотерриториальных образований [9, с. 75].

В политическом устройстве ряда западных стран есть немало примеров разных форм институционального регулирования разделенных по языковым, конфессиональным, политико-культурным основаниям обществ на путях достижения межэлитного согласия. При этом “фактором стабилизации становится положительная динамика в снижении уровня социально-экономического неравенства между группами с использованием инструментов прозрачного перераспределения ресурсов, как финансовых, так и символических, в последнем случае посредством сбалансированной политики идентичности” [10, с. 59]. Пример Северной Ирландии, закрепляющей межобщинные разделения в рамках консоциативных соглашений (*power sharing*), показывает институциональные возможности и ограничения в поддержании такого хрупкого политико-институционального баланса (рис. 5).

Рисунок 5. Конфликт в Северной Ирландии, факторы конфликта по состоянию на 2022 г.

Источник: Монитор этнополитической конфликтности⁸.

Вопрос об использовании формальных и неформальных политических институтов как инструментов постконфликтного регулирования зависит, как показывает опыт их картирования, от уровня представительности вовлеченных в этот процесс сторон

⁸ Монитор этнополитической конфликтности...

и от достижения межэлитных договоренностей. Но также от результатов политики идентичности, эффективность которой в постконфликтных условиях определяется затуханием импульсов “борьбы за идентичность”, продвижением объединяющих ориентиров в повестку дня политики развития. Фактор институционального оформления достигнутых договоренностей может иметь амбивалентное влияние на регулирование, необходимо искать форму его динамической визуализации.

Практики конфликтного и постконфликтного регулирования – это ключевой приоритет картирования. Обобщенные в ходе трех этапов обновления данные четко указывают на два вида таких практик – политико-правовые, отражающие состояние перехода от горячей фазы в активную с перспективой понижения остроты противостояния, и политико-идентитарные, опирающиеся на использование разными акторами инструментов политики идентичности в различных сочетаниях. Сравнительный анализ практик регулирования, использующих инструмент политики идентичности на локальном уровне, позволяет оценить их эффективность. Критерием является, во-первых, трансформация типа конфликта, переход территориальных и институциональных конфликтов в политико-управленческое измерение, который возможно четко зафиксировать в рамках более длительного промежутка наблюдения, выходящего за доступный нам на сегодняшний день пятилетний срок. И во-вторых, переход противостояния из горячей/активной фазы в “замороженную” или латентную (и наоборот). Примеры такого рода находим в Казахстане (переход из латентной фазы в фазу острого противостояния и выплеска массового насилия в ходе событий января 2022 г.). Другого рода пример – уже упоминавшиеся события в Шри-Ланке в 2022 г.: латентный характер одного конфликта не компенсирует появление очагов с иным соотношением факторов противостояния, в первую очередь фактора социальной депривации, обостренной пандемией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Опыт обновления карты показывает, что объективную трудность представляет оперативная фиксация событий, которые меняют расклад сил (как в Казахстане в начале 2022 г. или на Украине после начала специальной военной операции). При этом в большинстве случаев такого рода речь идет не столько об этнополитических конфликтах с упором на мобилизацию этнической идентичности, сколько о противостояниях, в которых проявляются разные по характеру факторы, а существующие глубинные разделения прикрываются риторикой “борьбы за идентичность” и формирования гражданской нации (как в случае ряда балканских стран, например, Боснии и Герцеговины). Монитор позволил представить краткие сведения о динамике конфликтов. В то же время выведение обобщенного опыта из практик, показавших наибольшую эффективность по преодолению межэтнической напряженности, по-прежнему требует качественной оценки на основе сравнительного анализа большого количества эмпирических материалов. Однако нельзя не принимать во внимание субъективность оценки качественного состояния конфликта, что увеличивает вероятность снижения единообразия понимания его природы при анализе разными экспертами. Выход видится в верификации оценок с помощью машинного анализа больших объемов текущей информации из доступных открытых источников.

Серьезная для картирования проблема – экстраполяция данных о точечных, локальных очагах конфликтности на плоскость карты. На такого рода ограничения обращают внимание и занимающиеся картированием зарубежные исследователи, предлагающие использовать методы пространственной интерполяции (в данном контексте – нахождения неизвестных значений по дискретному набору известных путем некоторого упрощения картины) на основе использования доступных исследователям массивов данных (*SIDE, Spatially Interpolated Data on Ethnicity*) [11, p. 690]. Именно трудности наглядного представления данных в конечном счете побудили нас воздержаться от включения США в общий пул очагов конфликтности на начальном этапе картирования, несмотря на многочисленные документированные случаи беспорядков с применением насилия на этнорасовой почве, отмеченные здесь

в 2010-е годы. Развитие событий в 2020–2021 гг. актуализировало эту задачу, в результате мы ограничились конкретными примерами локального характера в пояснительных текстах в сочетании с анализом общих факторов. Долговременные политические последствия локальных проявлений конфликтности можно оценить на основе анализа динамики общественных настроений: так, согласно данным *Pew Research Center*, весной 2021 г. 74% граждан США считали, что “дискриминация по расовым или этническим признакам – серьезная проблема для американского общества”, и 7 из 10 опрошенных – что “между людьми разного этнического или расового происхождения существуют очень острые или острые конфликты”; эти цифры заметно выше, чем показатели других развитых стран⁹. Можно сделать вывод о потенциальной возможности реформирования политики идентичности, проводимой от имени и в интересах отдельных групп населения, в практики эскалации конфликтности на уровне самих групп и представляющих групповые интересы партийно-политических сил, в электоральные и иные периоды обострения внутривнутриполитической напряженности.

Возможно, для более адекватного визуального представления результатов в этом контексте необходимы диаграммы, показывающие территориальное распространение, интенсивность и временные промежутки однотипных конфликтных противостояний (таких как расовые волнения или борьба за права автохтонных меньшинств) в стране или регионе. Это позволит провести сравнительный межстрановой анализ проявлений этнополитической конфликтности на микроуровне и оценить перспективность предлагаемых практик регулирования на основе сравнения инструментов и механизмов политизации этнической идентичности на локальном уровне. Здесь есть и потенциал прогнозирования возможных проявлений насилия на почве эскалации локальных межэтнических и межобщинных противоречий [11, р. 697].

“Экспорт ответственности” под видом реализации “партнерских программ развития” может обернуться разрастанием конфликтности там, где остро стоят проблемы социальной депривации и нищеты. Намерения Великобритании и Дании перенаправлять беженцев из своих стран в Руанду (бывший очаг острых этноплеменных противостояний) вызвали острую публичную полемику о морально-этической допустимости такой постановки вопроса о “помощи” самим беженцам и принимающей бедной и социально нестабильной стране, граничащей с очагом острого конфликта (в соседней Демократической Республике Конго)¹⁰. Эффект перелива (перетекания – *spillover*) конфликта за пределы национальных границ ведет к появлению трансграничных очагов, которые не подпадают под одну национальную юрисдикцию. Курдский “узел” непросто отобразить на карте и выделить эффективные практики регулирования в том числе по причине таких переплетений и переливов. В таком взрывоопасном очаге, как Ферганская долина, – территории, разделенной между Таджикистаном, Узбекистаном и Кыргызстаном, главной причиной приграничных конфликтов, по мнению экспертов, остается, помимо (и ввиду) отсутствия четкой демаркации границ, “стремительный демографический рост” и рост безработицы, происходящие в условиях возврата к традиционным формам занятости [12, pp. 24, 27]. У молодежи формируется разорванная, конфликтная картина мира, вбирающая элементы не только архаики и традиционализма, но и информационного общества, она закрепляет разные представления этнических групп о “своей” территории; в результате притязания на одни и те же земельные угодья и на водные ресурсы перерастают в непримиримые противостояния этнических идентичностей, чреватые взрывом конфликтности.

В ряде стран накоплен опыт вовлечения местных сообществ и реализации стратегий учета их интересов, однако в качестве меры регулирования он успешен

⁹ *Americans Tend to See Stronger Societal Conflicts than People in Other Advanced Economies*. Pew Research Center. 12.10.2021. Available at: https://www.pewresearch.org/fact-tank/2021/10/13/americans-see-stronger-societal-conflicts-than-people-in-other-advanced-economies/ft_2021-10-13_usunity_01/ (accessed 17.06.2023).

¹⁰ Engelbrecht C., Dahir A.L. Britain Plans to Fly Refugees to Rwanda on Tuesday. *The New York Times*, 13.06.2022. Available at: <https://www.nytimes.com/2022/06/13/world/europe/britain-refugees-rwanda.html> (accessed 06.05.2023).

именно в сочетании социально-экономических мер поддержки необеспеченных слоев населения и использования политики идентичности как нематериального ресурса и инструмента регулирования. Например, такой опыт был результативно использован в решении проблем коренного населения в Новой Зеландии¹¹, что позволяет говорить о наличии здесь латентного конфликта с понижающей траекторией. Однако для бедных стран такое сочетание инструментов регулирования недоступно, и их применимость остается за горизонтом прогнозирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Дробижеева Л.М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости. Горшков М.К., отв. ред. *Россия реформирующаяся*. Ежегодник. Вып. 7. Москва, Институт социологии РАН, 2008, сс. 214-228. [Drobizheva L.M. National, Civic and Ethnic Identity: Problems of Positive Compatibility. Gorshkov M.K., ed. *Russia Reforming*. Yearbook. Iss. 7. Moscow, RAS Sociology Institute, 2008, pp. 214-228. (In Russ.)]
2. Семенов И.С., Лапкин В.В., Бардин А.Л., Пантин В.И. Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве. *Полис. Политические исследования*, 2017, № 5, сс. 54-78. [Semenenko I.S., Lapkin V.V., Bardin A.L., Pantin V.I. Between the State and the Nation: Dilemmas of Identity Policy in Post-Soviet Societies. *Polis. Political Studies*, 2017, no. 5, pp. 54-78. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.05>
3. Прохоренко И.Л. Сепаратистский конфликт в Каталонии. *Пути к миру и безопасности*, 2018, № 2(55), сс. 36-50. [Prokhorenko I.L. Secessionist Conflict in Catalonia. *Pathways to Peace and Security*, 2018, no. 2(55), pp. 36-50. (In Russ.)] <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2018-2-36-50>
4. Семенов И.С., отв. ред. *Регулирование этнополитической конфликтности и поддержание гражданского согласия в условиях культурного разнообразия: модели, подходы, практики. Аналитический доклад*. Москва, ИМЭМО РАН, 2017. 229 с. [Semenenko I.S., ed. *Regulating Interethnic Conflicts and Building Civic Concord in a World of Cultural Diversity: Models, Approaches, and Practices. Analytical Report*. Moscow, IMEMO, 2017. 229 p. (In Russ.)] <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0512-3>
5. Семенов И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Типология этнополитической конфликтности: методологические вызовы "большой теории". *Полис. Политические исследования*, 2016, № 6, сс. 69-94. [Semenenko I.S., Lapkin V.V., Pantin V.I. Classifying Ethnic Conflicts: Challenges for Political Theory and Methodology. *Polis. Political Studies*, 2016, no. 6, pp. 69-94. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.06>
6. Тишков В.А., Шабает Ю.П. *Этнополитология: политические функции этничности*. Москва, Издательство Московского университета, 2011. 376 с. [Tishkov V.A., Shabaev Yu.P. *Ethnic Political Science: Political Functions of Ethnicity*. Moscow, Moscow University Publishing House, 2011. 376 p. (In Russ.)]
7. Horowitz D.L. *Ethnic Groups in Conflict*. Berkley, University of California Press, 1985. 697 p.
8. Tilly Ch., Tarrow S. *Contentious Politics*. 2nd ed. Oxford, Oxford University Press, 2015. 288 p.
9. Дынкин А.А., ред. *Мир 2035. Глобальный прогноз*. Москва, Магистр, 2017. 352 с. [Dynkin A.A. *World 2035. Global Forecast*. Moscow, Magistr, 2017. 352 p. (In Russ.)]
10. Семенов И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Социальные размежевания и политические противостояния в научном дискурсе: критерии оценки и классификации. *Полис. Политические исследования*, 2021, № 5, сс. 56-77. [Semenenko I.S., Lapkin V.V., Pantin V.I. Social Cleavages and Political Divides in a Theoretical Perspective: Criteria for Assessment and Classification. *Polis. Political Studies*, 2021, no. 5, pp. 56-77. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.05>
11. Muller-Crepon C., Hunziker Ph. New Spatial Data on Ethnicity: Introducing SIDE. *Journal of Peace Research*, 2018, vol. 55, iss. 5, pp. 687-698. <https://doi.org/10.1177/0022343318764254>
12. Олимова С., Олимов М. Конфликты на границах в Ферганской долине: новые причины, новые участники. *Россия и новые государства Евразии*, 2017, № 1, сс. 21-40. [Olimova S., Olimov M. Border Conflicts in the Ferghana Valley: New Causes, New Participants. *Russia and New States of Eurasia*, 2017, no. 1, pp. 21-40. (In Russ.)]

¹¹ Godfery M. Māori Might Be the 'Luckiest' Indigenous People – but That's Not Down to New Zealand Exceptionalism. *The Guardian*, 04.02.2022. Available at: <https://www.theguardian.com/world/commentisfree/2022/feb/04/maori-might-be-the-luckiest-indigenous-people-but-thats-not-down-to-new-zealand-exceptionalism> (accessed 06.05.2023).

CHINA AND THE U.S.: MOVING TOWARDS SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS

© BELETSKAYA M.YU., 2023

Maria Yu. BELETSKAYA, Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher, Center for Applied Economic Research.

Georgy Arbatov Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN), 2/3, Khlebny per., Moscow 121069, Russian Federation, (mybeletskaya@gmail.com), ORCID: 0000-0003-3141-6052

Beletskaya M.Yu. China and the U.S.: Moving Towards Sustainable Development Goals. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, 2023, no. 4, pp. 26-39. DOI: 10.20542/afij-2023-4-26-39

DOI: 10.20542/afij-2023-4-26-39

Received 21.08.2023. Revised 15.11.2023. Accepted 19.12.2023.

This article compares the two largest economies of the world and the leading global actors – the United States and China – from the point of view of progress towards the sustainable development goals (SDGs), adopted in 2015 by the UN General Assembly as a ‘plan for achieving a better and more sustainable future for all’. The comparison was based on data from SDG indices developed as part of a project led by Jeffrey Sachs. According to the integral index, China still lags behind the United States, but is rapidly improving its position. Based on the consideration of all 17 SDGs, it is shown that for 3 SDGs, China’s indicators are noticeably superior to the United States, for 5 SDGs, China lags behind the United States, and indicators for the remaining SDGs are close by. The analysis made it possible to conclude that progress towards the SDGs for the USA and China is interconnected. Despite all the differences between the countries under consideration, common areas of success (quality education, poverty eradication, industrialization, innovation and infrastructure) and areas of lag (reducing inequality, preserving marine ecosystems, preserving terrestrial ecosystems) are identified. It is shown that China has historically demonstrated centralized and hierarchical schemes, operating primarily on a top-down basis, which allows for the initial establishment of a holistic and balanced approach and ensuring consistency in the implementation of plans. The US is characterized by a bottom-up approach that allows for greater flexibility, initiative and responsibility at the corporate and local levels. At the same time, US policy in the area of SDGs largely depends on the political attitudes of the administration in power. The multidimensional nature of the mutual dependence of the economies of the United States and China, the direct or indirect influence of these largest economies in the world, necessitate increasing coordination of actions and correlation of policies. The complexity of the transition to sustainable development and the inability of one country to completely solve them on their own leads to the need for coordinated and complementary policies. Therefore, it is necessary to consider ways to achieve the SDGs in the broad context of cooperation between interested countries.

Keywords: China, sustainable development goals, sustainable development, United States.

Competing interests: no potential competing financial or non-financial interest was reported by the author.

Funding: no funding was received for conducting this study.

КИТАЙ И США: ПРОДВИЖЕНИЕ К ЦЕЛЯМ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

БЕЛЕЦКАЯ Мария Юрьевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра прикладных экономических исследований.
Институт США и Канады им. академика Г.А. Арбатова РАН (ИСКРАН),
РФ, 121069 Москва, Хлебный переулок, д. 2/3 (mybeletskaya@gmail.com),
ORCID: 0000-0003-3141-6052

DOI: 10.20542/afij-2023-4-26-39

EDN: JPGSML

УДК: (327.7+339.9+502.131.1):(73)+(510)

Поступила в редакцию 21.08.2023.

После доработки 15.11.2023.

Принята к публикации 19.12.2023.

В статье проведено сопоставление двух наиболее масштабных экономик мира и ведущих глобальных акторов мировой системы – США и КНР – с точки зрения продвижения к Целям устойчивого развития (ЦУР), принятым в 2015 г. Генеральной ассамблеей ООН в качестве “плана достижения лучшего и более устойчивого будущего для всех”. Основой для сопоставления послужили данные по индексам ЦУР, разрабатываемым в рамках проекта под руководством Джеффри Сакса. По интегральному индексу Китай пока отстает от США, но быстрее улучшает свою позицию. На основе рассмотрения всех 17 ЦУР выявлено, что по 3 ЦУР показатели Китая заметно превосходят США, по 5 ЦУР Китай отстает от США, значения по остальным ЦУР близки. Проведенный анализ позволил сделать вывод о взаимосвязанности продвижения к ЦУР для США и Китая. При всех отличиях между рассматриваемыми странами выделяются общие зоны успеха (качественное образование, ликвидация нищеты, индустриализация, инновации и инфраструктура) и зоны отставания (сокращение неравенства, сохранение морских экосистем, сохранение экосистем суши). Показано, что Китай исторически демонстрировал централизованные и иерархические схемы, действующие преимущественно по принципу “сверху вниз”, что позволяет изначально установить целостный и сбалансированный подход и обеспечить последовательность в реализации планов. Для США характерен подход “снизу вверх”, который обеспечивает большую гибкость, инициативу и ответственность на корпоративном и местном уровнях. При этом политика США в сфере ЦУР во многом зависит от политических установок находящейся у власти администрации. Многоаспектный характер взаимной зависимости экономик США и Китая, прямое или косвенное влияние этих крупнейших экономик мира обуславливают необходимость все большей координации действий и корреляции проводимой политики. Сложность процессов перехода к устойчивому развитию и невозможность для одной страны полностью решить их самостоятельно ведет к необходимости скоординированной и взаимодополняющей политики. Поэтому необходимо рассматривать пути достижения ЦУР в широком контексте сотрудничества между заинтересованными странами.

Ключевые слова: Китай, США, устойчивое развитие, Цели устойчивого развития.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов финансового и нефинансового характера.

Финансирование: автор заявляет об отсутствии внешнего финансирования.

INTRODUCTION

Currently, the U.S. and China act as the world's largest national economies, producing in 2022, respectively, 25.2% and 17.8% of gross domestic product (GDP) at current prices, a total of about 43% of world production. When measured at purchasing power parity (PPP), China equaled and outperformed the U.S. in 2016–2017. The GDP at PPP shares of the U.S. and China in 2022 were 15.5% and 18.5%, together covering 34% of global GDP at purchasing power parity¹.

At the turn of the 19th and 20th centuries, the United States surpassed United Kingdom, which at that time occupied the first place in the world in terms of production² [1], and thus the U.S. leadership continued for about 120 years. At the same time, today the United States, previously holding the position of the country with the largest volume of production, shifts to the second place compared to China.

But no matter how the different measures of output are discussed, there is no doubt that the U.S. and China are now the largest national economies in the world.

However, the scale of the economies of these countries also contributes to their leadership in the negative sphere – they provide the highest total greenhouse gas emissions (kt of CO₂ equivalent) among the rest of the world³.

The population of these countries is also significant, especially in China – 1 billion and 412 million people and 333 million people in the United States – out of a global population of 7 billion 951 million – according to 2022 data⁴.

The scale of the economies of these two countries and their role in global processes determine their importance for global progress towards sustainable development goals (SDGs). At the same time, the results of their progress towards the SDGs and their interaction are important not only for these countries themselves, but also in the global context, for other countries. In the statement of the Chinese President Xi Jinping at a meeting with U.S. President Joe Biden at the Asia-Pacific Economic Cooperation summit in November 2023 in San Francisco (USA), it is noted that the relationship between China and the United States is the most important bilateral relationship in the world⁵.

Sustainable development has practically become a common global development paradigm, especially after the adoption of the SDGs in 2015 [2].

The comparison of progress towards the SDGs of China and the United States is of interest not only within these two countries, but also in a broader context, which determines the relevance of the study. The purpose of the work is to, based on a comparison of approaches and indicators for achieving the SDGs of development in China and the United States, identify areas of success and problem areas, and show the connectedness found in progress towards the SDGs for these two countries.

SOURCES AND METHODOLOGY

The study relies on data on the SDGs from UN⁶ data on the Sustainable Development Goals Index, developed as part of a project led by J. Sachs [3], World Bank databases and separate

¹ *World Development Indicators*. World Bank. 2023. Available at: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators#> (accessed 10.05.2023).

² Maddison A. *The World Economy*. Paris Organization for Economic Co-operation and Development (OECD), 2006. Vol. 1–2. 656 p. Available at: https://www.oecd-ilibrary.org/development/the-world-economy_9789264022621-en (accessed 10.05.2023).

³ *World Development Indicators*...

⁴ Ibid.

⁵ *President Xi Jinping Meets with U.S. President Joe Biden*. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China 16.11.2023. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/202311/t20231116_11181442.html (accessed 20.11.2023).

⁶ *Global Sustainable Development Report 2023. Advance, Unedited Version 14 June 2023*. United Nations. 2023. Available at: <https://sdgs.un.org/sites/default/files/2023-06/Advance%20unedited%20GSDR%2014June2023.pdf> (accessed 10.05.2023).

information derived from national statistical services. The use of information from the Sustainable Development Goal Indices database allows for a fairly correct comparison of two countries, which is determined by common methodological approaches for constructing indices that are focused on cross-country comparison of indicators for achieving the SDGs.

The main methodological approaches implemented in this work were analytical and comparative calculations and estimates, cross-country comparisons in relation to general indicators characterizing the achievement of the SDGs, and individual macroeconomic indicators. For individual SDGs, additional analysis was carried out using information used to calculate the SDG Indices and other sources.

The comprehensive approach implemented in the study covers all SDGs for China and the United States and shows their interconnectedness.

LITERARY REVIEW

The topic of sustainable development has been present in scientific literature since the 1980s. At the turn of the century, academic interest in sustainability and the number of corresponding publications markedly increased, especially when the international community first set global development goals in 2000, calling them the Millennium Development Goals (MDGs) (Resolution 55/2)⁷.

Based on the progress in the implementation of the MDGs and taking into account the current dynamics of solving global development problems, on September 25, 2015, the UN General Assembly approved the new document 'Transforming Our World: the 2030 Agenda for Sustainable Development' (Resolution 70/1)⁸. The updated global development goals were called the Sustainable Development Goals (SDGs). To achieve the SDGs, just as before with the MDGs, 15 years were allocated.

The adoption of the SDGs gave additional impetus to the general literature in the field of sustainable development and work dedicated to achieving the SDGs. Despite fairly widespread criticism of approaches to the SDGs and definitions of the SDGs (see, for example, Mair S. et al [4, pp. 41-56], Swain R.B. [5] and Spangenberg J. H. [6]) among the vast majority of political leaders and in scientific circles, a positive consensus has developed regarding the SDGs.

The fundamentally important point is that the SDGs are universal and, therefore, applicable to all countries, while the MDGs were intended only for developing ones.

Many scientific publications focus on various aspects of the SDGs. Among the modern ones, it is worth mentioning the annual UN report on progress towards the SDGs⁹. However, it describes global trends and has virtually no country detail.

The overarching issues across all SDGs are explored in the book by Gutmann M. and Gorman D. which examines the reasoning behind each of the 17 development goals, revealing the global human connections, tools and governance structures of past efforts to address sustainable development issues [7].

Of great interest is a lengthy and detailed publication by Huck W. and Maaß J. that explores the legal framework underlying the SDGs and their implications for international law. The authors examine the meaning of the 5 components of the SDGs (5P – People, Planet, Prosperity, Peace and Partnership), explain and classify all goals and objectives of the SDGs [8].

⁷ United Nations Millennium Declaration A/RES/55/2 from 18 September 2000. Available at: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/globalcompact/A_RES_55_2.pdf (accessed 20.11.2023).

⁸ Transforming Our World: the 2030 Agenda for Sustainable Development. Resolution Adopted by the General Assembly on 25 September 2015. Available at: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/globalcompact/A_RES_70_1_E.pdf (accessed 20.11.2023).

⁹ Global Sustainable Development Report 2023: Times of Crisis, Times of Change. New York, United Nations, 2023. Available at: <https://sdgs.un.org/gsdrgsd2023> (accessed 20.11.2023).

Current issues that generate both enthusiasm and concern are related to artificial intelligence. The dual nature of artificial intelligence, which can both contribute and hinder the achievement of the SDGs, is revealed in the publication by Sætra H.S. [9].

Among the Russian literature in this area, there is a notable monograph that examines approaches to the development of a green economy and adaptation of the SDGs in Russia [10], and another, more recent work devoted to the priorities of sustainable development in the world and in Russia [11]. The assessment of the SDGs based on various philosophical concepts is also of interest [12].

As it was already noted, the number of publications in the field of SDGs is very large, therefore, taking into account the study objectives, special attention was paid to works that provide a comparative analysis of countries, primarily of China and the United States, in the context of progress towards the SDGs. These works belong to the researchers from China, the USA and other countries, including Russia.

Addressing the food, energy and water crises in China and the United States, the publication's authors call for expanded common efforts to solve these problems, from joint research to practical action [13].

In discussing policies towards carbon neutrality in China and the United States, the authors draw attention to fundamental differences in governance [14]. The political systems in the United States and China are opposites of each other. The United States is a 'Bottom to Top' system while China is a 'Top to Bottom' one. A positive result can be achieved by mutually sharing the accumulated experience.

The work [15] devoted to a comparative analysis of green energy in China and the United States, concludes that the results of combating environmental problems in these two countries are generally successful, but taking into account the large potential for reducing emissions, recommendations are formulated for a wider use of tax policy and reducing political uncertainty in this area.

The publication [16] examining a comparison of water resource management in China and the United States highlights the need to change the paradigm of water resource use to achieve the SDGs, the need for an integrated approach to manage not only water, but also other biological resources.

The work of Goodman M. P. et al. [17] on the US-China SDG partnership notes that the SDG agenda is critically dependent on the ability of the US and China to work together to achieve many goals, particularly financing sustainable development projects.

The article by Biggeri M. et al. [18] is devoted to the study of the regional characteristics of China and the United States in the context of the SDGs. It is concluded that China has a more balanced position in terms of progress towards the SDGs and spatial distribution. At the same time, both countries have deep territorial differences and serious efforts are needed to reduce them in order to move towards the SDGs. At the same time, the need for joint efforts of the two countries to solve global problems is noted, synergies and compromises in the implementation of the SDGs that can promote or hinder sustainable development are identified.

Also of interest is the publication [19] showing one of the spillover effects of the work of China and the United States in sustainable development. It is suggested that joint work on the climate agenda to advance towards the SDGs can bring closer the positions of China and the United States and stabilize their relations. This will have a positive effect for the whole world, including Europe.

In the Russian scientific literature, there are also works related to the comparison of the actions of countries, including China and the United States, in the area of progress towards the SDGs.

The work by Ilyasov R.Kh. and Plotnikov V.A. [20] is devoted to analyzing the mutual impact of energy consumption, carbon dioxide emissions and economic growth trends using the example of China and the USA. Attention is drawn to the fact that the structure of China's economy is characterized by a greater energy intensity, and this makes it difficult to reduce emissions and achieve the SDGs.

The use of climate policy as a mechanism of competition between China and the United States is presented in the work of Aliev O.M. [21]

The article by Moreva E.L. and Bekulova S.R. is devoted to analyzing the activities of several countries in the Arctic, including those of China and the United States, in the context of sustainable development issues [22].

Strategic planning issues that are closely linked to sustainable development are discussed in the article by Silvestrov S.N., Bauer V.P. and Eremin V.V. [23] The multi-horizon nature of strategic planning in China and the focus on balance are pointed out. A special feature of the United States is the high level of independence and responsibility of local authorities, the coupling of strategic planning with the national security strategy.

Also of interest is the dissertation [24] devoted to the idea of 'sustainable communities' in the context of addressing the global climate agenda using the example of the United States and China, where the conclusion is drawn about the need for a broader coordination of various parties in the development of sustainable communities.

Currently, a whole direction of scientific research has been formed in the field of bibliometric and scientometric analysis of existing sets of scientific works. Within the framework of this approach, work by Setiawan D., Rahmawati I.P. and Santoso A.A. [25] provides a bibliometric analysis of publications in the field of climate change and related modifications of corporate accounting. The results show that China and the United States are in the lead by the number of such publications.

Another bibliometric study by Li X., Du J. and Long H. [26] showcases an analysis and mapping of publications in China and other countries in the field of green development, with the prominent dominance of China and the United States.

Scientometric analysis [27] of global scientific efforts in the field of sustainable development also shows that China and the United States occupy the first positions in publications in this area of scientific activity.

Examination of relevant scientific publications allows to draw a conclusion that China and the United States hold leading positions in the field of research on the climate agenda research, energy and sustainable development in general. The number of publications covering various areas of interaction between China and the United States in the context of sustainable development and progress towards the SDGs is increasing.

At the same time, it should be noted that despite a very significant amount of scientific research on SDGs, the issues of achieving them by the United States and China are considered, as a rule, either in the context of individual areas of achieving the SDGs, for example, climate ones, or as an element of a broader country coverage. The novelty of this work lies in its focus on a comprehensive comparison of SDG achievement for two countries with the largest economic potential for each of the 17 goals, which allows taking another step to expand the field of research in the field of SDGs.

METRICS AND INDICATORS FOR ACHIEVING THE SDGS

Quantitative indicators are widely used to measure the achievement of goals, track progress and identify areas that require closer attention and additional efforts. To implement a triune approach to the SDGs – environmental, social and economic dimensions, 17 goals were determined, which are further divided into 169 tasks. To track progress in achieving the SDGs, a system of numerous indicators has been developed that characterize all the goals and objectives, with a total of about 230 indicators.

The existing large set of indicators leads to the need to develop approaches for comparing countries based on their progress towards the SDGs. The simplest thing is to compare countries by individual indicators. But there is also a need for generalizing approaches, comparison in progress on the SDGs themselves and in general. This question is answered by the development of generalizing

SDG indices, of which the Index of Sustainable Development Goals, developed as a part of the project led by J. Sachs, is quite widely known and used [3]. Briefly, the methodology for calculating the index can be characterized as follows: a limited number of available indicators (about 100) are selected to calculate the index, which cover all 17 SDGs, afterwards they are normalized following the scheme: 100 – the goal is fully achieved, 0 – the goal is not achieved at all. After receiving data on 17 SDGs, their arithmetic mean is calculated. It should be noted that this index is calculated not only from 2015, when the SDGs were adopted, but it also covers a retrospective since 2000, which allows us to see the dynamics of progress in achieving the SDGs over a longer period and expands the understanding of current trends in this area.

Despite the problems of generalizing indices noted in the scientific literature [28], some experts declaring their construction as 'art' [4, pp. 41-56], and development of alternative indices [5], the SDG Index database remains a widely used information resource. The methodology for calculating this index was audited by the Joint Research Center of the European Commission, which recognized the feasibility of using this approach¹⁰.

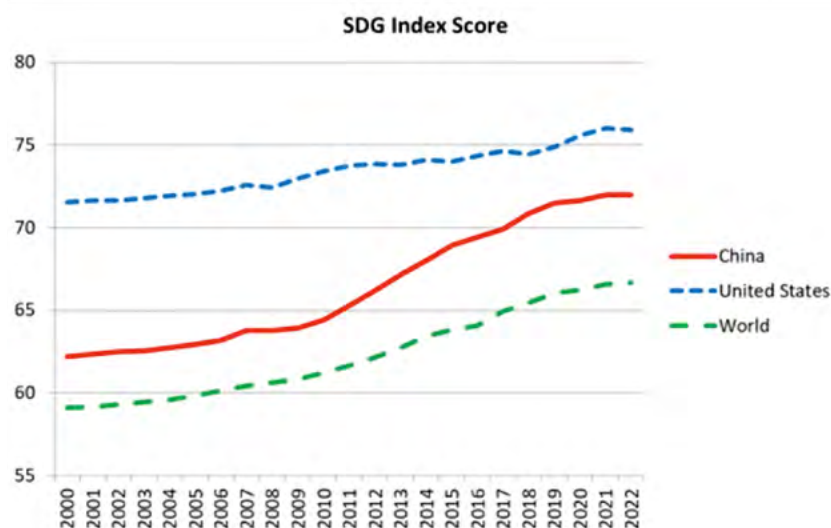
Overall, despite its shortcomings, the index is considered a satisfactory attempt to track countries' progress towards the SDGs.

INTEGRAL SDG INDICES OF THE USA AND CHINA

In general, the integrated SDG indices for the U.S. and China show positive dynamics, but at a different speed of advancement – over the period from 2000 to 2022, the growth rate of the Index for China was about 3 times higher than the growth rate for the U.S. [3]. In 2000 China's SDG index lagged behind the U.S. level by 9.3 p.p., but by 2022 the gap narrowed to 3.9 p.p.

The dynamics of the SDG indices for the U.S., China and the world as a whole are shown in Fig. 1.

Figure 1. SDG Index Score

Source: calculations by the author based on data from [3].

The observed positive progress in both countries generally correlates with the growth of their economies.

This result summarizes the priorities and approaches to achieving the SDGs in these two countries. The U.S. initially occupied a fairly high position in the areas of development reflected in

¹⁰ Papadimitriou E., Neves A.R., Becker W. *JRC Statistical Audit of the Sustainable Development Goals Index and Dashboards*. Luxembourg, Publications Office of the European Union, 2019. 30 p. Available at: https://s3.amazonaws.com/sustainabledevelopmentreport/2019/2019_JRC_Audit_SDG_Index.pdf (accessed 10.05.2023).

the SDGs, and, as one might assume, didn't have enough motive for targeted work in this area. China occupied a less favorable starting position, which, among other things, determined the need for extensive political and organizational work. While in the U.S. the economic vector of interests is a priority, China demonstrates a more balanced approach in implementing the concept of sustainable development. At the same time, for a more detailed understanding of the situation, it is necessary to consider the positions of countries on individual SDGs.

SDGS FOR THE U.S. AND CHINA: CHARACTERISTICS AND RELATIONSHIPS

Comparing the performance of the United States and China in achievement of individual SDGs reveals both areas of success and problems that require attention and solutions. Table below shows index values for individual SDGs for China and the U.S. for 2022. The data are ranked by the difference between the indicators of the U.S. and China, from the largest deviation in favor of China to the largest deviation in favor of the U.S.

Table. SDG Index Score by Different Goals for United States and China (2022)

	United States	China	Difference
SDG12: Responsible Consumption and Production	59.9	87.0	-27.1
SDG13: Climate Action	52.5	77.6	-25.1
SDG2: No Hunger	68.6	83.4	-14.8
SDG4: Quality Education	93.9	99.5	-5.6
SDG5: Gender Equality	76.8	78.2	-1.4
SDG1: No Poverty	98.9	98.1	0.8
SDG8: Decent Work and Economic Growth	81.9	78.9	3.0
SDG3: Good Health and Well-Being	88.7	83.4	5.3
SDG7: Affordable and Clean Energy	73.5	67.7	5.8
SDG16: Peace, Justice and Strong Institutions	68.6	60.6	8.0
SDG11: Sustainable Cities and Communities	89.3	79.5	9.9
SDG14: Life Below Water	65.7	55.7	9.9
SDG15: Life on Land	60.4	48.9	11.5
SDG6: Clean Water and Sanitation	83.6	69.0	14.6
SDG9: Industry, Innovation and Infrastructure	97.8	80.3	17.6
SDG10: Reduced Inequalities	57.5	34.9	22.5
SDG17: Partnerships for the Goals	72.9	41.4	31.5

Source: calculations by the author based on data from [3].

In accordance with the presented assessments of the degree of achievement of 17 SDGs, China is noticeably ahead of the U.S. in the three of them. This applies to SDG12 (Responsible Consumption and Production); SDG13 (Climate Action); SDG2 (No Hunger).

In regards to Responsible Consumption and Production, it can be noted that in China, centralized management structures make it possible to effectively organize work in this area, including on the basis of administrative measures. In the US, where bans and restrictions are widely debated and perceived as human rights restrictions, progress towards achieving this SDG is somewhat more difficult.

Climate Action's position shows the need for more detailed comparisons of indicators to provide an informed understanding of the situation. The indicators taken into account to construct the index for this purpose are determined in tons of emissions per capita. China's population exceeds the United States nearly fourfold, and its greenhouse gas emissions is 2.3 times higher. Accordingly, China's per capita emissions are lower than those of the United States. This determines the given

ratio of indicators. In addition, the United States is on a downward trend in overall emissions; China has only managed to slow down its emissions growth. The best performance for China appears to be formal and related to the methodology for calculating the index.

In terms of eliminating hunger, it should be noted that this problem is recognized and widely discussed in the United States, but the situation with it has not improved for decades. So, according to data for 1999, 10.1 percent of U.S. households, 31 million Americans, were food insecure, meaning that at some time during the previous year they were uncertain of having or unable to acquire adequate food sufficient to meet basic needs at all times due to inadequate household resources for food¹¹. In 2022, there were 12.8 percent of such households¹².

Some researchers link it to a focus on private charity, not just government food assistance programs [29].

For 9 SDGs, the differences do not exceed 10 percentage points, and are not particularly significant.

China is lagging behind U.S. in implementation of five SDGs: SDG15 (Life on Land), SDG6 (Clean Water and Sanitation); SDG9 (Industry, Innovation and Infrastructure); SDG10 (Reduced Inequalities); SDG17 (Partnerships for the Goals).

The difference in positions on Goal 15 (Life on Land) is largely due for the United States to the relatively lower anthropogenic and industrial load on nature, and a longer history of both research and regulatory and conservation measures. China only relatively recently turned to solving this problem, solving the priority tasks of increasing production and eliminating poverty.

The differences in performance under Goal 6 (Clean Water and Sanitation) are explained by the different starting positions of the United States and China, including the fact that the rural population in the United States is 17 percent and China's at 36 percent based on 2022 data. Improving living conditions is a long-term process.

Speaking about the Goal of Industry, Innovation and Infrastructure, it should be noted that the United States as a whole is still the world leader in the field of innovation and industry, despite China's active advancement in these areas and its superiority over the United States in terms of industrial production.

An analysis of the SDG10 (Reduced Inequalities goal) shows a dynamic change in the situation in China with a relatively stable level in the United States. In general, these two countries can be classified as countries with relatively high levels of inequality. Since the beginning of the economic reforms in China, the level of income differentiation, measured by the Gini coefficient, has increased rapidly, passed two peaks in 2002 and 2010, surpassed the U.S. level, and then began to decline. In the United States over the past 30 years, we can talk about a slight upward trend in inequality indicators, but mostly there have been fluctuations around the same level. Taking into account the use of other indicators that reflect inequality, additional analysis is needed to identify the real situation in terms of the level and dynamics of progress towards this goal.

Regarding the position where the gap is the largest – SDG17 (Partnerships for the Goals) – the situation here is determined, among other things, by the difference in approaches and methodology that has developed in China and the OECD countries that are members of the 'club' of the Development Assistance committee.

These results reflect not only different starting conditions and the level and dynamics of economic development, but they also characterize different approaches to SDG management.

¹¹ Andrews M., et al. *Household Food Security in the United States, 1999*. US Department of Agriculture, Economic Research Service. 2000. Available at: https://www.ers.usda.gov/webdocs/publications/46897/32500_fanrr8_002.pdf?v=0 (accessed 23.09.2023).

¹² Rabbitt M. P., et al. *Household Food Security in the United States in 2022*. US Department of Agriculture, Economic Research Service. 2023. Available at: <https://www.ers.usda.gov/webdocs/publications/107703/err-325.pdf?v=5285> (accessed 23.09.2023).

The serious attitude towards the work to achieve the SDGs in China at the political level is evidenced by the fact that after the approval of the SDGs, coordination of work in this area was assigned to a leading agency – the Ministry of Foreign Affairs of the People’s Republic of China and the key policy document for guiding was published China’s commitment to SDG implementation – National Plan on Implementation of the 2030 Agenda for Sustainable Development¹³. In addition, China uses innovation-driven demonstration zones for implementing the SDGs [30].

China incorporated the SDGs in 13th and 14th Five-Year Plan and 2035 development targets¹⁴. In accordance with the UN recommendations, China, like most countries of the world, prepares and has already presented two Voluntary National Review (VNR) of progress in the implementation of the 2030 Agenda for Sustainable Development (United Nations, 2023b) since 2016. By July 2023, all UN Member States will have presented a VNR except for Haiti, Myanmar, South Sudan, the United States and Yemen¹⁵.

During Barack Obama’s presidency, issues of sustainable development and the climate agenda, despite the economic crisis of 2008–2009 and opposition from the Republican wing of the American establishment, were paid attention to [31].

In November 30, 2015 during remarks by President Obama at the First Session of 2015 United Nations Climate Change Conference he said: ‘Over the last seven years, we’ve made ambitious investments in clean energy, and ambitious reductions in our carbon emissions’, and also called on all countries to join forces in the fight against climate change¹⁶.

During the presidency of D. Trump, SDG issues occupied a far less prominent place. Moreover, D. Trump has consistently and demonstratively declared the priority of the American economy over the climate agenda. As a result, on June 1, 2017, US President Donald Trump announced that the United States would cease all participation in the 2015 Paris Agreement on climate change mitigation.

After J. Biden assumed the presidency, attention to the climate agenda and the SDGs in general increased; President Biden signed an executive order to rejoin the Paris Agreement on January 20, 2021, his first day in office. Green energy programs and other programs related to the climate agenda began to roll out.

The topic has gained greater attention in public and academic circles and in a broader context of sustainable development.

In particular, there is a notable publication of the Brookings Center for Sustainable Development and United Nations Foundation report, where a recommendation was made to start preparing and submitting a Voluntary National Review, as the rest of the G7, G20 and OECD countries are doing [32], as well as other proposals for improving progress towards the SDGs.

Unlike China, with its centralized structures and plans for sustainable development, the United States is more focused on the actions of individual companies, communities, local and regional authorities, providing support from the federal level, including in the form of grants.

As noted in the previously mentioned work [14], the top-down and bottom-up approaches of China and the United States have their merits and these approaches should be studied and used taking into account the characteristics of countries and differences in sustainable development goals.

¹³ *China’s National Plan on Implementation of the 2030 Agenda for Sustainable Development*. Ministry of Foreign Affairs of the People’s Republic of China. 2016. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/eng/topics_665678/2030kcxzyc/201704/P020210525474822784501.pdf (accessed 10.05.2023).

¹⁴ *Global Sustainable Development Report 2023...*

¹⁵ *Ibid.*

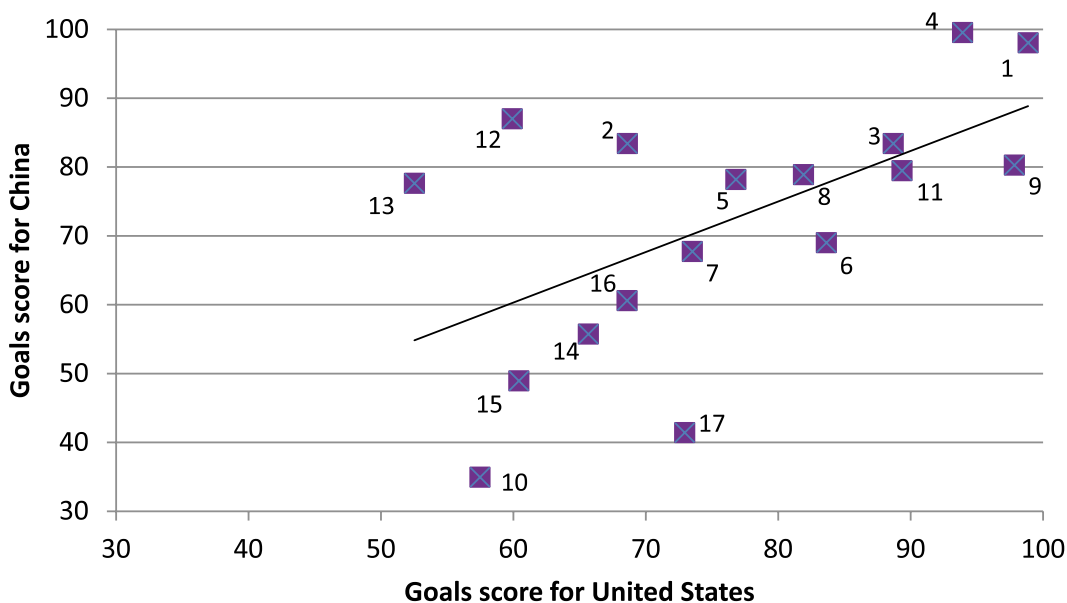
¹⁶ *Remarks by President Obama at the First Session of COP21*. The White House. 30.11.2015. Available at: https://www.ers.usda.gov/webdocs/publications/46897/32500_fanrr8_002.pdf?v=0 (accessed 10.05.2023).

INTERCONNECTEDNESS OF THE SDGS OF CHINA AND THE USA

Despite existing differences, a comparison of the level of SDG indicators of the two countries allows to speak about a certain relationship between the levels of implementation of the SDGs. It highlights the existence of areas of success and areas with insufficient progress towards the SDGs. Figure 2 shows the relationship between index values for individual SDGs. Each dot corresponds to the index values for the US and China for the corresponding SDG, the number of which is located next to this dot.

The straight line illustratively shows the average relationship between the indicators.

Figure 2. Interconnection on different goals

Source: calculations by author based on data from [3].

In the success area, SDGs include two goals where the indicators for both the United States and China are already close to 100%: SDG1 (No Poverty) and SDG4 (Quality education). In addition, SDG9 (Industry, Innovation and Infrastructure) can be attributed to the area of success. Three SDGs in the overall area with insufficient progress towards goals include: SDG10 (Reduced Inequalities), SDG15 (Life on Land), and SDG14 (Life Below Water).

A comparison of the SDG indicators of the two countries shows that for most of them, the proportionality and interconnectedness of the indicators are revealed, which, despite all the differences between countries, demonstrates the similarity of the hierarchy of existing problems and priorities. The areas of success testify to the priority and importance of development for both the United States and China in those areas. SDGs that are generally difficult to achieve are left in the insufficient progress area. This indicates the need to expand cooperation, especially for problematic SDGs, since joint efforts can make it possible to solve existing problems more effectively.

CONCLUSION

Structural changes that have taken place over the past 20–30 years have formed a deeply penetrating system of interaction and interdependence not only between the US and China, but also between most other countries. The consequences of the COVID-19 pandemic and the increased tension in international relations lead to the reformatting of this global complex system, which adversely affects the progress of the world community and individual countries in sustainable development. At the same time, the ideas of sustainable development that are accepted by the world community and reflected in the SDGs, not only do not lose their relevance, but also act as a

framework for world development.

The novelty of this work lies in the comparison of the positions of China and the United States on all 17 SDGs based on information from the Sustainable Development Goal Indices database and the identification of the interconnectedness of progress towards the SDGs despite differences in volume and structural economic indicators and, in particular, organizational approaches aimed at promoting progress towards the SDGs. The results show that China is ahead of the United States in three indicators of the SDG Indexes, lags behind in five indicators, and the countries are at approximately the same level in nine indicators.

Countries' political and organizational approaches to mechanisms for moving towards the SDGs also differ. China has historically demonstrated centralized and hierarchical schemes, operating mainly on a top-down basis, which makes it possible to initially establish a holistic and balanced approach and ensure consistency in the implementation of plans. The US is characterized by a more bottom-up approach, which allows greater flexibility, initiative and responsibility at the corporate and local levels. At the same time, especially at the federal level, dependence on changes in political attitudes during the transfer of power between presidential administrations remains high.

Separately, the interconnectedness of indicators of progress towards the SDGs was analyzed based on the analysis of the ratio of indicators of the SDG Indexes for China and the USA. The results show that, despite all the existing differences in economic and political systems for most of the SDGs, such a dependence exists and common zones of success and lag for the two countries can be identified. Both joint zones of success and, in particular, joint zones of lag suggest the need to harmonize and combine efforts for a faster and a more productive progress towards the SDGs.

The multidimensional nature of the mutual dependence of the economies of the United States and China, the direct or indirect influence of these largest economies in the world makes it necessary to increasingly coordinate actions and correlate the policies pursued. That is why, despite the competition and rivalry between the United States and China, opinions about the need for joint efforts on the climate agenda [33] and in the field of sustainable development in general [34] become more frequent. Some authors explicitly state that US–China cooperation is vital to global plans for a healthy environment and sustainable development [35].

The complexity of the processes of transition to sustainable development and the impossibility of one country to solve them completely on its own creates the need for a coordinated and complementary policy. It is necessary to consider ways to achieve the SDGs in the broad context of cooperation between interested countries.

At the same time, it is necessary to take into account and to assess the use of the economic potential of countries for their advancement in the direction of sustainable development, to make efforts to improve its efficiency, including on the basis of intercountry cooperation, highlighting those areas where the interests of countries are the closest and the most interdependent.

Such work should be based on reliable and holistic data, which implies continued improvement of the methodology for calculating SDG summary indicators and taking into account associated effects in order to adequately assess the progress of countries towards sustainable development.

REFERENCES

1. Friedberg A.L. *The Weary Titan: Britain and the Experience of Relative Decline, 1895–1905*. Princeton University Press, 2010. 370 p.
2. Gore C. The Post-2015 Moment: Towards Sustainable Development Goals and a New Global Development Paradigm. *Journal of International Development*, 2015, no. 27(6), pp. 717–732. DOI:10.1002/jid.3109
3. Sachs J.D., Guillaume L., Grayson F., Eamon D. *Sustainable Development Report 2023. Implementing the SDG Stimulus*. Dublin, Dublin University Press, 2023. 564 p. Available at: <https://s3.amazonaws.com/sustainabledevelopment.report/2023/2023-sustainable-development-report.pdf> (accessed 10.05.2023).
4. Mair S., et al. A Critical Review of the Role of Indicators in Implementing the Sustainable Development Goals. *Handbook of Sustainability Science and Research*. Leal Filho W., ed. Springer, 2018, pp. 41–56. DOI: 10.1007/978-3-319-63007-6_3
5. Swain R.B. A Critical Analysis of the Sustainable Development Goals. *Handbook of Sustainability Science and Research*. Leal Filho W., ed. Springer, 2018, pp. 341–355. DOI: 10.1007/978-3-319-63007-6_20

6. Spangenberg J.H. Hot Air or Comprehensive Progress? A Critical Assessment of the SDGs. *Sustainable Development*, 2017, vol. 25, no. 4, pp. 311-321. DOI: 10.1002/sd.1657
7. Gutmann M., Gorman D., eds. *Before the UN Sustainable Development Goals: A Historical Companion*. Oxford, Oxford University Press, 2022. 577 p.
8. Huck W., Maaß J. *Sustainable Development Goals: Article-by-Article Commentary*. Nomos, CH Beck, Hart Publishing, 2022. 740 p.
9. Sætra H.S. *AI for the Sustainable Development Goals*. CRC Press, 2022. 120 p. DOI: 10.1201/9781003193180
10. Бобылев С.Н., Киришин П.А., Кудрявцева О.В., ред. *Зеленая экономика и цели устойчивого развития для России*. Москва, Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2019. 284 с. [Bobilev S.N., Kiryushin P.A., Kudryavtseva O.V., eds. *A Green Economy and Sustainable Development Goals for Russia*. Moscow, Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University, 2019. 284 p. (In Russ.)]
11. Порфирьев Б.Н. Приоритеты устойчивого развития и климатическая повестка в начале 2020-х годов в мире и в России. *Научные труды Вольного экономического общества России*, 2023, т. 3(241), сс. 72-80. [Porfiriev B.N. Sustainable Development Priorities and the Climate Agenda in the Early 2020s in the World and in Russia. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*, 2023, vol. 3(241), pp. 72-80. (In Russ.)] DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-72-80
12. Иванова Д.С. Устойчивое развитие: история идеи. *Развитие территорий*, 2023, № 3(33), сс. 74-84. [Ivanova D.S. Sustainable Development: the History of an Idea. *Territory Development*, 2023, no. 3(33), pp. 74-84. (In Russ.)] DOI: 10.32324/2412-8945-2023-3-74-84
13. Zhuang J., et al. Food-Energy-Water Crises in the United States and China: Commonalities and Asynchronous Experiences Support Integration of Global Efforts. *Environmental Science & Technology*, 2021, vol. 55, no. 3, pp. 1446-1455. DOI: 10.1021/acs.est.0c06607
14. Wu Z., et al. The United States and China on the Paths and Policies to Carbon Neutrality. *Journal of Environmental Management*, 2022, no. 320(6273):115785. DOI: 10.1016/j.jenvman.2022.115785
15. Saqib N., Usman M. Are Technological Innovations and Green Energy Prosperity Swiftly Reduce Environmental Deficit in China and United States? Learning from Two Sides of Environmental Sustainability. *Energy Reports*, 2023, vol. 10(4), pp. 1672-1687. DOI: 10.1016/j.egyr.2023.08.022
16. He C., Harden C.P., Liu Y. Comparison of Water Resources Management between China and the United States. *Geography and Sustainability*, 2020, vol. 1, no. 2, pp. 98-108. DOI: 10.1016/j.geosus.2020.04.002
17. Goodman M.P., et al. *Parallel Perspectives on the Global Economic Order*. Center for Strategic and International Studies (CSIS), 2017. 118 p.
18. Biggeri M., et al. Policy and Political Challenges for a Better World: The United States and China Pathways Towards the 2030 Agenda. *Ecological Economics*, 2023, vol. 209: 107821. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2023.107821
19. Eralp D.U. The European Union's Global Actorness in the Climate Change Era: Using Sustainable Development Goals to bring China and the US Together. *Contestation and Polarization in Global Governance: European Responses*. Egan M., et al. eds. Glos, Northampton, Edward Elgar Publishing, Inc., 2023, pp. 324-342. DOI: 10.4337/9781800887268.00026
20. Ильясов Р.Х., Плотников В.А. Макрорегиональный анализ углеродоемкости экономики. *Управленческое консультирование*, 2023, № 7(175), сс. 42-52. [Ilyasov R.H., Plotnikov V.A. Macro-Regional Analysis of the Carbon Intensity of the Economy. *Administrative Consulting*, 2023, no. 7, pp. 42-52. (In Russ.)] DOI: 10.22394/1726-1139-2023-7-42-52
21. Алиев О.М. Китай и США в рамках глобального экологического регулирования. *Управленческий учет*, 2022, № 4-2, сс. 355-362. [Aliiev O.M. China and the USA in the Framework of Global Environmental Regulation. *Upravlencheskii uchet*, 2022, no. 4-2, pp. 355-362. (In Russ.)] DOI: 10.25806/uu4-22022355-362
22. Морева Е.Л., Бекулова С.Р. Стратегии устойчивого развития североамериканских стран, Китая и Индии как фактор безопасности арктического региона. *Национальная безопасность/nota bene*, 2023, № 1, сс. 13-27. [Moreva E.L., Bekulova S.R. Sustainable Development Strategies of North America, China and India as a Factor of Security in the Arctic Region. *Natsional'naya bezopasnost'/ nota bene*, 2023, no. 1, pp. 13-27. (In Russ.)] DOI: 10.7256/2454-0668.2023.1.39290
23. Сильвестров С.Н., Бауэр В.П., Еремин В.В. К анализу поучительного для России опыта применения инструментария стратегического планирования развития экономики во Франции, США и КНР. *Российский экономический журнал*, 2019, № 1, сс. 41-57. [Sil'vestrov S.N., Bauer V.P., Eremin V.V. The Analysis is Instructive for Russia Experience of Application of Tools of Strategic Planning of Economic Development in France, USA and China. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal*, 2019, no. 1, pp. 41-57. (In Russ.)]
24. Дерендяева О.А. Экологические и социальные аспекты концепции "устойчивые сообщества" в решении глобальной климатической проблемы (на примере США и КНР). Дисс. канд. экон. наук. Москва, 2022. 194 с. [Derendyaeva O.A. Ecological and Social Aspects of 'Sustainable Community' Concept in Solving Global Climate Problems (the Examples of the USA and China). Cand. Diss. (Econ.) Moscow, 2022. 194 p. (In Russ.)]
25. Setiawan D., Rahmawati I.P., Santoso A. A Bibliometric Analysis of Evolving Trends in Climate Change and Accounting Research. *Cogent Business & Management*, 2023, vol. 10, no. 3:2267233. DOI: 10.1080/23311975.2023.2267233
26. Li X., Du J., Long H. A Comparative Study of Chinese and Foreign Green Development from the Perspective of Mapping Knowledge Domains. *Sustainability*, 2018, no. 10(12):4357. DOI: 10.3390/su10124357
27. Biswal H.K., et al. Global Research Output on Sustainable Development: A Scientometric Analysis. *Resource Efficiency, Sustainability, and Globalization*. Mishra M., et al. eds. New York, Apple Academic Press, 2021, pp. 61-80. DOI: 10.1201/9781003130833-4
28. Nia A.B. *Tracking Progress Towards the SDGs: Measuring the Otherwise Ambiguous Progress*. Working Paper SD/WP/05/May. ESCAP-Statistics Division. 2017. Available at: <https://repository.unescap.org/handle/20.500.12870/1137> (accessed 10.05.2023).

29. Brulé G. Evaluation of Existing Indexes of Sustainable Well-Being and Propositions for Improvement. *Sustainability*, 2022, vol. 14, no. 2:1027. DOI: 10.3390/su14021027
30. Huan Y., Liang T., Li H., Zhang C. A Systematic Method for Assessing Progress of Achieving Sustainable Development Goals: A Case Study of 15 Countries. *Science of the Total Environment*, 2021, vol. 752:141875. DOI: 10.1016/j.scitotenv.2020.141875
31. Atkinson H. *The Politics of Climate Change under President Obama*. London, Routledge, 2017. 128 p. DOI: 10.4324/9781315598642
32. Pipa T., Rasmussen K., Pendrak K. *The State of the Sustainable Development Goals in the United States. Policy Brief*. Brookings Center for Sustainable Development, United Nations Foundation. 2022. Available at: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2022/03/2022_Brookings_State-of-SDGs-in-the-US.pdf (accessed 10.05.2023).
33. Berg J., Gibson A. Why the World Should not Follow the Failed United States Model of Fighting Domestic Hunger. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2022, vol. 19, no. 2:814. DOI: 10.3390/ijerph19020814
34. Biermann F., Hickmann T., Senit C.A., eds. *The Political Impact of the Sustainable Development Goals*. Cambridge, Cambridge University Press, 2022. 250 p. DOI: 10.1017/9781009082945
35. Hongyuan Y., Jiahua P., Qingchen C., Qimin C., Yunjie Z., Lixiao J., Jiahua C. Leading the Global Race to Zero Emissions. *China Quarterly of International Strategic Studies*, 2021, vol. 7, no. 1, pp. 111-129. <https://doi.org/10.1142/S2377740021500056>

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТИКИ ПОМОЩИ КНР И ФРАНЦИИ СТРАНАМ АФРИКИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

© ПЯТАЧКОВА А.С., ГАЦКОВСКАЯ В.А., ПОЗДНЯКОВ И.С., 2023

ПЯТАЧКОВА Анастасия Сергеевна, научный сотрудник Международной лаборатории исследований мирового порядка и нового регионализма факультета мировой политики и мировой экономики.

Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, РФ, 119017 Москва, ул. Малая Ордынка, 17 (apyatachkova@hse.ru), ORCID: 0000-0001-7319-2371

ГАЦКОВСКАЯ Варвара Александровна, стажер-исследователь Международной лаборатории исследований мирового порядка и нового регионализма факультета мировой политики и мировой экономики.

Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, РФ, 119017 Москва, ул. Малая Ордынка, 17 (gatskovskaya10@yandex.ru), ORCID: 0000-0002-8536-3542

ПОЗДНЯКОВ Игорь Сергеевич, стажер-исследователь Международной лаборатории исследований мирового порядка и нового регионализма факультета мировой политики и мировой экономики.

Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, РФ, 119017 Москва, ул. Малая Ордынка, 17 (pozdneyakov-vostok@mail.ru), ORCID: 0009-0003-6724-6064

Пятачкова А.С., Гацковская В.А., Поздняков И.С. Основные направления политики помощи КНР и Франции странам Африки в период пандемии COVID-19. Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН, 2023, № 4, сс. 40-54. DOI: 10.20542/afij-2023-4-40-54

DOI: 10.20542/afij-2023-4-40-54

EDN: HTIEOX

УДК: 327+327.8(44):(510):(6)

Поступила в редакцию 26.08.2023.

После доработки 13.11.2023.

Принята к публикации 15.12.2023.

В статье проводится сравнительный анализ мотивов и подходов политики КНР и Франции в области помощи странам Африки с акцентом на механизмы их поддержки в период пандемии COVID-19. Франция является традиционным донором для стран региона, Китай же – сравнительно новым игроком, активно расширяющим свое влияние, что обуславливает исследовательский интерес к заявленной теме. В статье рассматриваются как общие, так и отдельные специфические направления политики помощи: совместные проекты сотрудничества КНР и Франции с африканскими странами, форматы международного взаимодействия КНР и Франции с ними и конкретные китайские и французские инициативы по борьбе с пандемией. Результаты исследования демонстрируют, что и для Китая, и для Франции Африка – наиболее приоритетный регион в плане политики помощи по совокупности ключевых параметров. Оба государства делают акцент на развитии африканских стран, но вкладывают в него разный смысл. В качестве основы для своего позиционирования в регионе Франция использует исторические связи и приоритеты развития (например, борьбу с глобальным неравенством), а Китай – общность интересов развивающихся стран по линии Юг–Юг и Цели устойчивого развития ООН. Кроме того, Китай видит политику помощи более широко, включая в нее льготные кредиты, а также стремится продвигать свои внешнеполитические концепции (в частности, “Сообщество единой судьбы человечества”). Вместе с тем обе страны

заинтересованы в экономических выгодах от политики помощи (в частности, в доступе к природным ресурсам). Концептуальные различия в базовых подходах КНР и Франции к пониманию содержания политики помощи на практике приводят к существенным различиям в структуре помощи и форматах ее реализации со стороны двух государств.

Ключевые слова: Африка, Китайская Народная Республика, Франция, политика помощи, *Françafrique*, "Пояс и путь", Форум китайско-африканского сотрудничества.

Вклад авторов: Пятачкова А.С. – концептуальное оформление, методология исследования, подготовка текста; Гацковская В.А. – обработка данных, подготовка текста по политике помощи Франции странам Африки; Поздняков И.С. – обработка и анализ данных по политике помощи КНР странам Африки.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов финансового и нефинансового характера.

Финансирование: исследование выполнено при грантовой поддержке факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ в 2023 г.

THE MAIN DIRECTIONS OF THE CHINESE AND FRENCH AID POLICIES IN AFRICAN COUNTRIES DURING THE COVID-19 PANDEMIC

Received 26.08.2023. Revised 13.11.2023. Accepted 15.12.2023.

Anastasia S. PYATACHKOVA (apyatachkova@hse.ru), ORCID: 0000-0001-7319-2371, National Research University 'Higher School of Economics', 17, Malaya Ordynka Str., Moscow 119017, Russian Federation.

Varvara A. GATSKOVSKAYA (gatskovskaya10@yandex.ru), ORCID: 0000-0002-8536-3542, National Research University 'Higher School of Economics', 17, Malaya Ordynka Str., Moscow 119017, Russian Federation.

Igor S. POZDNYAKOV (pozdneyakov-vostok@mail.ru), ORCID: 0009-0003-6724-6064, National Research University 'Higher School of Economics', 17, Malaya Ordynka Str., Moscow 119017, Russian Federation.

The paper presents a comparative analysis of the motives and approaches towards promoting aid policy in Africa by the People's Republic of China (PRC) and France, specifically during the COVID-19 pandemic. France is a traditional donor and a historically influential player in Africa. China is considered a relatively new actor in the region, which influence is constantly growing, thus, creating research interest. The article considers both general and separate specific aid policy directions: common partnership programs of PRC and France with African countries, forms of international cooperation between the countries and Chinese and French pandemic containment and mitigation initiatives. The results of the study demonstrate that Africa is the region of the highest priority for the aid policies of both China and France on the key parameters. Both countries focus on the development of African countries, they just see the process differently. France uses the historical ties and development goals (such as combating global inequality) as an advantage for its positioning in the region whereas China talks about the community of interests of developing countries in South–South cooperation and UN sustainable development goals. In addition, China includes concessional loans into aid policy and also promotes its foreign policy concepts (e.g. 'community of common destiny'). At the same time, both countries are interested in the economic benefits of their aid (in particular, in access to natural resources). Conceptual differences in the basic approaches of the PRC and France to understanding aid policy lead to significant practical differences in the aid structure and the formats for policies implementation by the two states.

Keywords: Africa, People's Republic of China, France, aid policy, *Françafrique*, Belt and Road Initiative, Forum on China–Africa Cooperation.

About the authors:

Anastasia S. PYATACHKOVA, Research Fellow, International Laboratory on World Order Studies and the New Regionalism, Faculty of World Economy and International Affairs.

Varvara A. GATSKOVSKAYA, Research Assistant, International Laboratory on World Order Studies and the New Regionalism, Faculty of World Economy and International Affairs.

Igor S. POZDNYAKOV, Research Assistant, International Laboratory on World Order Studies and the New Regionalism, Faculty of World Economy and International Affairs.

Authors' contribution: Pyatachkova A.S. – conceptual design, study methodology, manuscript preparation; Gatskovskaya V.A. – data processing, text writing on France's African aid policy; Pozdnyakov I.S. – processing and analysis of data on PRC's aid policy in Africa.

Competing interests: no potential competing financial or non-financial interest was reported by the authors.

Funding: The research was carried out in 2023 with the support of the Granted Research Program of the Faculty of World Economy and International Affairs at HSE University.

ВВЕДЕНИЕ

В силу исторических причин Африка традиционно считается объектом влияния западных держав, среди которых важное место занимает Франция. Однако на этом поле наблюдаются значительные изменения. В 2000 г. Франция была экспортером номер один во всех своих бывших колониях в Африке. Тем не менее, хотя в период между 2000 и 2020 гг. абсолютные показатели экспорта продолжали расти, относительная доля рынка, занимаемая Францией в регионе, уменьшилась вдвое – с 15 до 7.5% (для сравнения: доля рынка Китая составила 27%) [1; 2, p. 35]. Снижается и военное присутствие Франции на африканском континенте¹.

Китай же стабильно остается крупнейшим торговым партнером Африки уже 14 лет: объем торговли с 2000 по 2019 г. увеличился более чем в 17 раз, с 11 до 192 млрд долл. США², при этом позитивная динамика сохранилась даже с учетом фактора пандемии – в 2021 г. общий объем торговли товарами между Китаем и Африкой достиг около 254 млрд долл. (рост 36% к предшествующему году), а в 2022 г. вырос еще на 10.9% – до 282 млрд долл. [3] Общие тренды сотрудничества Франции и Китая со странами Африки находят отражение в широком спектре направлений взаимодействия, в том числе и в столь важной для региона политике помощи. Однако различия китайского и французского подходов определяются не только формальным наличием или отсутствием ранее существовавшей зоны влияния – они придерживаются разных взглядов на саму суть политики помощи.

Политика Франции во многом базируется на концепции ОПР (*Official Development Assistance*) – официальная помощь развитию, которая трактуется Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) как любые средства, предоставленные официальными органами (в том числе органами государственной власти и местного самоуправления или их исполнительными органами), основная цель которых – содействие экономическому развитию и благосостоянию развивающихся стран, и которые подразумевают предоставление помощи на льготных условиях³.

¹ Haroche P. The Crisis of the French Military Presence in Africa Can Be an Opportunity to Rebalance in Favor of Europe. *Le Monde*, 22.08.2023. Available at: https://www.lemonde.fr/en/opinion/article/2023/08/22/the-crisis-of-the-french-military-presence-in-africa-can-be-an-opportunity-to-rebalance-in-favor-of-europe_6103568_23.html (accessed 29.08.2023).

² Sanny J., Selormey E. AD489: Africans Welcome China's Influence but Maintain Democratic Aspirations. *Afrobarometer*. 15.11.2021. Available at: <https://www.afrobarometer.org/publication/ad489-africans-welcome-chinas-influence-maintain-democratic-aspirations/> (accessed 29.08.2023).

³ *Official Development Assistance – Definition and Coverage*. OECD. Available at: <https://www.oecd.org/development/financing-sustainable-development/development-finance-standards/officialdevelopmentassistancedefinitionandcoverage.htm> (accessed 20.08.2023).

Китайская политика помощи обычно включает в себя не только помощь в классическом понимании (гуманитарная помощь, гранты на образование, волонтерские программы), но и льготные кредиты. Исследователь Юнь Сунь выделяет восемь типов помощи, которую оказывает Китай: “Комплексные проекты, товары и материалы, техническое сотрудничество, сотрудничество в области развития человеческих ресурсов, медицинская помощь, гуманитарная помощь в чрезвычайных ситуациях, волонтерские программы и списание долгов”, при этом китайская помощь охватывает такие сферы, как образование, сельское хозяйство, транспорт и др. [4]. ОПР с точки зрения ОЭСР также имеет схожие сектора и не включает в себя только военную помощь, миротворчество (могут входить некоторые специальные группы расходов на миротворческие операции), отдельные культурные проекты и ядерную энергетику (может учитываться как ОПР только при условии, что финансируемый проект направлен на гражданские цели)⁴.

По этой причине в китайской политике помощи зачастую сложно разграничить сюжеты, связанные с благотворительностью и материальной выгодой Китая, в то время как в случае Франции схема представляется более прозрачной. Важную роль в мотивах расширения присутствия КНР и Франции в регионе играет возможность доступа к природным ресурсам и полезным ископаемым (например, урановым месторождениям) [5, с. 119; 6, с. 83].

В связи с упомянутыми принципиальными различиями в определении помощи со стороны Китая и Франции в данной статье при анализе китайской политики помощи будет использован дифференцированный подход, который, в частности, подразумевает рассмотрение льготных кредитов и отдельных сюжетов экономического взаимодействия, а политика Франции, главным образом, будет проанализирована на основе классического определения ОПР и представленной в ее отношении статистики.

Кроме того, важно учитывать различия в освещении политики помощи. В Китае доступ к данным остается ограниченным: количественные показатели можно найти в нерегулярно публикуемых отчетах, материалах СМИ и Белых книгах, для получения доступа к специализированным ресурсам часто требуется прохождение специальной регистрации. В связи с этим для анализа китайской политики помощи были задействованы иностранные базы данных: одна из них – *Chinese Loans to Africa Database (Boston University)*, вторая – *How China Lends (College of William and Mary)*, дополненные также упомянутыми официальными данными, отчетами и материалами Белых книг. Данные по Франции легко можно найти в открытом доступе по официальным каналам. В случае Франции использовались официальные данные профильных правительственных структур и ОЭСР.

Совокупность обозначенных выше факторов стимулирует исследовательский интерес к сравнению подходов африканского направления политики помощи КНР и Франции как представителей традиционных и новых международных игроков в регионе. В данной статье сравнительный анализ проводится на основе статистических данных и программных документов, касающихся политики помощи по различным направлениям (например, гуманитарная помощь, военная помощь, медицинская помощь; в случае КНР также выделяются инвестиционные проекты и кредиты). В качестве одного из основных направлений сравнения рассматривается помощь, предоставляемая в связи с пандемией *COVID-19*: проанализированы объемы предоставленной помощи, ее виды (отправка медицинских бригад, оборудования и проч.), а также конкретные страновые кейсы.

В научной литературе встречаются различные теоретические подходы к изучению политики помощи: в частности, анализ с точки зрения политической экономии [7], сравнительной политики [8] и др. В данном исследовании будут продолжены классические традиции реалистского и неореалистского направления в теории международных отношений, которые подразумевают исследование политики помощи

⁴ Official Development Assistance – Definition and Coverage....

с точки зрения реализации и обеспечения национальных интересов государства, а также влияния меняющейся структуры международных отношений на поведение ее отдельных акторов [9; 10].

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКИ ПОМОЩИ КНР В АФРИКЕ

Взаимоотношения современного Китая со странами Африки имеют довольно долгую историю. Однако в части политики помощи КНР считается новой страной-донором со своей спецификой взаимодействия [11, с. 1027]. На современном этапе развития политики помощи КНР выросла роль стран Африки как получателей: в период с 2013 по 2018 гг. 45% всей помощи КНР иностранным государствам приходилось именно на страны этого континента⁵.

После вступления Си Цзиньпина на пост Председателя КНР в 2013 г. африканское направление китайской внешней политики приобрело еще большее значение. Новым значимым шагом в продвижении внешнеполитических социально-экономических проектов КНР стала стратегическая инициатива “Пояс и путь” [12]. Также в 2014 г. Госсоветом КНР была опубликована Белая книга, где были отражены некоторые детали политики помощи (в частности, приводились характеристика направлений развития китайской политики помощи, официальные оценки объемов помощи со стороны КНР и общая стратегия развития данной политики)⁶.

В продолжение этой линии можно привести еще как минимум два документа: в 2014 г. Министерством торговли КНР были опубликованы “Меры по управлению иностранной помощью”, обновление этого документа произошло в 2021 г. В документе 2021 г. сохраняется восприятие КНР помощи в виде беспроцентных займов и льготных кредитов (ст. 16), также выделяются типы проектов, в рамках которых Китай оказывает помощь: комплексные проекты (成套项目), предоставление материальной помощи (物资项目 – расходные материалы, оборудование и т.д.), техническая помощь, развитие человеческого капитала, волонтерские программы, программы помощи с вовлечением бригад медицинского персонала, гуманитарная помощь в чрезвычайных ситуациях и вновь введенный в 2021 г. пункт – помощь по линии Юг–Юг через сотрудничество международных организаций, “мозговых центров” и другие площадки (ранее в документе 2014 г. не выделялся)⁷.

В 2020 г. вышла Белая книга, посвященная 30-летию участия китайских вооруженных сил в миротворческих операциях ООН (например, в Мали, Судане)⁸. Характерно, что единственная зарубежная военная база КНР также была построена именно в африканской стране – Джибути – в 2017 г. (помимо проведения совместных военных учений, задачи базы также включают в себя предоставление медицинской помощи местному населению, пожертвования для технического оснащения местных школ и другие виды помощи; в конце 2022 г. командующий китайской военной базой в Джибути за свои заслуги был удостоен высшей военной награды)⁹.

В 2021 г. в КНР была опубликована Белая книга “Сотрудничество в области международного развития в новую эпоху”, где основной акцент был сделан на преодолении последствий пандемии COVID-19. Кроме того, в числе приоритетных

⁵ Data: Chinese Global Foreign Aid. China Africa Research Initiative. Available at: <http://www.sais-cari.org/data-chinese-global-foreign-aid> (accessed 26.02.2023).

⁶ China's Foreign Aid (2014). The PRC Ministry of Foreign Affairs. 10.07.2014. Available at: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2014/08/23/content_281474982986592.htm (accessed 25.08.2023).

⁷ 国家国际发展合作署外交部商务部令（二〇二一年第1号）《对外援助管理办法》[Order of the Ministry of Foreign Affairs and Commerce of the State Agency for International Development and Cooperation (No. 1 of 2021) 'Measures for the Administration of Foreign Aid'. (In Chin.)] Available at: http://www.cidca.gov.cn/2021-08/31/c_1211351312.htm (accessed 25.08.2023).

⁸ 中国军队参加联合国维和行动30年（白皮书）[White Paper 'China's Armed Forces: 30 Years of Participation in UN Peacekeeping Operations'. The State Council of the People's Republic of China. 18.09.2020. (In Chin.)] Available at: https://www.gov.cn/zhengce/2020-09/18/content_5544398.htm (accessed 29.08.2023).

⁹ First Commander of Chinese PLA Support Base in Djibouti Awarded Highest Medal. *Global Times*, 08.12.2022. Available at: <https://www.globaltimes.cn/page/202212/1281444.shtml> (accessed 29.08.2023).

международных проектов указывалась работа над достижением Целей устойчивого развития ООН до 2030 г.¹⁰ В этом же году вышла и новая Белая книга, посвященная китайско-африканскому сотрудничеству¹¹.

С точки зрения управления политика помощи в КНР долгое время осуществлялась разветвленной сетью государственных ведомств (в основном министерствами торговли, иностранных дел и финансов), но в 2018 г., учитывая рост объемов помощи и внимания китайского руководства к этому направлению, для ее оказания появилась отдельная специализированная структура – Агентство развития сотрудничества в области международного развития (можно отметить параллели с термином ОПР, так как в китайской повестке помощь и развитие также тесно связаны друг с другом, что видно и из названия приведенной выше Белой книги).

Помимо этого, КНР продвигает политику помощи через международные институты (например, ООН) и банки (Новый банк развития БРИКС и др.). Также можно найти заявления о росте взносов со стороны КНР во Всемирный банк или Всемирную организацию здравоохранения (ВОЗ), особенно в период пандемии¹². При этом Китай до сих пор выступает не только как донор, но и как участник различных программ развития (например, с Азиатским банком развития), что во многом является наследием периода, когда КНР была скорее реципиентом помощи, а не донором, и участие в программах развития было одним из способов ее интеграции в глобальные международные связи¹³. Интересно, что в рамках сотрудничества по линии международных организаций Пекин также становится инициатором собственных программ (например, в рамках взаимодействия с ФАО в 2009–2019 гг. была озвучена специальная программа по линии сотрудничества Юг–Юг)¹⁴. Многие исследователи отмечают основополагающую роль Форума китайско-африканского сотрудничества (ФОКАК) в выстраивании отношений между КНР и странами Африки [13, сс. 35–46]. Деятельность ФОКАК с 2013 г. фактически приводится в синхронное взаимодействие с проектами инициативы “Пояс и путь” [14, с. 10].

ФОКАК стал важной площадкой для продвижения как китайских внешнеполитических концепций (“Сообщества единой судьбы человечества”, “Новой эпохи”), так и конкретных инициатив: например, в 2015 г. были анонсированы “10 основных планов сотрудничества» (十大合作计划), в 2018 г. – “8 основных инициатив” (八大行动), а в 2021 г. – “9 проектов” (九项工程) [15, с. 84]. В основном предлагаемые Китаем форматы фокусируются на актуальных для стран Африки вопросах (например, “9 проектов” включают в себя медицинскую инженерию, сокращение бедности и оказание помощи фермерам, содействие торговле, инвестиционные проекты, цифровую инновационную инженерию, “зеленые проекты”, содействие развитию талантов, взаимодействие в сфере культуры и человеческих обменов, проект мира и безопасности)¹⁵.

Эти идеи наряду с ключевыми документами и решениями (“Дакарский план действий на 2022–2024 гг.”, “Видение китайско-африканского сотрудничества до 2035 г.” и др.) появляются не только в официальных выступлениях чиновников и политиков,

¹⁰ 新时代的中国国际发展合作 (白皮书) 2021 [White Paper ‘China’s International Development Cooperation in the New Era’. The State Council of the People’s Republic of China. 10.01.2021. (In Chin.)] Available at: https://www.gov.cn/zhengce/2021-01/10/content_5578617.htm (accessed 25.08.2023).

¹¹ 新时代的中非合作 (白皮书) 2021 [China-Africa Cooperation in a New Era. The State Council of the People’s Republic of China. 26.11.2021. (In Chin.)] Available at: https://www.gov.cn/zhengce/2021-11/26/content_5653540.htm (accessed 21.08.2023).

¹² Shih G. China Pledges Additional \$30 Million Funding for World Health Organization. *Washington Post*, 23.04.2020. Available at: https://www.washingtonpost.com/world/asia_pacific/china-pledges-additional-30-million-funding-for-world-health-organization/2020/04/23/24f9b680-8539-11ea-81a3-9690c9881111_story.html (accessed 21.08.2023).

¹³ People’s Republic of China. Asian Development Bank Member Fact Sheet. Available at: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/27789/prc-2021.pdf> (accessed 09.06.2023).

¹⁴ *Inspiration, Inclusion and Innovation: FAO–China South–South Cooperation Programme (2009–2019)*. FAO. 2019. Available at: <https://www.fao.org/documents/card/ru/c/ca6798en/> (accessed 09.08.2023).

¹⁵ 储茂明 《非洲将从“九项工程”中获益》 中华人民共和国驻拉各斯总领事馆。[Chu Maoming. Africa Will Benefit from the ‘Nine Projects’. Consulate General of the People’s Republic of China in Lagos. (In Chin.)] Available at: http://lagos.china-consulate.gov.cn/zlsxw/202112/t20211206_10462690.htm (accessed 31.08.2023).

но и в аналитических работах китайских авторов, где также в основном присутствуют положительные оценки. Отмечается, что китайские инициативы способствуют развитию стран Африки и “построению международных отношений нового типа” [16] (хотя умеренно позитивные прогнозы можно встретить и на западных ресурсах) [15].

Переходя к конкретике, стоит отметить, что при подведении промежуточных итогов китайских проектов в Африке фигурируют либо экономическая составляющая, либо помощь в борьбе с COVID-19. Так, Ван И, министр иностранных дел КНР в 2013–2022 гг. и с 25 июля 2023 г., комментируя сотрудничество в Африке в контексте “9 проектов”, в августе 2022 г. заявил, что свыше 3 из 10 млрд долл. США были предоставлены финансовым институтам Африки в качестве займов, еще 2.5 млрд были направлены на приоритетные программы, китайские компании инвестировали 2.7 млрд долл. в Африку, также Китай предоставил 189 млн доз вакцин 27 странам Африки¹⁶. В июле 2023 г. под эгидой реализации “9 проектов” вышла новость о том, что на Третьей китайско-африканской торгово-экономической выставке в г. Чанша были подписаны контракты на сумму 10.3 млрд долл.¹⁷ Таким образом, несмотря на кризисные явления в мировой экономике и внутренние сложности, Китай продолжает демонстрировать готовность выполнять обязательства по заявленным инициативам в Африке.

Что касается структуры помощи, одна из известных китайских специалистов Хуан Мэйпо выделяет следующие источники финансирования помощи КНР: гранты, беспроцентные кредиты, льготные государственные кредиты и пожертвования международным организациям [17]. Статистические данные с 2001 по 2018 г. показывают, что объем иностранной помощи со стороны Пекина стабильно увеличивался, при этом наибольшая доля приходилась на государственные льготные кредиты [17].

Отдельного внимания заслуживает и вопрос кредитования. Создатели базы данных *How China Lends*, опубликованной в 2021 г., изучили порядка 100 долговых соглашений между китайскими правительственными структурами и 24 странами со средним и низким уровнем дохода, подписанных в период 2000 по 2020 гг. [18, pp. 4, 14]. По результатам исследования, 47% китайских соглашений о займах приходится на страны Африки (для сравнения: на страны Латинской Америки и Карибского бассейна – 27%, Восточной Европы – 11%, Азии – 10%).

Согласно другой базе данных – *Chinese Loans to Africa*, в период с 2000 по 2020 гг. КНР предоставила Африке 1188 займов на общую сумму 159.9 млрд долл. (при этом дается пометка, что эта сумма не эквивалентна долгу, поскольку база данных не отслеживает возвращение кредитов, а учитывает только выданные суммы кредитов). Наибольшие объемы кредитования приходились на Анголу (254 займа на сумму 42.6 млрд долл.), Эфиопию (52 займа на сумму 13.7 млрд долл.), Замбию (78 займов на сумму 10.1 млрд долл.), Кению (43 займа на сумму 9.3 млрд долл.)¹⁸. Большая часть средств идет на транспортные проекты (46.8 млрд долл.), проекты в сфере энергетики (40.5 млрд долл.), в то время как займы, связанные с проблемами окружающей среды (38 млн долл.), продовольствием (46 млн долл.), торговлей (139 млн долл.), здравоохранением (1 млрд долл.) занимают самые нижние строки рейтинга¹⁹.

Стоит отметить, что китайские займы африканским странам показывали достаточно стабильную тенденцию к росту (рис. 1), в том числе с пиковым резким повышением в 2013 г. в связи с запуском “Пояса и пути”, а также в 2016 г., однако после этого пошла

¹⁶ *China and Africa: Strengthening Friendship, Solidarity and Cooperation for a New Era of Common Development*. Ministry of Foreign Affairs of China. 18.08.2022. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/eng/wjbx_663304/wjbx_663308/2461_663310/202208/t20220819_10745617.html (accessed 31.08.2023).

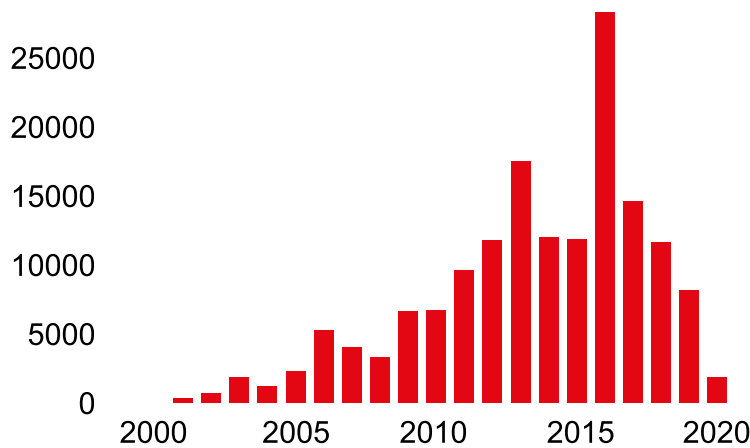
¹⁷ The China-Africa Trade Biennale Bears Fruitful Results. *Africa News*, 03.07.2023. Available at: <https://www.africanews.com/2023/07/03/the-china-africa-trade-biennale-bears-fruitful-results/> (accessed 31.08.2023).

¹⁸ *Chinese Loans to Africa Database*. Global Development Policy Center. Available at: <https://www.bu.edu/gdp/chinese-loans-to-africa-database/> (accessed 04.08.2023).

¹⁹ Ibid.

тенденция на снижение²⁰. Вместе с тем динамика по инвестициям демонстрирует преодоление пандемийного спада: в 2021 г. ПИИ КНР в страны Африки составили 44.19 млрд долл., в 2022 г. превысили 47 млрд долл. (примечательно, что в 2021 г. ПИИ КНР оказались выше 100 млн долл. в 16 странах Африки, что на шесть стран больше, чем в 2020 г.) [3].

Рисунок 1. Китайские займы в Африку (млн долл. США)

Источник: : составлено авторами по данным Chinese Loans to Africa Database²¹.

Одним из направлений помощи в период *COVID-19* стало списание долгов странам Африки со стороны Китая: 22 августа 2021 г. Китай отменил 23 долговых обязательства для 17 африканских стран, сумма не уточнялась, но, по экспертным оценкам, она могла варьироваться от 45 до 610 млн долл.²² Позднее сообщалось, что за 2022 г. Китай списал долги по 23 беспроцентным займам 23 странам Африки [19] (например, упоминается роль КНР в реструктуризации долговых обязательств Замбии²³).

Во время пандемии *COVID-19* Китай оказывал помощь африканским странам и по линии здравоохранения. За три года он направил 38 групп медицинских работников с целью контроля распространения коронавирусной инфекции, которые посетили четыре страны Азии, 15 стран Африки, две страны Латинской Америки и Карибского бассейна и три страны Европы²⁴. По данным на август 2022 г., КНР предоставила 189 млн доз вакцин 27 странам Африки, а совместное производство вакцин достигло 400 млн доз в год²⁵ (в этом случае можно заметить пересечения по различным видам получаемой помощи: так, упомянутая выше Замбия также фигурирует в новостях и как получатель китайских вакцин *Sinopharm*)²⁶.

²⁰ Chinese Loans to Africa Database...

²¹ Ibid.

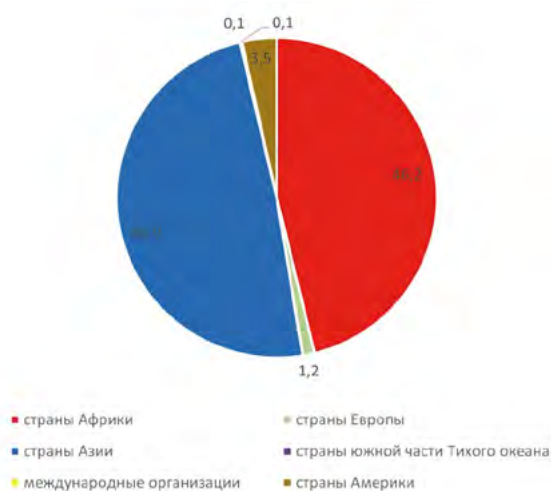
²² China's Interest-Free Loans to Africa: Uses and Cancellations. Global Development Policy Center. 09.09.2022. Available at: <https://www.bu.edu/gdp/2022/09/09/chinas-interest-free-loans-to-africa-uses-and-cancellations/> (accessed 09.06.2023).

²³ Mitchell Ch. 'Chinese Banks Want to Be Repaid in Full': Scepticism Greets China's Debt Forgiveness. *African Business*, 26.09.2022. Available at: <https://african.business/2022/09/trade-investment/chinese-banks-want-to-be-repaid-in-full-scepticism-greets-chinas-debt-forgiveness> (accessed 10.12.2023).

²⁴ COVID-19 Assistance. *International Development Cooperation: China's Practice*. April 2023. Available at: <http://en.cidca.gov.cn/pdf/InternationalDevelopmentCooperationChina%27sPracticeCOVID-19Assistance.pdf> (accessed 25.11.2023).

²⁵ China and Africa: Strengthening Friendship...

²⁶ Zambia Receives Chinese Vaccines in Fight Against COVID-19 Pandemic. *Xinhua*, 08.08.2021. Available at: http://www.xinhuanet.com/english/africa/2021-08/08/c_1310114591.htm (accessed 10.12.2023).

Рисунок 2. Географическое распределение китайских вакцин, %

Источник: : составлено авторами по данным *International Development Cooperation: China's Practice*²⁷.

Африка является вторым по приоритетности для КНР регионом после ближайших соседей в Азии как минимум по двум показателям: на африканские страны приходилось 46.21% поставленных КНР вакцин (рис. 2), также на них пришлось 42.11% объемов помощи по борьбе с чрезвычайными ситуациями²⁸.

Несмотря на значительные достижения, которые были рассмотрены выше, в адрес КНР бывают слышны обвинения в “неоколониальной” политике и заключении африканских стран в “долговую ловушку”²⁹. В качестве ответа на критику исследователи Лу Линъюй и Гу Баоми приводят статистику, согласно которой, по состоянию на 2019 г., общий объем внешнего долга африканских стран составил 600 млрд долл., но лишь 26% относятся к категории заимствований по двусторонним каналам и средствам, предоставленным отдельными государствами, то есть доля КНР еще меньше, а остальное относится к международным банкам и другим источникам кредитования (объем именно выданных кредитов, а не инвестиций, составляет лишь 4.5 млрд долл.) [19, с. 37].

Что касается собственной мотивации Китая, вкладывающего большую часть средств в страны с богатыми природными ресурсами (Ангола, Нигерия, Эфиопия, Южный Судан), то он решает в том числе проблему собственной энергетической и ресурсной безопасности, а с помощью экспорта капитала и китайской рабочей силы – ряд важных для себя внутренних экономических проблем, включая поддержание производства и занятости [20, с. 210].

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКИ ПОМОЩИ ФРАНЦИИ В АФРИКЕ

Устоявшимся термином для характеристики политики Франции в отношении африканских стран после обретения ими независимости является “Франсафрика” (*Françafrique*) – система “симбиотических отношений” между Францией и франкофонными африканскими странами, включающая в себя тесные личные семейные связи африканских политических элит с Францией [21].

В представлении основателя и первого президента (1959–1969) Пятой республики Ш.деГолля внешняя политика Франции была направлена на возвращение ее международного статуса и величия [22, сс. 90-91] после Второй мировой войны. *Françafrique* во многом

²⁷ COVID-19 Assistance...

²⁸ Ibid.

²⁹ Глава МИД КНР указал на неправомерность утверждения о “долговой ловушке Китая для Африки”. ТАСС, 12.01.2023. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/16782143> (accessed 04.05.2023).

обуславливалась биполярной системой: расширение влияния Франции в Африке было связано со стремлением остановить переход части африканских стран в лагерь союзников соцсистемы.

На протяжении последующих периодов “Франсафрика” для страны стала менее актуальна: снижение возможностей для реализации этой политики отмечалось еще в 1990-е годы с изменением международного контекста, в том числе с вынужденным пересмотром политики помощи в связи со вступлением африканских стран в МВФ (и принятия “Абиджанской доктрины”) [21, р. 20]. Однако, несмотря на свою трансформацию, элементы “Франсафрики” в политике Франции наблюдались и в дальнейшем, например, в случае политики президента Н. Саркози (2007–2012) [23, pp. 42-43]. Сегодня также можно наблюдать элементы этой политики: так, ее проявлением можно считать сохранение военного присутствия Франции в африканских странах, проведение миротворческих операций и сохранение франка КФА [24, pp. 624-633]. Последним разрыв с ней провозгласил нынешний президент Э. Макрон: приоритетом были названы отказ от политики помощи и ее замена на то, что способствовало бы преодолению конфликта по линии Север–Юг, выстраиванию партнерских отношений, решению глобальных вопросов³⁰. В 2022 г. расходы Франции на помощь в целях развития достигли 0.56% ВВП, но общий объем помощи странам Африки снизился и составил 5.5 млрд евро³¹.

Кроме того, активизация внешней политики при Э. Макроне помогает Франции поддерживать образ “средней державы с глобальной ответственностью” [6, с. 83]. Одним из основных политических инструментов взаимодействия является проведение многосторонних форумов. Последний по времени саммит “Африка–Франция”, который был проведен в 2021 г. (ранее эти встречи в верхах носили название “Франция–Африка”), состоялся в новом формате и не предполагал контактов с лидерами – в его основе лежало взаимодействие с гражданским обществом³².

Главными инструментами французского курса в этой сфере являются традиционная помощь в целях развития (44% всей помощи), казначейские ссуды (не более 1% всей помощи Франции) и операции по урегулированию задолженности (около 4%)³³. Также Франция участвует в реализации инновационного финансирования (механизм для привлечения дополнительных средств для реализации Целей устойчивого развития)³⁴.

³⁰ *Le Partenariat Afrique-France: discours du Président à la veille de son déplacement en Afrique centrale*. Élysée. 27.02.2023. Available at: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2023/02/27/discours-du-president-de-la-republique-dans-la-perspective-de-son-prochain-deplacement-en-afrique-centrale> (accessed 27.02.2023).

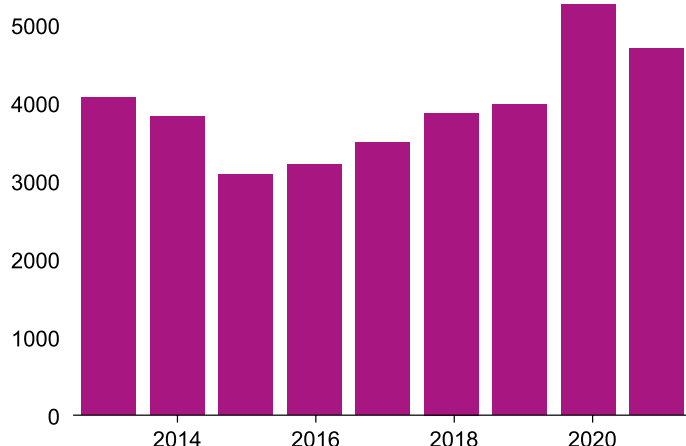
³¹ *Résultats 2022: un groupe renforcé, des objectifs atteints*. Agence Française de Développement. 15.05.2023. Available at: <https://www.afd.fr/fr/actualites/resultats-2022-un-groupe-renforce-des-objectifs-atteints> (accessed 31.05.2023).

³² *Nouveau Sommet Afrique-France: réinventer ensemble la relation*. Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères. Available at: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/afrique/nouveau-sommet-afrique-france-reinventer-ensemble-la-relation/> (accessed 22.02.2023).

³³ *Les chiffres de l'aide française*. Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères. Available at: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/politique-etrangere-de-la-france/developpement/les-chiffres-de-l-aide-francaise/> (accessed 23.02.2023).

³⁴ *Les financements innovants pour le développement*. Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères. Available at: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/politique-etrangere-de-la-france/developpement/les-financements-innovants-pour-le-developpement/> (accessed 27.02.2023).

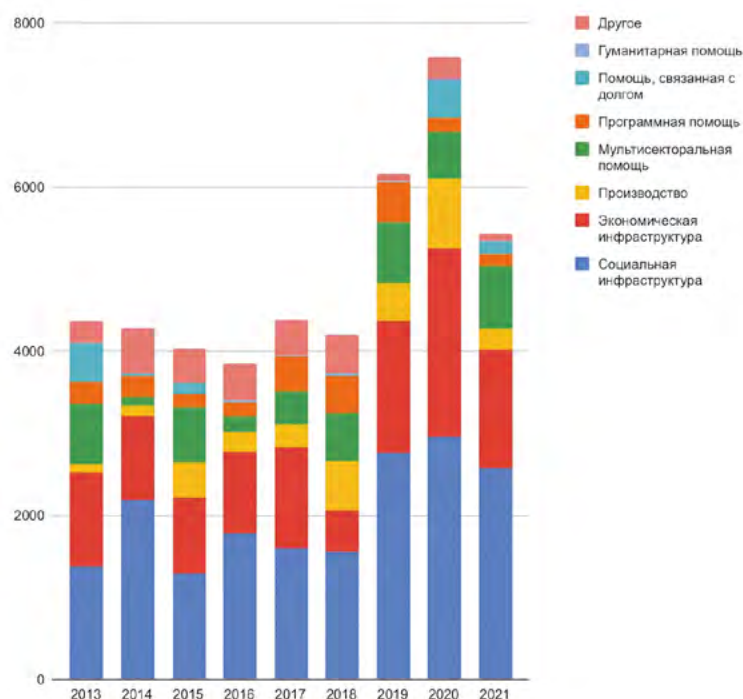
Рисунок 3. ОПР Франции в Африке (млн долл. США)

Источник: составлено авторами по данным *OECDStat*³⁵.

ОПР Франции в рассматриваемый период, вероятно, находилась под влиянием как внутреннего пересмотра политики помощи, так и внешних факторов, таких как миграционный кризис 2015 г. и кризис, вызванный пандемией *COVID-19*. Незначительный спад в 2019 г., проиллюстрированный на графике (рис. 3), связан с изменением методологии ОЭСР подсчета грантовой части в кредитовании.

Рисунок 4. Секторы французской ОПР, млн долл. США

Источник: составлено авторами по данным *OECDStat*³⁶.

В структуре секторальных направлений (макрогруппы, используемые ОЭСР) помощи Франции (рис. 4) приоритетными являются направления социальной инфраструктуры, а также экономической, хотя в 2020 г. большая поддержка оказывалась в направлении производства (включая торговлю, сельское хозяйство и туризм).

³⁵ *OECDStat*. Available at: <https://stats.oecd.org> (accessed 08.06.2023).

³⁶ Ibid.

Кроме того, Франция имеет долгую историю оказания военной помощи странам Африки. Она как участвует в миротворческих миссиях и военных развертываниях под эгидой международных организаций (ООН, Европейский союз, Экономическое сообщество западноафриканских государств – ЭКОВАС и др.), так и проводит собственные миссии – например, операции “Сервал” (2013–2014) и “Бархан” (2014–2022) в Сахеле. Хотя военное присутствие Франции сокращается (так, французские войска были выведены из Мали, Буркина-Фасо), она продолжает оказывать помощь в области поставок военной техники, как в случае Бенина³⁷.

Большая часть французской помощи предоставляется в рамках многостороннего сотрудничества – по линии международных организаций, Европейского союза как регионального интеграционного объединения, членом которого Франция является. При этом в последние годы наблюдается рост доли двусторонней помощи (на 14% в 2021 г. по сравнению с 2020 г.), из которой 36% направляется в страны Африки³⁸.

Основные получатели помощи – бывшие французские колонии, причем в основном в Северной Африке. К ним относятся, в частности, Марокко (основной получатель помощи в 2013–2021 гг., общая сумма за эти годы превысила 5.65 млрд долл.), Кот-д’Ивуар (более 3.41 млрд долл.), Камерун (более 2.469 млрд долл.), а также Нигер, Сенегал и др.³⁹

Что касается пандемии, в 2020 г. Франция выступила инициатором проекта *Access to COVID-19 Tools Accelerator* (ACT-A), в рамках которого было выделено более 510 млн евро, в том числе 50 млн евро – через ВОЗ. В области поддержки вакцинации Франции осуществляла вклад (через ЕС) в COVAX (400 млн евро) и через *Global Alliance for Vaccines and Immunisation – GAVI* (100 млн евро)⁴⁰. При этом трудно оценить непосредственно французский вклад именно в количестве вакцин или тестов, поскольку основные поставки шли через многосторонние инициативы.

Франция стала инициатором проекта *COVID-19 – Health in Common* на сумму 1.2 млрд евро (1.05 млрд в виде займов, 150 млн – в виде пожертвований), которые были выделены развивающимся странам, прежде всего – африканским⁴¹.

Здравоохранение в целом – одно из основных направлений политики помощи Франции. Страна является активным донором в рамках инициатив Глобальный фонд для борьбы со СПИДом, туберкулезом и малярией (Париж – второй по объему помощи спонсор, 1.296 млрд евро – вклад за 2020–2022 гг.), *GAVI* (дополнительный вклад в связи с пандемией – 100 млн в 2021–2025 гг.) и *Unitaid* (инициатива Франции, она же является основным донором: в среднем ежегодно в период 2020–2022 гг. выделялось 85 млн евро)⁴².

В гуманитарной сфере в 2020 г. в связи с вызванным пандемией кризисом здравоохранения Франция направила в Африку Южнее Сахары 32 млн евро в рамках своей программы продовольственной помощи (*Aide alimentaire programmée, ALIMA*). С помощью перераспределения средств фондов французского МИД 16 млн евро и 1 млн евро (на 2020–2021 гг.) в партнерстве с ВОЗ были направлены для поддержки Буркино-Фасо и Мали. Кроме того, оказывалась помощь, связанная с логистикой (ЦАР, Демократическая Республика Конго, Буркина-Фасо, Гаити, Южный Судан, Судан), предоставлением средств индивидуальной защиты и средств для кислородной терапии (Габон, Демократическая

³⁷ Ricard P. Au Bénin, Emmanuel Macron promet une aide militaire renforcée. *Le Monde*, 28.07.2022. Available at: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2022/07/28/au-benin-emmanuel-macron-promet-une-aide-militaire-renforcee_6136460_3212.html (accessed 28.08.2023).

³⁸ *Les chiffres de l'aide française...*

³⁹ *OECDStat...*

⁴⁰ *Covid-19: l'aide à l'Afrique*. Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères. 17.02.2021. Available at: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/actualites-du-ministere/informations-coronavirus-covid-19/covid-19-l-aide-a-l-afrique/> (accessed 01.08.2023).

⁴¹ *France Launches, via AFD, the 'COVID-19 – Health in Common' Initiative to Support African Countries*. AFD. 09.04.2023. Available at: <https://www.afd.fr/en/actualites/france-launches-afd-covid-19-health-common-initiative-support-african-countries> (accessed 01.08.2023).

⁴² *L'action des fonds multilatéraux en santé (Fonds Mondial, GAVI, UNITAID)*. Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères. Available at: https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/l_action_des_fonds_multilateraux_en_sante_fonds_mondial_gavi_unitaid_cle813978.pdf (accessed 01.08.2023).

Республика Конго, Джибути, Коморы, Мавритания, ЮАР). Через Центр кризисов и поддержки в 10 африканских стран были направлены 15 млн евро (в рамках осуществления помощи через НПО)⁴³. Французское агентство развития (*Agence Française de Développement, AFD*) в рамках грантовой поддержки также поддержало 16 проектов НПО на общую сумму 31 млн евро (по состоянию на май 2020 г.). Например, *ALIMA* получила на реализацию проекта по оказанию кризисной поддержки министерствам здравоохранения Сенегала, Буркина-Фасо, Камеруна, Центральноафриканской Республики и Демократической Республики Конго 2 млн евро⁴⁴.

Помимо упомянутых многосторонних механизмов, Франция также участвовала в программах помощи через механизмы Европейского союза – Европейский фонд развития и Европейский инновационный банк, Группу двадцати и Парижский клуб; Францией была предложена Инициатива о приостановлении обслуживания долга (*Initiative de suspension du service de la dette, ISSD*), что для нее самой оценивается примерно в 1 млрд евро⁴⁵. Также в связи с пандемией Париж инициировал дополнительные взносы в ВОЗ в размере сначала 1 млн евро, затем 50 млн евро на 2020–2021 гг. (обычные взносы составляли 20 млн евро в год)⁴⁶.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ позволяет выделить ряд ключевых особенностей, которые характерны для политики помощи КНР и Франции в Африке.

Китай проявляет солидарность со странами Африки как развивающаяся страна, также пострадавшая от политики колониализма. При этом для Китая Африка является также континентом для расширения своего влияния и повышения собственного статуса в мире. Франция – традиционный донор для африканских стран, имеющий долгий опыт взаимодействия с ними, но сегодня она проявляет ответственность за свое колониальное прошлое, что выражается в отказе от концепции “Франсафрики” и изменении привычных форматов взаимодействия. Париж пытается уйти от колониального и неоколониального прошлого и найти новые инструменты для сохранения влияния в Африке – например, через взаимодействие с гражданским обществом, а не элитами, что предполагала концепция “Франсафрики”, переход к сотрудничеству и инвестициям и отход от безвозмездной помощи, вовлечение в африканские региональные многосторонние форматы.

Для Китая политика помощи важна из-за возможности расширить международное влияние в странах Африки в качестве нового лидера и великой державы. Франция направляет помощь преимущественно в бывшие колонии и франкофонные страны. При этом в странах, где сохраняется лидерство Франции (прежде всего – в Северной Африке) влияние КНР остается не слишком высоким. Продолжение развитой политики помощи для Пятой республики является механизмом сохранения ее влияния, хотя сегодня в сфере политической и экономической модернизации африканских стран влияние европейской державы ослабевает.

И для Китая, и для Франции Африка по многим параметрам является основным направлением для предоставления помощи, для Франции – как регион сохранения своего влияния в мире, для КНР в качестве великой державы – как регион для его увеличения. Обе страны комбинируют многосторонние (например, ЕС для Франции, БРИКС для Китая, а также ООН, Всемирный банк для обеих стран) и двусторонние форматы. Кроме того, можно увидеть заметную мобилизацию средств для борьбы с *COVID-19* в Африке, в том

⁴³ Covid-19: l'aide à l'Afrique...

⁴⁴ AFD's Response to the COVID-19 Crisis. AFD. 14.05.2020. Available at: <https://www.afd.fr/en/actualites/afds-response-covid-19-crisis> (accessed 01.08.2023).

⁴⁵ COVID-19: помощь Африке. Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères. Available at: <https://www.diplomatie.gouv.fr/ru/dobro-pozhalovat-vo-franciyu/chasto-zadavaemye-voprosy-o-covid-19-otvety-na-vashi-voprosy/coronavirus-declarations-officielles/article/covid-19-l-aide-a-l-afrique> (accessed 01.08.2023).

⁴⁶ Covid-19: l'aide à l'Afrique...

числе по линии многосторонних площадок (например, в рамках Всемирной организации здравоохранения, Европейского союза, Парижского клуба, локальных инициатив).

Таким образом, несмотря на концептуальные различия в понимании и определении параметров политики помощи, можно резюмировать, что помощь Китая и Франции во многом направлена на содействие развитию африканских государств, а также нивелирование негативных последствий кризисных явлений в сфере здравоохранения, образования, инфраструктуры, технологического обеспечения и других областях.

Можно наблюдать, как в некоторых странах Африки интересы Китая и Франции пересекаются (например, в Мали), однако в общей географии все же заметны значительные различия в степени присутствия (Париж в основном сохраняет интересы в своих бывших колониях, Пекин ориентируется на текущие прагматические интересы и во многом связан со странами, богатыми ресурсами, в том числе присоединившимися к инициативе “Пояс и путь”). Кроме того, Китай, в отличие от большинства традиционных западных доноров помощи, включая Францию, по сути, как правило, не предъявляет прямых политических требований (хотя в последние годы они тоже становятся более осязаемыми и в случае КНР в большей степени касаются вопросов международного сотрудничества, а не изменения внутренних процессов или политического режима страны), что делает его привлекательным для стран Африки.

С учетом совокупности проанализированных факторов можно сказать, что речь идет не столько о прямой конкуренции Китая и Франции в Африке, сколько о естественном наращивании китайского влияния вследствие изменения глобального и регионального баланса сил, которое затрагивает интересы Французской Республики как традиционного донора помощи в регионе. Вместе с тем обе страны сохраняют утилитарные политические и экономические интересы на континенте, в том числе заинтересованность в доступе к природным ресурсам и стремление укрепить свой статус как ответственных игроков на мировой арене, что служит дополнительной мотивацией для развития политики помощи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Bayes T. *China in Francophone West Africa: A Challenge to Paris*. MERICS. 28.05.2020. Available at: <https://merics.org/en/comment/china-francophone-west-africa-challenge-paris> (accessed 09.06.2023).
2. Bansept L., Tenenbaum É. *Après Barkhane: Repenser la posture stratégique française en Afrique de l'Ouest*. IFRI. Mai 2022. Available at: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/bansept_tenenbaum_apres_barkhane_2022.pdf (accessed 29.08.2023).
3. 商务部研究院发布《中国与非洲经贸关系报告（2023）》。[The Research Institute of the Ministry of Commerce of the People's Republic of China Published the 'Report on Economic and Trade Relations Between China and Africa (2023)'. Ministry of Commerce of the People's Republic of China. 10.07.2023. (In Chin.)] Available at: <http://bj.mofcom.gov.cn/article/catalog/202307/20230703420981.shtml> (accessed 29.08.2023).
4. Sun Y. China's Aid to Africa: Monster or Messiah? *Brookings*, 07.02.2014. Available at: <https://www.brookings.edu/articles/chinas-aid-to-africa-monster-or-messiah/> (accessed 20.08.2023).
5. Дейч Т.Л. Китай в Африке: “неоколониализм” или “win-win” стратегия? *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 2018, т. 11, № 5, сс. 119-141. [Deych T.L. China in Africa: Neo-Colonialism or 'Win-Win' Strategy? *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 2018, vol. 11, no. 5, pp. 119-141. (In Russ.)] DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-119-141
6. Зуева К.П., Тимофеев П.П. Внешняя политика президента Франции Э. Макрона: прагматизм под маской атлантизма? *Мировая экономика и международные отношения*, 2018, т. 62, № 12, сс. 83-91. [Zueva K.P., Timofeev P.P. Foreign Policy of the President of France E. Macron: Pragmatism Behind the Mask of Atlantism? *World Economy and International Relations*, 2018, vol. 62, no. 12, pp. 83-91. (In Russ.)] DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-12-83-91
7. Pankaj A.K. Revisiting Foreign Aid Theories. *International Studies*, 2005, vol. 42, iss. 2, pp. 103-121. DOI: 10.1177/002088170404200201
8. Zimmerman R.A. *The Determinants of Foreign Aid*. Amsterdam, University of Amsterdam, 2007. 67 p.
9. Morgenthau H. A Political Theory of Foreign Aid. *American Political Science Review*, 1962, vol. 56, no. 2, pp. 301-309. <https://doi.org/10.2307/1952366>
10. Walt S.M. Alliance Formation and the Balance of World Power. *International Security*, 1985, vol. 9, no. 4, pp. 3-43. <https://doi.org/10.2307/2538540>
11. Diakite A.D., Phillips J. Motives of Traditional and Emerging Donors in Aid Giving: Comparative Study Between China and France. *Journal of Social and Political Sciences*, 2019, no. 4, pp. 1026-1037. DOI: 10.31014/aior.1991.02.04.140

12. 吴隽然。‘一带一路’战略下中国对非洲传播策略研究。《东南传播》, 2015年, 第12期, 第57-60页。[Wu Junran. Research on China's Communication Strategies in Africa Under the 'One Belt, One Road' Strategy. *Southeast Communication*, 2015, no. 12, pp. 57-60. (In Chin.)] <https://doi.org/10.13556/j.cnki.dncb.cn35-1274/j.2015.12.02>.
13. Забелла А.А. Влияние Форума китайско-африканского сотрудничества на развитие отношений между Китаем и странами Африки. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история*, 2020, т. 12, № 1, сс. 35-46. [Zabella A.A. Influence of the Forum of Chinese-African Cooperation on the Deepening of Relations Between China and Africa. *RUDN Journal of World History*, 2020, vol. 12, no. 1, pp. 35-46. (In Russ.)] DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-1-35-46
14. Зеленев Е.И., Солощева М.А. 20 лет политики КНР в Африке: из прошлого в будущее. *Азия и Африка сегодня*, 2021, № 2, сс. 106-122. [Zelenev E.I., Soloscheva M.A. 20 Years of China Politics in Africa: from the Past Towards Future. *Asia and Africa Today*, 2021, no. 2, pp. 5-14. (In Russ.)] DOI: 10.31857/S032150750013956-3
15. 吴传华、贺杨、卫白鸽。习近平新时代中非合作观：时代背景、思想内涵与实践价值。《西亚非洲》, 2022年, 第5期。[Wu Chuanhua, He Yang, Wei Baige. Xi Jinping's Concept of China-Africa Cooperation in the 'New Era': Background, Ideological Implications and Practical Implications. *Western Asia and Africa*, 2022, no. 5. (In Chin.)] Available at: http://www.xyfzqk.org/UploadFile/Issue/202111080001/2022/10/20221008080416WU_FILE_0.pdf (accessed 31.08.2023).
16. 黄梅波。中国的对外援助及其改革。发表于福建, 2020 [Huang Meibo. China's Foreign Aid and Its Reform. *Weixin*, 2020. (In Chin.)] Available at: https://mp.weixin.qq.com/s?_biz=MzI2MTQxM-jkzMg==&mid=2247489158&idx=1&sn=9f90e086b8670407de12f0cdd0adead3&chksm=ea5b97add2c1eb-b869e01383161be9f867a02fec580bc2cb3cf8c97d0a119df517ee54d303f&scene=27 (accessed 20.08.2023).
17. Gelpert A., Horn S., Morris S., Parks B., Trebesch C. *How China Lends: A Rare Look into 100 Debt Contracts with Foreign Governments*. Washington, Peterson Institute for International Economics, Kiel Institute for the World Economy, Center for Global Development, AidData at William & Mary, 2021. 85 p. Available at: <https://www.cgdev.org/sites/default/files/how-china-lends-rare-look-100-debt-contracts-foreign-governments.pdf> (accessed 20.08.2023).
18. Akeredolu F. *China's Role in Restructuring Debt in Africa*. Oxppl. 16.02.2023. Available at: <https://blog.politics.ox.ac.uk/chinas-role-in-restructuring-debt-in-africa/> (accessed 29.08.2023).
19. 卢凌宇、古宝密。怀璧其罪：中国在非洲推行债务陷阱式外交？《西亚非洲》, 2020年, 第1期, 第27-46页。[Lu Lingyu, Gu Baomi. The Innocent Lender: Is China Pursuing 'Debt-Trap Diplomacy' in Africa? *West Asia and Africa*, 2020, iss. 1, pp. 27-46. (In Chin.)] Available at: <https://interpret.csis.org/translations/the-innocent-lender-is-china-pursuing-debt-trap-diplomacy-in-africa/> (accessed 20.08.2023).
20. Кашин В.Б., Королев А.С., Пятачкова А.С. Китайская политика помощи зарубежным странам: основные принципы и направления. *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*, 2017, № 22, сс. 204-218. [Kashin V.B., Korolev A.S., Pyatachkova A.S. China's Foreign Aid Policy: the Main Principles and Directions. *China in World and Regional Politics (History and Modernity)*, 2017, no. 22, pp. 204-218. (In Russ.)]
21. Chafer T. Chirac and 'la Françafrique': No Longer a Family Affair. *Modern & Contemporary France*, 2005, vol. 13, iss. 1, pp. 7-23. <https://doi.org/10.1080/0963948052000341196>
22. Обичкина Е.О. *Внешняя политика Франции от де Голля до Саркози (1940-2012)*. Москва, Аспект Пресс, 2012. 382 с. [Obichkina E.O. *Foreign Policy of France from de Gaulle to Sarkozy (1940-2012)*. Moscow, Aspect Press, 2012. 382 p. (In Russ.)]
23. Cumming G.D. Nicolas Sarkozy's Africa Policy: Change, Continuity or Confusion? *French Politics*, 2013, vol. 11, pp. 24-47. <https://doi.org/10.1057/fp.2012.24>
24. Blamangin O. Que reste-t-il de la Françafrique? *Manuel indocile de sciences sociales*. Paris, La Découverte, "Hors collection Sciences Humaines", 2019, pp. 624-633. <https://doi.org/10.3917/dec.coper.2019.01.0624>

РАЗВИТИЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ И ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА ВЕНГРИИ: СТРАТЕГИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА В. ОРБАНА

© ТЕРЕМЕЦКИЙ К.С., 2023

ТЕРЕМЕЦКИЙ Кирилл Сергеевич, эксперт Евразийского сектора Центра комплексных европейских и международных исследований.

Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, РФ, 119017 Москва, ул. Малая Ордынка, 17 (kteremetskiy@hse.ru), ORCID: 0009-0005-0013-5954

Терецкий К.С. Развитие вооруженных сил и оборонно-промышленного комплекса Венгрии: стратегия правительства В. Орбана. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2023, № 4, сс. 55-66. DOI: 10.20542/afij-2023-4-55-66

DOI: 10.20542/afij-2023-4-55-66

EDN: HPROZU

УДК: (327+327.5)(355.02+355.03):(439)

Поступила в редакцию 16.08.2023.

После доработки 01.12.2023.

Принята к публикации 07.12.2023.

В статье рассматривается модернизация Венгрией своих вооруженных сил и расширение возможностей оборонно-промышленного комплекса (ОПК) страны. Используя парадигму неореализма, автор проводит анализ основных направлений эволюции венгерской армии и ОПК в период нахождения у власти премьер-министра Виктора Орбана. 10-летняя программа развития вооруженных сил Венгрии “Зриньи” (венг. *Zrínyi*) предполагает значительное повышение их возможностей к 2026 г. В планах по расширению и модернизации ОПК – создание из венгерского государства одного из лидеров оборонно-промышленной отрасли в регионе Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) к 2030 г. Основными партнерами в этой сфере должны стать компании не только из государств – членов Европейского союза (Германии, Франции, Чехии), но и из Турции и Израиля. Реформирование армии и повышение технологического уровня ОПК направлены в первую очередь на укрепление экономики страны и защиту государственных границ и венгерских граждан как в самой Венгрии, так и на Украине, в Закарпатье. При этом премьер-министр В. Орбан уверен в том, что действия НАТО могут быть направлены только на самооборону. С этим связан отказ венгерских властей в поставках оружия Киеву. Однако в то же время Венгрия не только укрепляет механизированные войска (немецкими боевыми машинами пехоты *Lynx*, турецкими бронетранспортерами *Gidrán*), военно-воздушные силы страны (шведскими самолетами *Saab JAS 39 Gripen*) и противовоздушную оборону (норвежско-американским зенитным ракетным комплексом *NASAMS*), но и, осмысливая опыт конфликта на Украине, возвращается к использованию артиллерии, рассматривает возможность производства беспилотных летательных аппаратов и большего количества боеприпасов на своей территории, а также хочет нарастить наступательный потенциал своих вооруженных сил благодаря современным реактивным системам залпового огня по типу *HIMARS*. Несмотря на то, что Венгрия, по словам В. Орбана, находится на стороне “партии мира”, в будущем в составе НАТО в регионе ЦВЕ будет присутствовать модернизированная армия с современным ОПК, готовая к конфликту “нового поколения”. В свою очередь, венгерская политическая оппозиция, активно поощряемая США, выступает за военную помощь Украине и свертывание отношений с Россией.

Ключевые слова: Центральная и Восточная Европа, Венгрия, НАТО, вооруженные силы, оборонно-промышленный комплекс, Европейский союз, военная интеграция в ЕС.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов финансового и нефинансового характера.

Финансирование: автор заявляет об отсутствии внешнего финансирования.

**DEVELOPMENT OF THE HUNGARIAN ARMED FORCES
AND DEFENCE-INDUSTRIAL COMPLEX:
THE STRATEGY OF V. ORBÁN'S GOVERNMENT**

Received 16.08.2023. Revised 01.12.2023. Accepted 07.12.2023.

Kirill S. TEREMETSKIY (kteremetskiy@hse.ru), ORCID: 0009-0005-0013-5954,
National Research University 'Higher School of Economics', 17, Malaya Ordynka Str., Moscow
119017, Russian Federation.

The article examines Hungary's modernization of Armed Forces and expansion of the capabilities of the country's defence-industrial complex (DIC). Using the neorealist paradigm, the author analyzes the main directions in which the Hungarian army and the MIC developed during the leadership of the Prime Minister Viktor Orbán. The 10-year development program of the Hungarian Defence Forces – Zrínyi – involves a significant increase in their capabilities by 2026. Official plans to expand and modernize the DIC include the target to make the Hungarian state one of the leaders of the defense industry in the Central and Eastern Europe (CEE) by 2030. The main partners in this area are going to be companies not only from the member states of the European Union (Germany, France and the Czech Republic), but also from Turkey and Israel. Reforming the army and increasing the technological level of the DIC are primarily aimed at strengthening the country's economy and protecting the state borders and Hungarian citizens both in Hungary itself and in Ukraine, in Transcarpathia. At the same time, the Prime Minister V. Orbán is confident that NATO's actions can only be aimed at self-defense. This is related to the refusal of the Hungarian authorities to supply weapons to Kiev. However, Hungary is not only strengthening mechanized troops (German Lynx infantry fighting vehicles, Turkish Gidrán armored personnel carriers), the country's Air Force (Swedish Saab JAS 39 Gripen aircraft) and Air Defense (Norwegian–American NASAMS anti-aircraft missile complex), but also, reflecting on the experience of the conflict in Ukraine, returns to the use of artillery, considers the possibility of producing drones and more ammunition on its territory, and also wants to increase the offensive potential of its Armed Forces thanks to modern multiple rocket launchers like HIMARS. Despite the fact that Hungary, according to V. Orbán, is on the side of the 'peace party', in the future, as part of NATO in the CEE region, there will be a modernized army with a proper defence-industrial complex, ready for a 'new generation' conflict. The Hungarian political opposition in turn advocates for military assistance to Ukraine and curtailing relations with Russia, while being actively encouraged by the United States.

Keywords: Central and Eastern Europe, Hungary, NATO, Armed Forces, military-industrial complex, European Union, EU military integration.

About the author: Kirill S. TEREMETSKIY, Expert of the Eurasian Section of the Centre for Comprehensive European and International Studies (CCEIS).

Competing interests: no potential competing financial or non-financial interest was reported by the author.

Funding: no funding was received for conducting this study.

ВВЕДЕНИЕ

После 2014 г. регион Центральной и Восточной Европы стал одним из ведущих в мире по уровню милитаризации [1, р. 186]. Географическое положение Венгрии, а также темпы и масштабы развития ее вооруженных сил делают эту страну важной составляющей восточного фланга НАТО, особенно в условиях конфликта на Украине. Согласно независимому индексу *Global Firepower (GFP index)*, армия Венгрии находится на 20-м

месте в Европе и на 54-м из 145 в мире¹. В ближайшие годы венгерские власти намерены существенно подняться в данном рейтинге, а оборонно-промышленный комплекс страны превратить в одного из субрегиональных лидеров в Европейском союзе к 2030 г. (когда венгерское правительство планирует завершение модернизации)². В докладе *The Military Balance 2023* Международного института стратегических исследований (*The International Institute for Strategic Studies, IISS*) отмечается, что, хотя оборонно-промышленная база Венгрии ограничена, благодаря активной работе правительства на данном направлении есть серьезный потенциал для укрепления сектора производства стрелкового оружия [2].

Венгрию нельзя считать традиционной военно-промышленной страной. На протяжении второй половины XX в. венгерские власти последовательно шли по пути демилитаризации, что делало государство исключением в социалистическом лагере – в 1960-е годы расходы на оборону были ниже 2% ВВП и никогда не превышали 3% вплоть до упразднения Организации Варшавского договора [3, р. 24]. После смены режима в 1989 г. и без того слабая отрасль окончательно пришла в упадок. Однако с 2016 г. венгерское руководство модернизирует вооруженные силы и привлекает крупные и опытные иностранные компании, такие как *Rheinmetall AG*, *Colt CZ Group* и *Nurol Makina*, для собственного выхода на мировой рынок производства вооружений и приобретения новых технологий.

По мнению министра обороны Венгрии Криштофа Салаи-Бобровницки, безопасности страны и развитию ее экономики будет значительно содействовать укрепление еще одной сферы промышленности – оборонной³. Сотрудничество с крупными игроками международного рынка создаст рабочие места, принесет налоговые поступления и укрепит репутацию венгерского производителя за счет продаж продукции за рубеж. Вместе с тем сильная армия и рост ОПК упрочивают авторитет премьер-министра Венгрии Виктора Орбана, создают впечатление о нем как о сильном политическом лидере и патриоте.

Генерал-лейтенант Габор Бёрёнди, командующий Вооруженными силами Венгрии, на слушаниях в парламентском комитете по обороне и правопорядку в мае 2023 г. заявил, что главной целью на ближайшие годы станет создание боеспособных, преданных своему делу вооруженных сил, действующих в системе НАТО⁴. Венгрия и другие соседи Украины находятся практически в предвоенном состоянии, и следующим шагом должно стать создание армии, способной эффективно действовать на оперативном и стратегическом уровнях. Для оснащения таких вооруженных сил необходим крепкий и современный отечественный ОПК.

Стоит отметить, что Венгрия рассматривает свою безопасность в региональном контексте. Согласно Государственной военной стратегии страны от 2021 г.⁵, непосредственная безопасность венгерского государства неотделима от событий, происходящих в Центральной и Восточной Европе и на Западных Балканах. По этой причине официальный Будапешт считает необходимым тесное взаимодействие с другими странами ЦВЕ, прежде всего в рамках Вишеградской группы (V4), Центрально-Европейского оборонного союза (*The Central European Defence Cooperation, CEDC*) и Инициативы сотрудничества в сфере обороны (*Defence Cooperation Initiative, DECI*)⁶.

¹ Gábor N. Nemzetközi kimutatás: ismét Magyarország lett Közép-Európa egyik legütőképesebb hadereje. *Mandiner*, 11.02.2023. Available at: https://mandiner.hu/cikk/20230211_magyarorszag_haboru_vedelem_hadero_honvedseg_top_lista_global_firepower (accessed 03.12.2023).

² На данный момент ни одна компания из Венгрии, в отличие, к примеру, от Польши (*Polish Armaments Group, PGZ*), не входит в топ-100 *Arms Industry Database* Стокгольмского международного института исследований проблем мира (*SIPRI*).

³ Kristóf Szalay-Bobrovniczky: *Defence Industry is Essential*. *Defence.hu*. 02.12.2022. Available at: <https://defence.hu/news/kristof-szalay-bobrovniczky-defence-industry-is-essential.html> (accessed 03.12.2023).

⁴ Future Commander Pledges to Build a Capable, Committed Army. *MTY – Hungary Today*, 03.05.2023. Available at: <https://hungarytoday.hu/future-commander-pledges-to-build-a-capable-committed-army/> (accessed 03.12.2023).

⁵ Magyarország Nemzeti Katonai Stratégiájáról. *Honvédelem*. 2021. Available at: <https://honvedelem.hu/hirek/nemzeti-katonai-strategia.html> (accessed 03.12.2023).

⁶ DECI (Инициатива оборонного сотрудничества) – военно-политическая инициатива, реализующаяся с 2012 г. с целью содействия сотрудничеству между странами, расположенными вблизи Адриатического моря (Албания, Австрия, Хорватия, Венгрия, Италия, Черногория и Словения), содействия определению общей военной политики в области безопасности и обороны и ради стабильности, безопасности и экономического процветания региона.

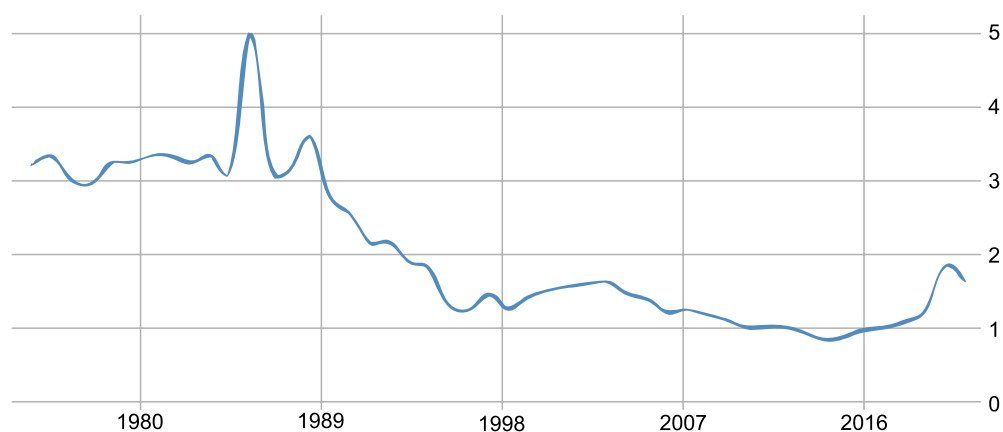
Скоординированное (и частично совместное) расширение военного потенциала и возможностей для сотрудничества, реализуемое с помощью многонационального партнерства, согласно Стратегии, укрепляет безопасность как Венгрии, так и ее региональных союзников. Несмотря на спорные отношения с Брюсселем касательно экономических и миграционных вопросов [4, с. 230], Будапешт находит важным развитие коллективной обороны Европейского союза, кооперацию в рамках Постоянного структурированного сотрудничества по вопросам безопасности и обороны (*Permanent Structured Cooperation, PESCO*) [5, р. 194], считая, что эти действия укрепляют европейскую опору НАТО и не создают противовеса США [6, с. 66].

В проведенном исследовании автор опирается на неоклассический реализм как парадигму теории международных отношений и использует историко-генетический метод, а также качественный контент-анализ документальных материалов, заявлений официальных лиц. Целью работы является анализ основных направлений эволюции вооруженных сил и оборонно-промышленного комплекса Венгрии в период правления Виктора Орбана, включая первую половину 2023 г. и с учетом российско-украинского конфликта. Прочие исследования в данной области, например, Юдит Киш, Джеймса В. Петерсона, Яцека Любецки, касались развития венгерского оборонного сектора до 2014 г., а вооруженные силы страны рассматривались в контексте милитаризации всего региона ЦВЕ.

УПАДОК ВООРУЖЕННЫХ СИЛ И ОПК В 1990-Е ГОДЫ

После падения Берлинской стены и распада соцлагеря Венгрия унаследовала армию советского образца, основанную на массовом призыве на военную службу и оснащенную советской техникой. В течение следующих двух десятилетий эта техника распродавалась за границу или хранилась на военных складах, в то время как обученный персонал постепенно покидал ряды вооруженных сил. Ситуацию ухудшали экономические проблемы переходного периода от социалистической к капиталистической системе управления [7, р. 126].

Рисунок 1. Расходы Венгрии на оборону (доля ВВП, %)

Источник: составлено автором по данным Всемирного банка с помощью портала *Trading Economics*⁷.

В 1999 г. во время первого премьерского срока В. Орбана (1998–2002) Венгрия вступила в НАТО [8, с. 27]. Венгерское правительство распорядилось провести стратегический обзор вооруженных сил и ОПК, а кроме того объявило о всеобъемлющем пакете мер по модернизации армии. Однако осуществить требующие времени глубокие

⁷ *Hungary Military Expenditure*. Trading Economics. Available at: <https://tradingeconomics.com/hungary/military-expenditure> (accessed 03.12.2023).

реформы не удалось [7], так как Орбан проиграл выборы 2002 г. У новой правящей элиты сложилось впечатление, что в сфере обороны страна может полагаться исключительно на поддержку союзников по военному блоку. В 2004 г. венгерский парламент принял решение упразднить институт призыва на военную службу. В итоге по сравнению с 1989 г., когда вооруженные силы страны составляли 155 700 человек, в 2009 г. в армии насчитывалось 25 257 военнослужащих⁸. В течение десятилетия с 2004 по 2014 гг. оборонный бюджет Венгрии сократился с 1.7% ВВП примерно до 0.85%, что означало потерю около 50% в реальном выражении [3, p. 89].

В то же время при любом правительстве Венгрия оставалась надежным партнером Североатлантического альянса: страна предоставляла авиабазы и поддержку воздушной кампании НАТО против Югославии в 1999 г., 300 венгерских военных участвовали в учебно-тренировочных миссиях НАТО в Ираке⁹, 500 человек – в миссии Международных сил содействия безопасности (*The International Security Assistance Force, ISAF*) в Афганистане¹⁰. До настоящего времени страна отправляет воинские подразделения для несения службы в Косово в рамках миротворческих операций “Силы для Косово” (*Kosovo Force, KFOR*)¹¹.

Когда правительство В. Орбана вновь пришло к власти в 2010 г., венгерская армия отличалась низкой эффективностью. По словам министра обороны Салаи-Бобровницки, прогрессивные левые, находившиеся ранее у власти, систематически “уничтожали” и ее, и оборонно-промышленный комплекс страны¹². Венгерскому руководству понадобилось более 10 лет для создания прочной экономической базы, которая позволила бы произвести полномасштабную модернизацию вооруженных сил. После событий на Украине в 2014 г. и острой фазы кризиса беженцев 2015 г., за которой последовал рост террористической активности в Европе, венгерское правительство убедилось в верности намеченного курса [3, p. 98].

ПЛАНЫ И ДЕЙСТВИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА ВЕНГРИИ ПО РАЗВИТИЮ АРМИИ И ОПК

Венгерское правительство обещало увеличить расходы на оборону до натовского обязательного показателя в 2% ВВП к 2024 г. (так называемый *Defence Investment Pledge, DIP*)¹³, что составляет приблизительно 4.5 млрд долл., и в дальнейшем поддерживать их на этом уровне. В 2022 г. военные расходы Венгрии составили 1.6% ВВП¹⁴. Однако сразу после саммита НАТО в Вильнюсе в июле 2023 г. министр иностранных дел и внешнеэкономических связей Петер Сийярто заявил, что Венгрия уже достигла 2% *DIP*¹⁵. Приоритетной целью страны является реализация Программы обороны и военного развития “Зриньи” – *Zrínyi* (венг. *Zrínyi Honvédelmi és Haderőfejlesztési Program*), ранее известная как *Zrínyi 2026*. Она была принята в

⁸ Nagy D. *Development of the Hungarian Defence Forces Since 1989*. Danube Institute. 26.07.2022. Available at: <https://danubeinstitute.hu/en/research/development-of-the-hungarian-defence-forces-since-1989> (accessed 03.12.2023).

⁹ *The Hungarian Defence Forces are to Contribute More Troops to Counter-ISIS Mission*. Hungarian Government. 26.04.2017. Available at: <https://akadalymentes.2015-2019.kormany.hu/en/ministry-of-defence/news/the-hungarian-defence-forces-are-to-contribute-more-troops-to-counter-isis-mission> (accessed 03.12.2023).

¹⁰ *Hungary in Afghanistan. Review*. Hungarian Government. Available at: <https://2010-2014.kormany.hu/en/hungary-in-afghanistan/review> (accessed 03.12.2023).

¹¹ См. данные Министерства обороны Венгрии: *KFOR*. Honvédelem. Available at: <https://honvedelem.hu/cimke/kfor.html> (accessed 03.12.2023).

¹² Sándor N.M. Szalay-Bobrovniczky Kristóf: Ukrajna nem a képlet megoldása, hanem az elszenvédője. *Index*, 13.03.2023. Available at: <https://index.hu/belfold/2023/03/13/szalay-bobrovniczky-kristof-honvedelmi-miniszter-interju-honvedelem-hadiipar-hadero-haboru-nato-honvedseg/> (accessed 03.12.2023).

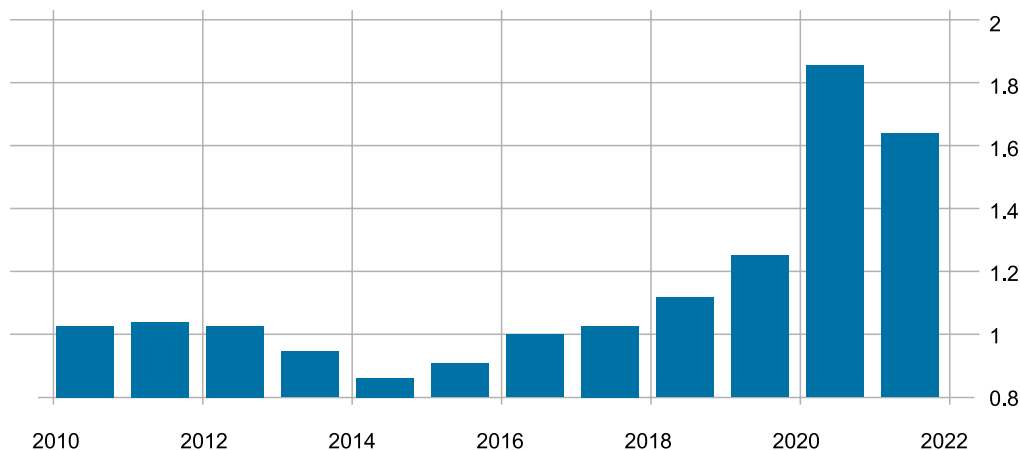
¹³ *Funding NATO*. NATO. 01.06.2023. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_67655.htm (accessed 03.12.2023).

¹⁴ *Defence Expenditure of NATO Countries (2014–2022)*. NATO Public Diplomacy Division. 27.06.2022. Available at: https://www.nato.int/nato-static_files/2022/6/pdf/220627-def-exp-2022-en.pdf (accessed 03.12.2023).

¹⁵ No Breakthrough for Sweden nor Ukraine at NATO Summit. *Hungary Today*, 13.07.2023. Available at: <https://hungarytoday.hu/no-break-through-for-sweden-nor-ukraine-at-nato-summit/> (accessed 03.12.2023).

2016 г. постановлением правительства 1298/2017. (VI. 2.)¹⁶ в целях обеспечения Венгрии всеми необходимыми средствами для самообороны, а также замены вооружений советского образца на современные и соответствующие стандартам НАТО.

Рисунок 2. Расходы Венгрии на оборону, начиная со второго срока В. Орбана (доля ВВП, %)

Источник: составлено автором по данным Всемирного банка с помощью портала *Trading Economics*¹⁷.

В июле 2019 г. венгерский парламент одобрил расширение вооруженных сил до 37 500 солдат¹⁸ (с возможностью удвоения этого числа в ближайшие годы, что может быть первым шагом на пути к восстановлению призывной службы). Государственная военная стратегия Венгрии от 2021 г. предполагает создание к 2030 г. современной системы резервистов, способной противостоять потенциальным угрозам и поддерживать задачи профессиональной армии как в мирное время, так и в случаях чрезвычайного положения. Постепенно омолаживается офицерский состав, предпочтение отдается военнослужащим, хорошо говорящим на английском языке¹⁹. Министерство обороны Венгрии внимательно изучает поступающую информацию об украинском конфликте, чтобы использовать этот опыт для подготовки вооруженных сил страны к гибридной войне нового типа.

В октябре 2022 г. на тот момент министр технологий и промышленности Венгрии Ласло Палкович (министерство было расформировано в ноябре 2022 г.) заявил²⁰, что стратегической целью Венгрии является ее превращение в один из ведущих оборонно-промышленных центров ЦВЕ в области производства, исследований и разработок вооружений к концу 2020-х годов. Важность данной отрасли, по мнению министра, огромна, так как на оборону тратится более 2% мирового ВВП. Расположение Венгрии выгодно с точки зрения логистики, а ее налоговая политика привлекает инвесторов (в стране самая низкая ставка корпоративного налога в ОЭСР в размере 9%)²¹.

¹⁶ 1298/2017. (VI. 2.) Korm. Határozat a Zrínyi 2026 Honvédelmi és Haderőfejlesztési Program megvalósításáról. Wolters Kluwer. Available at: <https://net.jogtar.hu/jogszabaly?docid=A17H1298.KOR&txtreferer=00000001.TXT> (accessed 03.12.2023).

¹⁷ Hungary Military Expenditure...

¹⁸ Elfogadta az Országgyűlés a Magyar Honvédség hivatásos katonai létszámát. Honvedelem. 02.07.2019. Available at: <https://web.archive.org/web/20211106160022/https://honvedelem.hu/hirek/hazai-hirek/elfogadta-az-oroszaggyules-a-magyar-honvedseg-hivatatos-katonai-letszamat.html> (accessed 03.12.2023).

¹⁹ Balázs B. What May Be Behind the Purge in Hungarian Military Leadership. *Telex*, 23.01.2023. Available at: <https://telex.hu/english/2023/01/23/what-may-be-behind-the-purge-in-hungarian-military-leadership> (accessed 03.12.2023).

²⁰ Palkovics: a régió élvonalába kerülhet a magyar hadiipar 2030-ra. *Portfolio*, 05.10.2022. Available at: <https://www.portfolio.hu/global/20221005/palkovics-a-regio-elvonalaba-kerulhet-a-magyar-hadiipar-2030-ra-571175> (accessed 03.12.2023).

²¹ Taxes in Hungary. Tax Foundation. Available at: <https://taxfoundation.org/country/hungary/#:~:text=Hungary%20has%20the%20lowest%20corporate,flat%20personal%20income%20tax%20system> (accessed 03.12.2023).

Собственный ОПК Венгрии до 2016 г. не создавал высокотехнологичную продукцию. Он предлагал несложное в производстве военно-техническое имущество и легкую военную технику: например, бронированную машину *Komondor RDO-312*, бронированную разведывательную машину *RDO-3121 Recce*, бронированную машину скорой помощи *RDO-3921 AMB* компании *GAMMA Technical Corporation*. Производились патрульные катера и лодки²².

В 1997 г. венгерская компания *HM Arzenál Zrt* осуществляла программу модернизации радара П-37 “Меч” и успешно сотрудничала с франко-английской *Matra BAe Dynamics (MBD)* в работах по интеграции зенитно-ракетных комплексов (ЗРК) *Mistral* с системой управления огнем К-1Р, являющейся модернизированной версией российской К-1М. С 1997 г. компания занимается продлением жизненного цикла ракет, с 2013 г. – модернизацией штурмовых винтовок АК-63МА, а также выпускает портативную и универсальную сканирующую систему наблюдения малого радиуса действия (до 3 км) *Saker SPSS-1000*²³, работающую на основе *FMCW*-радиолокатора.

Согласно базе данных Организации Объединенных Наций *COMTRADE* по международной торговле, экспорт оружия и боеприпасов, а также запасных частей и прочих комплектующих из Венгрии в 2022 г. составил всего 68 млн долл.²⁴ При этом правительство поставило перед собой цель²⁵ увеличить объем оборонной промышленности Венгрии до 1.5 млрд долл. к 2030 г. Для венгерской оборонной промышленности важно быть успешной на внешних рынках и стать частью международных цепочек поставок конкурентоспособной продукции. Именно для этого развиваются производственные мощности и бизнес-модели технологического сотрудничества с партнерами по НАТО.

Венгрия стремится к созданию совместных предприятий с ведущими игроками рынка вооружений и ожидает коммерческих результатов от инвестиций. Решением поставленных задач и сотрудничеством с иностранными предприятиями занимается Венгерский государственный инновационный холдинг оборонной промышленности *N7*, которым руководит бывший министр технологий и промышленности Л. Палкович²⁶ (ранее холдинг находился в ведении Министерства технологий и промышленности Венгрии, с ноября 2022 г. курируется Министерством обороны)²⁷.

По словам Палковича, для достижения обозначенных целей и поддержания экономической устойчивости необходимо укреплять потенциал в области исследований и разработок, а расходы на НИОКР в оборонной промышленности должны достигать 5% общих расходов Венгрии на НИОКР. Действовать планируется в рамках восьми ключевых областей, определенных НАТО на следующие 20 лет: исследования, основанные на “больших данных”, исследования в области “искусственного интеллекта” (ИИ), квантовые технологии, космические исследования, биотехнологии, исследования новых материалов и производственных технологий, а также исследования в области гиперзвуковых вооружений²⁸.

²² *Products*. Defence Industry Association of Hungary. Available at: <https://www.vedelmiipar.hu/?lang=eng&mnuGrp=mnuTagsag|mnuTTermekek&module=products2m> (accessed 03.12.2023).

²³ *Defense Industry*. Arzenal. Available at: <https://www.vedelmiipar.hu/?lang=eng&mnuGrp=mnuTagsag|mnuTTermekek&module=products2> (accessed 03.12.2023).

²⁴ *Hungary Exports of Arms and Ammunition, Parts and Accessories*. Trading Economics. Available at: <https://tradingeconomics.com/hungary/exports/arms-ammunition-parts-accessories#:~:text=Hungary%20Exports%20of%20arms%20and%20ammunition%2C%20parts%20and%20accessories%20was,COMTRADE%20database%20on%20international%20trade> (accessed 03.12.2023).

²⁵ *NATO Could Launch Innovation Program in Hungary*. MIT – Hungary Today, 27.01.2022. Available at: <https://hungarytoday.hu/hungary-dina-program-nato/> (accessed 03.12.2023)

²⁶ *Mi történt Palkovics Lászlóval? Teljesen megváltozott a lemondása után, rá sem ismerni*. *Blikk*, 15.12.2022. Available at: <https://www.blikk.hu/politika/magyar-politika/palkovics-laszlo-uj-kulso-lemondasa-utan/tw388pc> (accessed 03.12.2023).

²⁷ *Sándor J., Thüringer B. It's Official: a New Energy Ministry Is to Be Established, Palkovics Has Resigned*. *Telex*, 14.11.2022. Available at: <https://telex.hu/english/2022/11/14/its-official-a-new-energy-ministry-is-to-be-established-palkovics-has-resigned> (accessed 03.12.2023).

²⁸ *Emerging and Disruptive Technologies*. NATO. 22.06.2023. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_184303.htm (accessed 03.12.2023).

В феврале 2023 г. в Венгрии был создан Институт оборонных инновационных исследований (*Védelmi Innovációs Kutatóintézet, VIKI*)²⁹. VIKI занимается технологиями двойного назначения, которые могут быть использованы как в гражданских, так и в военных целях. Дальнейшие задачи новой организации включают межведомственное сотрудничество, международную интеграцию и определение долгосрочных целей в области развития. Институт находится в ведении Министерства обороны Венгрии и частично финансируется через Европейский фонд обороны (*European Defence Fund, EDF*). Штаб-квартира Института оборонных инновационных исследований находится в Будапеште, а дополнительные офисы расположены в Сегеде и Залаэгерсеге.

СОВРЕМЕННОЕ ВООРУЖЕНИЕ ДЛЯ НУЖД ВЕНГЕРСКОЙ АРМИИ И НА ЭКСПОРТ

В 2018 г. венгерским Минобороны были заключены контракты с немецкой машиностроительной компанией *German Krauss-Maffel Wegmann* на приобретение 44 танков *Leopard 2A4* и *2A7+*. Начата закупка бронированных боевых машин пехоты (БМП), составляющих систему вооружения сухопутных войск, предлагаемых НАТО. Первый экземпляр БМП типа *Lynx KF-41* поступил в венгерскую армию в 2022 г. Всего Венгрия закупит у Германии 218 БМП *Lynx* (на сумму более 2 млрд долл.)³⁰, 176 из которых сойдут уже с венгерского конвейера. Ожидается, что в течение 2023 г. в г. Залаэгерсег откроется завод немецкой компании *Rheinmetall AG*.

Генеральный директор холдинга *N7* Л. Палкович охарактеризовал завод как флагманский проект развития венгерской оборонной промышленности, который будет производить БМП для потребностей венгерской армии и на экспорт. Ожидается, что в будущем *Lynx* будут поставляться из Венгрии в Чехию и Словакию. Некоторые эксперты считают, что БМП *Lynx* станет основой сил НАТО, заменив американскую машину *M2 Bradley*³¹.

Компания *Rheinmetall* была выбрана в качестве поставщика БМП следующего поколения для венгерской армии не только из-за стремления привнести высокую добавленную стоимость в национальную экономику. Венгрию и Германию связывают крепкие отношения в сфере вооружений. С 2017 по 2021 гг. Будапешт стал главным импортером немецкой военной продукции на сумму в 2.5 млрд долл.³²

В 2023 г. в венгерские войска также поступят новые бронев автомобили *Gidrán 4x4* (всего для армии планируется производство 300 штук)³³, созданные на базе турецкой модели *Ejder Yalçın*. Первые сорок единиц были изготовлены в Турции заводом *Nurol Makina*, остальные будут собираться на территории Венгрии на новом дочернем предприятии немецкого конгломерата *Rheinmetall Hungary Zrt* в г. Капошвар. В дальнейшем планируется совместное производство БПЛА³⁴. В проектах участвует основанная в 2019 г. венгерская компания *HT Division*³⁵. Венгрия является первым государством Европейского союза и страной – членом НАТО, которая использует турецкие технологии для своей

²⁹ *Létrejött a Védelmi Innovációs Kutatóintézet*. Honvédelmi Minisztérium, 27.02.2023. Available at: <https://honvedelem.hu/hirek/letrajott-a-vedelmi-innovacios-kutatointezet.html> (accessed 03.12.2023).

³⁰ Hungary Signs Deal with Rheinmetall AG for 218 Lynx Combat Vehicles. *Reuters*, 09.09.2020. Available at: <https://www.reuters.com/article/rheinmetall-hungary-contract-idCNL8N2G654N> (accessed 03.12.2023).

³¹ West L.C. Hungary's Expanding Military-Industrial Complex Is an Asset for NATO. *The National Interest*, 21.04.2023. Available at: <https://nationalinterest.org/feature/hungary-s-expanding-military-industrial-complex-asset-nato-206417> (accessed 03.12.2023).

³² Hungary Tops List of German Weapon Sales Since 2017. *Hungary Today*, 31.08.2021. Available at: <https://hungarytoday.hu/hungary-tops-list-german-weapon-sales-military-army-arms/> (accessed 03.12.2023).

³³ Huszák D. Bejelentették: több mint 300 újfajta katonai járművet szerez be a Honvédség. *Portfolio*, 21.12.2020. Available at: <https://www.portfolio.hu/global/20201221/bejelentettek-tobb-mint-300-ujfajta-katonai-jarmu-vezet-szerez-be-a-honvedseg-462752> (accessed 03.12.2023).

³⁴ Франс А. Венгрия планирует совместное с Турцией производство бронетехники и БПЛА. *Gazeta.ru*, 15.08.2022. Available at: <https://www.gazeta.ru/army/news/2022/08/15/18334460.shtml?ysclid=libtrrb11204631864> (accessed 03.12.2023).

³⁵ Land Vehicles. *HT Division*. Available at: <https://htdivision.com/service/land-vehicles> (accessed 03.12.2023).

армии и создает совместное производство с турецкими партнерами. В октябре 2022 г. лидеры двух государств – В. Орбан и Р. Эрдоган – заключили военное соглашение, предусматривающее, помимо сотрудничества в области ОПК, обмен разведывательной информацией³⁶.

Военно-воздушными силами страны в последние годы приобретены учебно-винтовые чешские самолеты *Zlin Z-242L* и *Zlin Z-143Isi* для подготовки венгерских пилотов. Рассматривается приобретение 12 учебно-боевых самолетов *L-39ng* и легких истребителей. В настоящее время у Венгрии имеется 14 шведских истребителей *Saab JAS 39 Gripen*, четыре новых самолета должны поступить в военно-воздушные силы в 2024 г.³⁷

В дополнение к самолетам A319 и Falcon армия приобретает два KC-390 (реактивный двухдвигательный военно-транспортный самолет, разрабатываемый бразильским авиазаводом *Embraer*). Заключены контракты на 20 легких вертолетов *Airbus H145M* и 16 тактических транспортных военных вертолетов большой дальности *H225M*. Предусмотрена пятилетняя программа материально-технической поддержки, обучения и переподготовки кадров. В августе 2022 г. французская компания *Airbus* открыла в венгерском городе Дьюла завод по производству деталей для вышеуказанных вертолетов³⁸.

ВЫУЧЕННЫЕ УРОКИ УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА

Крупным шагом в развитии воздушной обороны Венгрии является приобретение еще в 2020 г. норвежско-американского ЗПК наземного базирования *NASAMS* на сумму более 400 млн долл.³⁹ Комплексы должны быть доставлены в Венгрию до завершения 2023 г.⁴⁰, после чего она станет шестой страной НАТО и 12-й страной в мире, закупившей системы *NASAMS*⁴¹. Пример Украины показывает важность развития противовоздушной обороны (ПВО), и венгерские официальные лица также говорили об интересе к системе *Iron Dome* израильского производства⁴².

Венгеро-израильское сотрудничество в области ОПК уже начато. Подразделение немецкой группы *Rheinmetall Canada* будет поставлять в Венгрию современные радиолокационные системы, способные улавливать небольшие цели вроде БПЛА. Поставки новых систем начались в 2022 г. и продлятся до конца 2027 г. Венгрия является важным экспортным партнером *Rheinmetall Canada*, а новые усовершенствованные трехкоординатные радиолокационные системы (3D-РЛС), поставляемые компанией, будут производиться ее партнером *Rheinmetall ELTA*, которая является дочерней компанией *Israel Aerospace Industries (IAI)*⁴³. Для этих целей в г. Ньиртелек строится завод по производству радаров. Венгерские поставщики были задействованы уже на первом

³⁶ Kenez L. Turkey to Ratify a Military Agreement with Hungary that Includes Intelligence Sharing. *Nordic Monitor*, 03.02.2023. Available at: <https://nordicmonitor.com/2023/02/turkey-to-ratify-a-military-agreement-with-hungary-including-intelligence-sharing/> (accessed 03.12.2023).

³⁷ Hecker F. Haderőfejlesztés: a kormány a vadászgépekről sem feledkezik meg, egyre biztosabb az új Gripenek beszerzése. *Világgazdaság*, 03.02.2023. Available at: <https://www.vg.hu/vilaggazdasag-magyar-gazdasag/2023/02/haderofejlesztes-a-kormany-a-vadaszgepekrrol-sem-feledkezik-meg-egyre-biztosabb-az-uj-gripenek-beszerzese> (accessed 03.12.2023).

³⁸ New Airbus Helicopters Factory Inaugurated in Gyula. ABT Treuhand Group. 09.08.2022. Available at: <https://doing-business-in-hungary.com/eng/new-airbus-helicopters-factory-inaugurated-in-gyula/> (accessed 03.12.2023).

³⁹ Hungary Selects Kongsberg and Raytheon Missiles and Defense for Medium Range Air Defense. Kongsberg Gruppen. 30.11.2020. Available at: <https://www.kongsberg.com/newsandmedia/news-archive/2020/hungary-selects-kongsberg-and-raytheon-missiles--defense-for-medium-range-air-defense/> (accessed 03.12.2023).

⁴⁰ Венгрия получит минимум шесть ЗПК *NASAMS* в августе. *РИА Новости*, 21.04.2023. Available at: <https://ria.ru/20230421/nasams-1867008507.html> (accessed 03.12.2023).

⁴¹ При этом в мае 2020 г. Венгрией уже были заключены контракты с США на сумму более 1 млрд долл. на приобретение 60 зенитных управляемых ракет *Raytheon AIM-120C-7/C-8 AMRAAM-ER* для данных систем.

⁴² Gosselin-Malo E. Hungary Eyes Iron Dome, as New Air Defense Radars Are on the Way. *Defense News*, 30.11.2022. Available at: <https://www.defensenews.com/global/europe/2022/11/30/hungary-eyes-iron-dome-as-new-air-defense-radars-are-on-the-way/> (accessed 03.12.2023).

⁴³ Rheinmetall and IAI / ELTA Radar System for Hungary. *Joint Forces*, 18.12.2020. Available at: <https://www.joint-forces.com/defence-equipment-news/38706-rheinmetall-and-iai-elta-radar-system-for-hungary> (accessed 03.12.2023).

этапе программы, в ходе которого локаторы начали собирать в Израиле. На втором этапе, начиная с 2025 г., сборка будет осуществляться на новом заводе в Венгрии⁴⁴.

Венгерское руководство заявляло о намерении приобрести реактивные системы залпового огня (РСЗО) по типу *HIMARS*⁴⁵. Таким образом, Венгрия стремится не только укрепить противовоздушную оборону, но и повысить наступательные возможности вооруженных сил страны.

В июле 2023 г. Венгрия представила современный беспилотный летательный аппарат *ProTAR* от компании ЗАО *Rotors & Cams*⁴⁶. 68-килограммовый беспилотник может достигать скорости в 500 км/ч на высоте до 6 км и имитировать действия штурмовой авиации в реальных условиях. Время его работы составляет 60 минут, а дальность связи достигает 75 км. На данный момент дрон планируют использовать только в качестве тренировочной цели для учений с использованием ПВО. Хотя *ProTAR* позиционируется как полностью венгерская разработка, можно предположить, что это один из первых результатов углубляющегося венгеро-турецкого военного сотрудничества.

В 2023 г. армия получит самоходные артиллерийские установки. Приобретение *PzH 2000* немецкой компании *Krauss-Maffei Wegmann* – исторический шаг, так как в течение 20 лет у вооруженных сил Венгрии не было самоходной артиллерии. Ранее для противодействия технике противника предполагалось использовать переносные противотанковые гранатометы *Carl-Gustaf M4*⁴⁷.

Современные боевые действия показали, насколько быстро на поле боя расходуются боеприпасы. Подразделение уже упомянутой *Rheinmetall AG* намерено внедрять в Венгрии новейшие технологии их производства. В дополнение к этому прорабатывается будущее сотрудничество в области оружейных технологий, включая исследовательские и опытно-конструкторские работы. К 2024 г. в Венгрии будет построен завод по производству крупнокалиберных боеприпасов и взрывчатых веществ в г. Варпалота⁴⁸.

При этом в Венгрии уже есть крупный завод стрелкового оружия в г. Кишкунфеледьхаза, производящий продукцию чешской компании *Colt CZ Group*⁴⁹: пистолеты типа *P-07* и *P-09*, штурмовые винтовки типа *BREN 2* и пистолеты-пулеметы типа *SCORPION EVO 3*. В декабре 2022 г. был заключен договор о сотрудничестве холдинга *N7* с немецкой *Dynamit Nobel Defence GmbH* о совместном производстве гранатометов *RGW110 HH-T*. Строительство завода планируется в том же Кишкунфеледьхазе⁵⁰.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на членство в НАТО, Венгрия имеет собственный взгляд на широкий спектр вопросов безопасности в Центральной и Восточной Европе, что нередко

⁴⁴ Six New Hungarian Arms Factories to Manufacture Weapons for Export as Well – if Orbán's Plan Works. *Telex*, 12.01.2023. Available at: <https://telex.hu/english/2023/01/12/six-new-hungarian-arms-factories-will-also-manufacture-weapons-for-export-if-orbans-plan-works> (accessed 03.12.2023).

⁴⁵ Mohi P. Hungary Considers Acquiring HIMARS Missile Systems. *Daily News Hungary*, 17.01.2023. Available at: <https://dailynewshungary.com/hungary-might-consider-acquiring-himars-missile-systems/> (accessed 03.12.2023).

⁴⁶ Domestic Developed Drone to Strengthen Our Air Defenses. *Hungary Today*, 11.07.2023. Available at: <https://hungarytoday.hu/domestic-developed-drone-to-strengthen-our-air-defenses/> (accessed 03.12.2023).

⁴⁷ Nagy D. Zrínyi 2026: Hungary's Large-Scale Military Force Development Programme. *Hungarian Conservative*, 13.05.2021. Available at: <https://www.hungarianconservative.com/articles/current/zrinyi-2026-hungarys-large-scale-military-force-development-programme/> (accessed 03.12.2023).

⁴⁸ Lerakták a várpalotai lőszergyár alapkövét, 2024-ben kezdődik a gyártás. *Magyar Nemzet*, 15.12.2022. Available at: <https://magyarnemzet.hu/belfold/2022/12/leraktak-a-varpalotai-loszergyar-alapkovet-2024-ben-kezdodik-a-gyartas> (accessed 03.12.2023).

⁴⁹ Colt CZ Group Signed a Joint Venture Agreement in Hungary. *Colt CZ Group*. 22.12.2022. Available at: <https://www.coltczgroup.com/en/media-press-releases/colt-cz-group-signed-a-joint-venture-agreement-in-hungary> (accessed 03.12.2023).

⁵⁰ Hungarian Defence Forces to be Equipped with RGW 110 Anti-Tank Weapon. *Defence Industry Europe*, 26.12.2022. Available at: <https://defence-industry.eu/hungarian-defence-forces-to-be-equipped-with-rgw-110-anti-tank-weapon/> (accessed 03.12.2023).

противоречит позиции других членов Североатлантического альянса. Официальный Будапешт стремится проводить во многом самостоятельный курс в области развития вооруженных сил и оборонно-промышленного комплекса, что вызвано спецификой политики действующего правительства В. Орбана (его упор на постулаты *Realpolitik*, отстаивание национального суверенитета Венгрии).

С 2016 г. Венгрия активно совершенствует свои вооруженные силы и расширяет возможности ОПК. Это связано с украинским кризисом 2014 г., а также потоком нелегальных мигрантов в ЕС в 2015 г. Безопасность венгерских границ – основополагающая задача правительства согласно Стратегии национальной безопасности 2020 г.⁵¹ После эскалации на Украине в феврале 2022 г. Венгрия нацелена на выполнение другой важной задачи, указанной в Стратегии нацбезопасности и Государственной военной стратегии – это создание армии, способной противостоять действиям противников в гибридной и асимметричной войне. Программа развития вооруженных сил предполагает значительное повышение их возможностей к 2026 г., в планах по расширению ОПК – лидерство Венгрии в оборонно-промышленной отрасли в регионе ЦВЕ к 2030 г. Основными партнерами в этой сфере считаются компании из Германии, Франции, Чехии, Турции и Израиля. Мероприятия по модернизации венгерской армии в настоящее время успешно реализуются, однако осуществляются ли все амбициозные планы правительства В. Орбана по развитию ОПК, сказать сложно.

Официальный Будапешт не поставяет и не планирует поставяет оружие киевским властям⁵², систематически выступая с призывом к мирным переговорам. Венгрия не только граничит с Украиной, в Закарпатье проживает до 200 тысяч этнических венгров (у многих есть венгерское гражданство), которым в украинском государстве грозит мобилизация. Венгерское правительство считает, что победить Россию без поддержки войск НАТО невозможно⁵³, и европейский истеблишмент ошибается, делая ставку на военные действия и эскалацию конфликта, а не на дипломатическое урегулирование.

Руководство Венгрии наращивает численность армии и повышает уровень оборонно-промышленного комплекса в первую очередь для укрепления экономики страны и защиты государственных границ и собственных граждан. В. Орбан уверен в том, что любые действия союзников по НАТО, выходящие за рамки самообороны, являются в корне неправильными, поэтому Венгрия должна оставаться в стороне от военных действий⁵⁴. Вместе с тем Будапешт следует формуле “Хочешь мира – готовься к войне”.

Несмотря на мирные инициативы правительства В. Орбана, в будущем в составе Североатлантического альянса в регионе Центральной и Восточной Европы намечается появление модернизированной армии с растущим ОПК, укрепляющей восточный фланг НАТО [9, p. 525] и готовой к конфликту “нового поколения”. Дополнительную угрозу создает деятельность венгерской политической оппозиции (за исключением ультраправой партии “Наша Родина”), которая активно поощряется США⁵⁵, выступает за военную помощь Украине и свертывание отношений с Россией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Pawłuszko T. Militarization of Security Policies in Central and Eastern Europe. *Politics and Security of Central and Eastern Europe. Contributions to Political Science*. Zięba R., eds. Cham, Springer, 2023, pp. 177-195. DOI: 10.1007/978-3-031-16419-4_9

⁵¹ Government Resolution 1163/2020 (21st April) on Hungary's National Security Strategy. Honvédelem. 21.06.2021. Available at: <https://honvedelem.hu/hirek/government-resolution-1163-2020-21st-april.html> (accessed 03.12.2023).

⁵² Orbán T. Hungary and Austria Agree to Not Supply Weapons to Ukraine. *The European Conservative*, 03.02.2023. Available at: <https://europeanconservative.com/articles/news/hungary-and-austria-agree-to-not-supply-weapons-to-ukraine/> (accessed 03.12.2023).

⁵³ Hungary's Orban Says 'Poor Ukrainians' Cannot Win Against Russia. *Al Jazeera*, 23.05.2023. Available at: <https://www.aljazeera.com/news/2023/5/23/hungarys-orban-says-poor-ukrainians-cannot-win-the-war> (accessed 03.12.2023).

⁵⁴ Dunai M. Viktor Orbán Expands His Grip to Hungary's Military and Defence Industry. *Financial Times*, 21.02.2023. Available at: <https://www.ft.com/content/10f210a4-62cd-4f31-8522-f10f27640b9b> (accessed 03.12.2023).

⁵⁵ Administrator Samantha Power Visits Hungary. USAID. 11.02.2023. Available at: <https://www.usaid.gov/news-information/press-releases/feb-11-2023-administrator-samantha-power-visits-hungary> (accessed 03.12.2023).

2. *The Military Balance 2023*. London, The International Institute for Strategic Studies (IISS), Routledge, 2023. 576 p. DOI: 10.4324/9781003400226
3. Peterson J.W., Lubecki J., eds. *Defending Eastern Europe: The Defense Policies of New NATO and EU Member States*. Manchester University Press, 2021. 240 p.
4. Громыко А.А., Федоров В.П., ред. *Европа между трех океанов*. Москва, Институт Европы РАН, Нестор-История, 2019. 608 с. [Gromyko A.A., Fedorov V.P., ed. *Europe Between Three Oceans*. Moscow, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Nestor-Istoriya, 2019. 608 p. (In Russ.)]
5. Biziewski J. Eastern Flank of EU and NATO – Challenge and Opportunity. *Security and Defence in Europe. Advanced Sciences and Technologies for Security Applications*. Ramirez J.M., Biziewski J., eds. Cham, Springer, 2020, pp. 177-199. DOI: 10.1007/978-3-030-12293-5_14
6. Четверикова А.С., отв. ред. *Пределы самостоятельности Вишеградской группы в ЕС*. Москва, ИМЭМО РАН, 2022. 153 с. [Chetverikova A.S., ed. *The Limits of Independence of Visegrad Group in the EU*. Moscow, IMEMO, 2022. 153 p. (In Russ.)]
7. Kiss Y. *Arms Industry Transformation and Integration: The Choices of East Central Europe*. Stockholm, Oxford, SIPRI, Oxford University Press, 2014. 438 p.
8. Журкин В.В., ред. *Безопасность Европы*. Москва, Весь Мир, 2011. 752 с. [Zhurkin V.V., ed. *Security of Europe*. Moscow, Ves Mir, 2011. 752 p. (In Russ.)]
9. Townsend J.J. In Peace and War: The Military Implications of NATO Enlargement. *Evaluating NATO Enlargement*. Goldgeier J., Shifrinson J.R.I., eds. Cham, Palgrave Macmillan, 2023, pp. 495-530. DOI: 10.1007/978-3-031-23364-7_15

ИДЕНТИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОПОРЯДКА: ДИСКУРСЫ И НАРРАТИВЫ

© ПРОХОРЕНКО И.Л. (СОСТАВЛЕНИЕ), 2023

Прохоренко И.Л. (составление). Идентичность в условиях трансформации миропорядка: дискурсы и нарративы. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2023, № 4, сс. 67-84. DOI: 10.20542/afij-2023-4-67-84

DOI: 10.20542/afij-2023-4-67-84

EDN: DULMNH

УДК: 323+327+329+30

Обзор поступил в редакцию 06.12.2023.

Принят редакцией 13.12.2023.

Принят к публикации 25.12.2023.

2 декабря 2023 г. в Российском университете дружбы народов им. Патриса Лумумбы в рамках Всероссийской конференции с международным участием "Политическая наука в меняющемся мире: новые практики и теоретический поиск" Российской ассоциации политической науки (РАПН) состоялся круглый стол "Идентичность в условиях трансформации миропорядка: дискурсы и нарративы". Мероприятие было организовано Исследовательским комитетом РАПН по политической идентичности. Модератором круглого стола выступила И.С. Семененко, член-корр. РАН, д.полит.н., зам. директора ИМЭМО РАН по научной работе, руководитель Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований ИМЭМО РАН, координатор Исследовательского комитета РАПН по политической идентичности, научный руководитель Сети по исследованию идентичности; соведущим – Л.А. Фадеева, д.и.н., проф. кафедры политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета. Были проанализированы ключевые направления, проблемы и достижения идентитарных исследований в России и в зарубежном научном поле, новые дискурсы и нарративы в политической науке и в публичной политике, актуальные прежде всего для России. Обсуждение было сфокусировано на проблематике политической идентичности и политики идентичности в контексте формирования полицентричного мира, идентитарном измерении дискурсов архаизации, неотрадиционализма, "балканизации", проявлениях конфликта идентичностей, секьюритизации идентичности, этнополитической конфликтности. Докладчиками выступили И.С. Семененко; Л.А. Фадеева; сотрудники сектора анализа политических изменений и идентичности отдела сравнительных политических исследований Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований ИМЭМО РАН В.И. Лапкин, к.хим.н., в.н.с., А.К. Камкин, к.философ.н., с.н.с., Т.И. Попадьева, к.полит.н., н.с., Т.И. Хайнацкая, м.н.с.; сотрудники сектора международных организаций и глобального политического регулирования отдела международно-политических проблем ИМЭМО РАН И.Л. Прохоренко, д.полит.н., зав. сектором, М.А. Шпак, ст. лаборант-исследователь; сотрудники кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета (Краснодар) Е.В. Морозова, д.философ.н., профессор, И.С. Башмаков, к.полит.н., доцент; С.К. Калашникова, аспирант СПбГУ, м.н.с. Центра междисциплинарных исследований ИНИОН РАН; М.Я. Погодина, стажер-исследователь СПбГУ, м.н.с. Центра междисциплинарных исследований ИНИОН РАН; А.П. Романова, д.философ.н., профессор, директор Научно-исследовательского центра исследования проблем Юга России и Прикаспия Астраханского государственного университета имени В.Н. Татищева (Астрахань); Л.В. Сагитова, д.полит.н., в.н.с. отдела этнологических исследований Института истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань); О.Л. Саркисян, к.философ.н., доцент, зав. кафедрой политологии Института права и политики

Российско-Армянского университета (Республика Армения, Ереван). Обзор материалов круглого стола подготовлен д.полит.н., зав. сектором международных организаций и глобального политического регулирования отдела международно-политических проблем ИМЭМО РАН И.Л. Прохоренко (irinapr@imemo.ru, ORCID: 0000-0002-8090-7934).

Ключевые слова: политическая идентичность, политика идентичности, конфликт идентичностей, научный дискурс, политический нарратив, дискурс архаизации, неотрадиционализм, секьюритизация идентичности, колониальный дискурс, “балканизация”, этнополитическая конфликтность, эколого-политические дискурсы, экологическая идентичность, политическое пространство, метафоры в политической науке.

IDENTITY IN THE TIME OF WORLD ORDER TRANSFORMATION: DISCOURSES AND NARRATIVES

Received 06.12.2023. Revised 13.12.2023. Accepted 25.12.2023.

A roundtable titled ‘Identity in the Time of World Order Transformation: Discourses and Narratives’ was held on the 2nd of December 2023, at the Patrice Lumumba Peoples’ Friendship University of Russia. It was a part of the All-Russian conference with international participation ‘Political Science in a Changing World: New Practices and Theoretical Research’ organized by the Russian Political Science Association (RPSA). At RPSA, the event was arranged by the Research Committee on political identity. The roundtable moderator was Semenenko I.S., Corresponding Member of the RAS, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Head of Centre for Comparative Socioeconomic and Political Studies, Deputy Director for Scientific Work of IMEMO, RAS, RPSA Research Committee on political identity coordinator, supervisor of Identity Research Network; the co-moderator was Fadeeva L.A., Doct. Sci. (Polit. Sci.), Professor, Department of Political Science, Perm State University. The key trends, problems and achievements regarding identity studies in Russia and abroad, new discourses and narratives in political science and public policy, especially ones relevant to Russia, were analyzed. The discussion focused on the problems of political identity and identity politics in terms of a forming polycentric world, identity dimension of archaization discourses, neotraditionalism, Balkanization, manifesting identity conflicts, identity securitization and ethno-political conflicts. The speakers were as follows: Semenenko I.S.; Fadeeva L.A.; staff members of Sector for Analysis of Political Change and Identity, Department for Comparative Political Studies, Centre for Comparative Socioeconomic and Political Studies, IMEMO – Cand. Sci. (Chem.), Leading Researcher Lapkin V.V, Doct. Sci. (Philos.), Senior Researcher Kamkin A.K., Cand. Sci. (Polit. Sci.), Researcher Popadeva T.I., Junior Researcher Khaynatskaya T.I.; staff of Sector for International Organizations and Global Political Governance, Department for International Political Problems, IMEMO – Doct. Sci. (Polit.), Head of the Sector Prokhorenko I.L., Senior Research Assistant Shpak M.A.; staff of Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University (Krasnodar) – Doct. Sci. (Philos.), Professor Morozova E.V., Cand. Sci. (Polit. Sci.), Associate Professor Bashmakov I.S.; Kalashnikova S.K., postgraduate student St Petersburg University, Junior Researcher, Center for Science, Education and Information Programs, INION RAN; Pogodina M.Ya., Research Assistant, Faculty of Political Science, St Petersburg University, Junior Researcher, Center for Science, Education and Information Programs, INION RAN; Romanova A.H., Doct. Sci. (Philos.), Director of Institute for Research on the Problems of the South of Russia and the Caspian Sea, Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev (Astrakhan); Sagitova L.V., Doct. Sci. (Polit. Sci.), Leading Researcher, Department of Ethnology, Sh. Marjani Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan); Sargsyan O.L., Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor, Head of the Department of Political Science, Institute of Law and Politics, Russian-Armenian University (the Republic of Armenia, Yerevan). The review of the roundtable materials was compiled by Prokhorenko I.L., Doct. Sci. (Polit.), Head of the Sector for International Organizations and Global Political Governance, Department for International Political Problems, IMEMO (irinapr@imemo.ru, ORCID: 0000-0002-8090-7934).

Keywords: political identity, identity politics, identity conflict, discourse, archaization discourse, neotraditionalism, identity securitization, colonial discourse, Balkanization,

ethnopolitical conflict, ecopolitical discourse, ecological identity, political space, metaphors in political science.

Открывая круглый стол, **Ирина Станиславовна Семененко** в выступлении на тему “Идеи, идеологии, идентичности: от дискурсов к дискурсивной силе” обратила внимание на “метаморфозы идентичности” в современном научном и политическом поле. Этот концепт стал общеупотребимым не только в научной дискуссии о тенденциях общественного развития и об изменениях в структуре современного миропорядка, но и в публичной политике, и в медийном пространстве. Рубеж превращения идентичности в своего рода мейнстрим научного и политического дискурсов отмечен выходом книги Фрэнсиса Фукуямы о политике идентичности в 2018 г. [1] Однако в российском научном поле эта тенденция отмечена раньше, ее зафиксировал выход в 2017 г. энциклопедического издания “Идентичность: личность, общество, политика”, подготовленного учеными ИМЭМО РАН и коллегами из ведущих российских академических и университетских центров на основе многолетних исследований массового сознания и идентичности [2]. Истоки этих исследований – в научной школе, которой руководил выдающийся российский ученый, д.и.н. Герман Германович Дилигенский (1930–2002).

В настоящее время есть потребность в оценке состояния и основных направлений дискуссии о теоретических подходах к изучению идентичности и об основных темах, разрабатываемых российскими и зарубежными учеными, в том числе отраженных в исследованиях незападных социально-политических реалий. Изучение научных дискурсов указывает на тенденции их политизации, которые проявляются в наделении идентичности новыми содержательными коннотациями (идентизм, суверенизм, неотрадиционализм, дискредитация и дискриминация идентичности, секьюритизация идентичности). К идентичности обращаются для объяснения сдвигов в структуре современного миропорядка. Этот концепт активно используется сегодня в разработке теории международных отношений, в геополитическом и постколониальном дискурсах, он переносится из научного поля в публичную политику и оказывает ощутимое обратное влияние на формирование приоритетов научных исследований. Так, разработка повестки культурного суверенитета и культурной безопасности или цивилизационных нарративов как осевой составляющей дискурсивной силы ключевых игроков на поле мировой политики не обходятся без обращения к идентичности.

В этом контексте плодотворной является разработка концепта политики идентичности в ее широком толковании, которое предлагают российские авторы. Такая политика отнюдь не сводится к “борьбе за право на идентичность” все более многочисленных меньшинств, характеризующих реальность разделенных обществ. Она подразумевает деятельность, осуществляемую от имени государства и с участием других субъектов политического процесса по формированию гражданской (государственно-гражданской), национальной, территориальных и других форм макрополитической идентичности на ряде ключевых направлений – политики памяти, языковой и символической политики. Приоритетная сфера реализации такой политики – сфера образования. Важной практически значимой задачей является оценка идентичности как ресурса общественного развития, выявление возможностей и ограничений ресурсного потенциала политики идентичности. В этом смысле важны эмпирические исследования на локальном и региональном уровнях, позволяющие оценить этот нематериальный ресурс. Есть потребность в заполнении появляющихся понятийных лакун, связанных с приоритетами современной публичной политики, в частности, с климатической повесткой, проблемами энергоперехода и “зеленой экономики”, вызовами миграции и новыми размежеваниями в современных разделенных обществах.

Анализ дискурсов и нарративов, отражающих динамику идентичности в условиях трансформации современного миропорядка, указывает на доминирование в публичном поле негативных коннотаций, характеризующих политику идентичности – ее дискредитацию, дискриминацию, девальвацию с использованием технологий дегуманизации и подобных. Это отражается в медийном поле, где доминируют прямо или косвенно соотносящиеся с идентичностью негативные метафоры, такие как “перманентный кризис”, “культурная война”, “культура отмены”, “постправда” или

“балканизация”. Тем более актуальной становится задача продвижения нарративов, ориентированных на созидательный потенциал деятельности человека и на позитивные горизонты общественного развития. За потребностью в “этическом повороте” в поле социогуманитарного знания просматривается потребность в формировании позитивной повестки политики развития.

Эти размышления подводят итог большому исследованию, которое И.С. Семененко представила в завершение своего вступительного доклада. Коллектив ученых ИМЭМО РАН при участии исследователей ряда других ведущих научных и образовательных учреждений России подготовил в продолжение уже упомянутого энциклопедического издания публикацию “Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля”, только что вышедшую в издательстве “Весь мир” [3]. Многие из участников круглого стола – авторы глав этой монографии, в которой рассматриваются актуальные научные дискурсы и намечены перспективы идентитарных исследований. Российские приоритеты связаны, как показал проведенный анализ, с потребностью в «осмыслении российского опыта в его парадигмальном качестве, в выявлении <...> тех его уникальных характеристик, которые обладают значимым для человечества потенциалом и которые, возможно, помогут “расколдовать” современный политический порядок, придать ему импульс к созидательному развитию» [3, с. 433]. Представленные в монографии российские ракурсы особенно значимы для формирования дискурсивной силы России на основе обращения к ресурсам идентичности, а оценка потенциала идентичности как нематериального ресурса развития имеет практическое значение для развития российских регионов и территорий, для формирования и продвижения позитивного образа будущего.

Выступления в рамках круглого стола можно разделить на несколько крупных блоков:

- 1) роль актуальных научных дискурсов (политического пространства и территории, архаизации и неотрадиционализма, секьюритизации идентичности) в осмыслении изменений в современном мире и конструировании новой политической реальности;
- 2) роль метафор в политической науке и, в частности, метафоры “балканизации”;
- 3) динамика и инструменты формирования гражданско-государственной идентичности в Российской Федерации и значимых для нее субрегионах Большой Евразии (Закавказье, Центральная Азия);
- 4) перемены в инструментарии поведения политических партий и использование ими медиадискурса (на примере европартий и национальных праворадикальных партий в Европейском союзе).

Владимир Валентинович Лапкин в докладе “Политические пространства и территории как их режимные сегменты (идентитарный аспект)” представил свое понимание научных категорий политического пространства и территории в их идентитарном измерении. Понятия пространств и территорий, входя в узкий круг базовых элементов научного политологического дискурса, остаются тем не менее (как по отдельности, так в их сопряжении и различении) не вполне проясненными и используются зачастую *ad hoc*, без содержательного анализа и критической оценки их применимости к конкретному случаю. При этом для политической науки и, соответственно, для анализа политических пространств особое значение имеют два своего рода “вырожденных” состояния пространства – топос и территория. Именно они наиболее часто оказываются оформляющими паттерны идентичности. Пространственность и территориальность в политической науке могут быть атрибутированы не только к географическим артефактам земной поверхности, но и многообразным иным сферам деятельности современного социализованного индивида, таким, например, как сфера виртуального общения или сетевых транзакций коммерческого, технического, научного, политического и иного рода. Концепт пространства возникает как ментальная (идеальная) конструкция, открывающая возможности упорядочения представлений о взаимном расположении всего многообразия определенного класса объектов (отнюдь не обязательно геометрических, географических, “материальных”). Политическое пространство понимается как универсальное множество однородных идеализированных политических феноменов: целеориентированных сообществ, политических акторов, электората и т.п.

Современность предоставляет индивиду широкий выбор моделей самоидентификации, в том числе – по месту (типу локализации), по предпочтительному пространству (кругу и формату) общения и профессиональной деятельности и т.п. Сам образ жизни современного индивида выстраивается им как выбор сообщества (набора сообществ), с которым он готов себя отождествить (хотя бы на время или на какую-то часть своего жизненного распорядка). Пространственно окрашенные идентификации становятся основанием консолидации новых сообществ, слабо привязанных к прежним паттернам конфессии, этноса, нации, государства. В политической прагматике сложно преувеличить значение одного из “вырожденных” состояний пространства – территории. Принцип территориальности является основополагающим для всех мало-мальски значимых сообществ нового времени, не только для национальных, символизирующих этот период, но и для абсолютного большинства прочих, претендующих на значимость в современном мире. Все они стремились “во что бы то ни стало” закрепить за собою определенную территорию и легитимировать свое доминирующее или хотя бы “законное”, исторически и культурно обусловленное присутствие на ней. Территориальное членение политического пространства возможно в силу анизотропии последнего. При этом территории как отдельные сегменты политического пространства характеризуются особыми режимами, вводящими и поддерживающими зоны монопольного контроля отдельных субъектов политики. Иными словами, в политике принцип территориальности предусматривает ограничение суверенной свободы пространственного перемещения и всякой деятельности, всякого общения на подконтрольной ему территории.

Свободное пространство земной поверхности было лишь первым из тех, что удалось сегментировать, вычленив из него особые территории монопольного государственного контроля (тем самым присваивая им статус несвободных). Иным ярким примером сегодня являются контролируемые основными отраслевыми супермонополиями интернет-(прото)пространства. Их переход к полноценной пространственности блокируется, что обусловлено ультрамонополизацией и выражается в политике “территориального” размежевания и раздела монополизированного рынка между немногочисленными игроками. Так что теперь, вслед за сегментацией и постановкой под контроль свободного пространства земной поверхности, с высокой вероятностью такой сегментации будут подвергнуты и эти, а также многие иные сферы социальных взаимодействий, представлявшие до того свободными, лишены жесткого контроля и институциональных ограничений.

Лилия Варисовна Сагитова представила доклад “Дискурс архаизации в контексте процессов социальной трансформации: от цивилизационной парадигмы – к теориям среднего уровня”. Концепт архаизации в научном дискурсе отечественного обществознания получил новый импульс к осмыслению и развитию в контексте трансформации российского общества в переломных событиях XX и XXI вв. Его актуализация связана со сложностью и противоречивостью процессов социально-политических и экономических изменений в социуме, характеризующемся подвижной структурой общественных отношений и множественностью социокультурных идентичностей, имеющих своим основанием как исторически сложившиеся ценностные и поведенческие комплексы, так и поликультурность государства.

Сложность и противоречивость переломных процессов в исторической перспективе обусловили множественность подходов и оптик к изучению этого феномена представителями различных направлений социальных наук. Смысловое наполнение понятия “архаизация”, так же как и интерпретация его содержания и функций в контексте протекания эпох преמודерна, модерна, постмодерна и новой цифровой реальности, остаются предметом научных дискуссий среди представителей социогуманитарного знания. Изначальное доминирование философской, культурологической и этнографической оптики в разработке понятия “архаизация” имеет следствием утвердившиеся в методологии базовые концепты “социально-культурной матрицы” и “социально-культурной системы”. В теоретических и эмпирических разработках исследователей названные концепты могут выступать: а) в качестве основания противодействия модернизации, в силу неприятия ее носителем инновационности как социальной ценности; б) в качестве адаптационной социально-психологической реакции

на общественную трансформацию и механизма выживания; в) основанием стабильности социума; г) признаком упрощения организации общества, снижения уровня сложности его основных структур и оживления первичных (архаичных) типов социальности; д) в качестве структурных компонентов тоталитарной политической системы. Соответственно, оценка социальной значимости архаизации может иметь противоположные значения: от отрицательной до положительной.

Значимость социально-политологического вектора в исследовании “архаизации” диктуется сопутствующим ей расколом, разделенностью общества, что, в свою очередь, связано с идентитарными процессами на всех уровнях его социальной структуры, в публичной политике и в повседневной жизни человека. Концепт разделенных обществ, используемый в качестве инструмента анализа актуализации “архаичного”, дает возможность сместить исследовательский фокус с макротeorии к теориям среднего уровня, позволяющим выявить социальные детерминанты общественных размежеваний, их политические проекции и их влияние на режимы взаимодействий социальных акторов. Наблюдаемые в современности социальные размежевания имеют идентитарный “след” и сопряжены с разными “кластерами” идентичностей (социокультурным, политическим, национальным и этнополитическим, международно-политическим, пространственным и территориальным, социально-стратификационным и социально-ролевым) [4]. Анализ дискурса архаизации позволяет констатировать, что приведенные выше “кластеры” идентичностей проявляют себя в условиях социальной трансформации, однако идентификационные процессы в динамике диверсификации социальных размежеваний оставляют исследовательское поле открытым для изучения.

Архаизация тесно связана с идентитарными процессами на уровне личности, группы и общества, поскольку именно социокультурная система формирует идентичность личности, социальных групп и общества в целом. Изложенная выше ревизия использования концепта архаизации в социальных науках показала его неоднозначность, противоречивость и, пожалуй, самое важное для социальных исследований – сложность его применения для анализа идентификационных процессов, мотивации и поведения человека, социальных групп в условиях общественной трансформации. Обобщающие концепты и категории цивилизационного подхода имеют ограниченный потенциал для выявления многофакторной конъюнктуры социальных процессов, охватывающих мезо- и микроуровни общественного развития. Представляется, что в смещении от широких историко-цивилизационных категорий к конкретным, помогающим выявить инструментарий и механизмы формирования идентичностей, может помочь междисциплинарный подход с использованием методологии и методов политологии, социологии и психологии.

Илья Станиславович Башмаков в докладе “Неотрадиционализм как новый концепт политической науки” обратился к анализу концепта и научного дискурса неотрадиционализма. Термин “неотрадиционализм” начал использоваться в западной науке в 60–80-х годах XX в. для обозначения феномена возрождающихся в современном мире доиндустриальных традиций, а также их сохранения вопреки модернизационным процессам. Э. Хобсбаум и Т. Рейнджер в 1983 г. предложили концепцию “изобретенных традиций”, исходящую из понимания того, что многие традиции, кажущиеся старыми, часто оказываются недавнего происхождения и нередко – изобретенными [5].

В отечественных исследованиях интерес к термину “неотрадиционализм” возникает в начале 2000-х годов, прежде всего в рамках антропологии. Можно отметить работы Ламажаа Ч.К., Бочарова В.В., Попова В.А., Попкова Ю.В., Тюгашевой Е.А., Мадюковой С.А., посвященные неотрадиционализму как явлению современной этнической культуры. В рамках этнокультурного подхода неотрадиционализм описывается как духовно-практическое движение, актуализирующее потенциал традиционной культуры этноса на всех ее уровнях – от культурного ландшафта и хозяйственно-бытовой культуры до политико-правовой и духовной культуры [6, с. 17]. В работах российских антропологов подчеркивается, что неотрадиционализм – это сочетание инноваций и традиций, своеобразная реакция на кардинальные изменения модернизирующегося и глобализирующегося мира. Особенностью неотрадиционализма является его ориентация не только на прошлое, что

характерно также для явлений архаизации и традиционализма, но и на цели будущего развития.

Неотрадиционализм, таким образом, отличается от традиционализма, для него характерны большие рефлексивность и рациональность, отсутствие стремления к консервации и абсолютизации традиций, восприимчивость к инновациям, большая инклюзивность и открытость, вытеснение сакрального содержания традиций рациональным объяснением необходимости их выполнения [6, с. 108-113]. При всех достижениях антропологической школы очевидно, что феномен неотрадиционализма не ограничивается лишь воспроизводством и модернизацией этнических традиций в современном обществе, данное явление необходимо рассматривать в более широком междисциплинарном контексте, в том числе и в рамках политической науки.

Понятие политического неотрадиционализма описывает комплекс явлений, связанных с использованием, переосмыслением и обновлением традиции в современной политической практике. В результате развития политического неотрадиционализма привычные для данной политической культуры практики и институты занимают свое место и реализуются в новом политическом контексте. Политический неотрадиционализм может использоваться для решения разных задач – от сознательного и целенаправленного использования в политических процессах инструментов “изобретенных традиций” в целях легитимации власти и социальной консолидации до мобилизации общественной активности в целях социально-экономического развития. Дискуссионным остается вопрос о факторах, способствующих возникновению неотрадиционализма. Возможно, неотрадиционализм является не только реакцией на недостатки модернизации. Мотивацией при выборе таких установок может быть и стремление преобразовать традиционализм и использовать его в целях поступательного развития. Прояснения требует и вопрос о перспективах проявления стихийного неотрадиционализма “снизу” либо его применения в более рациональных стратегиях гражданского общества с целью обретения новой коллективной “неотрадиционалистской” идентичности на основе прошлых, в том числе политических традиций. Термин требует дальнейшего уточнения и теоретической концептуализации в рамках политической науки.

Любовь Александровна Фадеева в докладе “Трансформация объектов секьюритизации идентичности в научном и политическом дискурсе” остановилась на понятиях “идентичность”, “ценности”, “защита” – тесно связанных между собой и взаимозависимых элементах научного дискурса в разных исследовательских полях [7]. Если трактовать безопасность как дискурсивную практику в логике теории секьюритизации, предложенной учеными Копенгагенской школы, формирование и поддержание ориентиров коллективной идентичности предстают в качестве одной из важнейших целей политики. Концептуализация понятия идентичности вовлекла в этот научный дискурс широкий круг исследователей.

Для классической концепции секьюритизации политический дискурс создает маркеры путем заявлений об угрозе по отношению к идентичности (системе ценностей, традиций) со стороны “значимого другого/чужого” и соответственно требований применить меры для устранения этой угрозы. Конструктивисты, в свою очередь, выдвигают аргумент о том, что государства соблюдают нормы путем интернализации их в своей идентичности. Научный дискурс традиционно был сосредоточен на проблеме секьюритизации идентичности: именно идентичность (национальная, этническая, гендерная и пр.) нуждалась в защите. Интерпретация онтологической безопасности трактуется в научном дискурсе как отражение связи потребностей индивидов и сообществ в поддержании “связного повествования о самости” [8]: понятие онтологической безопасности связывает ценности, безопасность и стабильность, включает убежденность в особом предназначении своей страны, определяет миссию сообщества, присущие ему характеристики и ценности. В фокусе внимания исследователей оказывается проблема того, как “внутренние” субъекты осознают свою “внешнюю” идентичность и, наоборот, каким образом “внешние” субъекты осознают внутреннюю политику идентичности [9]. Теория международных отношений расширяет представление о политике идентичности как определенном наборе

идей о политическом сообществе, которые политики используют для мобилизации чувства сплоченности и солидарности, чтобы легитимировать общую направленность внешней политики [10]. Таким образом, секьюритизация политики идентичности понимается как определение политики идентичности в качестве объекта, которому угрожают прежде всего политические акторы, внешние и внутренние, и фактически легитимирует выстраивание внешнеполитического курса, обоснование притязаний на изменение роли в мировой политике, которое происходит за счет обращения к идентичности.

По мнению Л.А. Фадеевой, секьюритизация политики идентичности как аналитическая категория позволяет использовать понятия и подходы, наработанные в различных областях политической науки. Если во второй половине XX в. объектом секьюритизации выступали идентичности различных групп, то в современном дискурсе – научном и политическом – таковой является политика идентичности на разных ее уровнях. Так, политика идентичности для защиты меньшинств во внутривнутриполитическом контексте приобрела значимость еще и вследствие признания их статуса на международном уровне, что можно считать примером “переливания” и переформатирования смыслов в процессе политизации научных дискурсов [11]. Секьюритизация такого варианта политики идентичности проявляется в переносе внутривнутриполитического дискурса по защите прав меньшинств на международный уровень и отнесении к противникам демократии и радикалам всех несогласных с политикой “коллективного Запада”. На этом фоне происходит перевод ее в разряд категорий безопасности теми государствами, которые считают необходимым защищать свою идентичность и государственную политику идентичности. Так, Россия сочла необходимым и правомерным взять на себя миссию защитника традиционных ценностей. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации международная обстановка охарактеризована через попытки “целенаправленного размывания традиционных ценностей, искажения мировой истории, пересмотра взглядов на роль и место России в ней”¹ со стороны западных стран. Идеи и аргументы в защиту государственной политики идентичности из научного дискурса перенесены в публичный политический дискурс на уровне как документов, так и символических практик.

Выступившая с докладом «“Черное зеркало” политики идентичности» **Елена Васильевна Морозова** обратила внимание присутствующих на эвристическую роль метафоры в языке политической науки. Нередко являясь начальной стадией теоретизации новых процессов и явлений, метафора оставляет простор для множественной интерпретации, для “достраивания” смыслов, вводит в язык науки новые понятия, высвечивает еще неясно проявленные и не описанные в научных терминах реалии. “Черное зеркало”, являющееся метафорой небытия, используется автором для обобщенного обозначения практик политики идентичности, смыслом которых является обесценивание или уничтожение идентичности.

Автор определила дискредитацию идентичности как процесс обесценивания, принижения личной или коллективной идентичности, проводимый сознательно и направленный на уничтожение базовой системы ценностей, идентификационной матрицы. Были приведены примеры кампаний дискредитации идентичностей из истории как нашей страны, так и стран зарубежья. Современную “культуру отмены” также можно рассматривать как одну из форм дискредитации идентичности.

Были выделены факторы, которые могут актуализировать процесс дискредитации идентичностей как обособленно, так и в комплексе: геополитические и экономические (например, выгодное положение страны или общества, которая подвергается негативному воздействию, на перекрестке коммуникаций, обладание значительным запасом ресурсов), исторические (приоритет в освоении территорий, победы в войнах), влияние коммуникационной среды (охват населения информационными ресурсами и степень агрессивности информационного поля). В ряду технологий дискредитации идентичностей

¹ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 “О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации”. Президент России. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (accessed 06.12.2023).

– стереотипизация, клеймение, анонимизация, дегуманизация, отмена табу. Нередко на дискредитацию работают современные технологии, используемые, к примеру, в компьютерных играх.

В отличие от дискредитации, девальвация идентичности связана с действиями непосредственных носителей идентичности, их публичным отказом от ценностей, разделяемых группой или общностью. Примером девальвации религиозной идентичности может служить кампания “раскрещивания”, получившая распространение в странах Запада. Одним из крайних результатов девальвации идентичности может стать автонегация, или “самоненависть”, то есть формирование отрицательного самопонимания, в основе которого лежит недовольство собой из-за несоответствия собственных свойств, целей, ценностей и интересов тем культурным образцам, которые маркируются позитивно.

Важно иметь в виду тот ущерб, который наносят негативные формы политики идентичности на личном и общественном уровне. Противостоять “черным зеркалам” можно с помощью формирования на всех этапах социализации критического и рефлексивного мышления, навыков распознавания манипуляций и фейков. Принципиально важно противопоставлять лжи и клевете правду, преодолевать комплекс жертвы и стигматизацию отдельных социальных общностей на основе укорененных в массовом сознании стереотипов, сохранять в политике понимание невозможности развития без этических ориентиров и моральных норм.

Татьяна Игоревна Попадьева в докладе «“Балканизация” научного дискурса: от метафоры до конфликта идентичностей» также сфокусировалась на роли метафор в лексиконе политической науки. Сегодня политическая метафора “балканизации” активно используется не только в общественно-политическом дискурсе, где она давно “прижилась”, но и в научном поле. Хотя изначально “балканизация” описывала фрагментацию политического сообщества, находящегося в ситуации конфликта, сегодня она подразумевает любой распад целого на части. Так, с помощью “балканизации” описываются изменения в правовой системе, миграционные потоки, аспекты медицинской практики и системы образования, а также разделение глобальной сети интернет на множество локальных сетей.

В русском языке существуют и другие понятия, образованные по принципу эпонимической номинации: американизация, бразилизация, финляндизация, украинизация, европеизация, ирландизация и другие. Интересно, что некоторые из этих слов могут использоваться с нейтральным значением для обозначения распространения влияния и образа жизни конкретной страны или территории, тогда как другие слова имеют сугубо пейоративную окраску и указывают на негативные аспекты состояния общества. Например, при использовании термина “бразилизация” речь идет уже не о Бразилии, этот термин призван характеризовать глубокое социально-экономическое расслоение общества и сопровождающую его конфликтность.

В течение прошлого века термин “балканизация” использовался журналистами и экспертами-аналитиками для описания негативных последствий изменений политического порядка, связанных с углублением социальных размежеваний и этнополитической конфликтностью. При этом он прочно ассоциировался с негативным образом Балкан, особенно после распада Югославии и углубления этнических конфликтов в регионе. Сегодня процессы на Балканском полуострове используются для дискредитации идентичности балканских народов, что приводит к стереотипизации и дегуманизации коллективной балканской идентичности.

Дискриминационный дискурс “балканизации” применительно к этому региону наблюдается и в культуре, особенно в кинематографе: некоторые фильмы, посвященные распаду Югославии, демонизируют одну из сторон конфликта (“Добро пожаловать в Сараево” (США, 1997), “В краю крови и меда” (США, 2011), европейские фильмы “Ничья земля” (2001), “Куда ты идешь, Аида?” (2020), турецкий фильм “Раны моей матери” (2016), российский фильм “Балканский рубеж” (2019)). Апеллируя к культуре, “балканизация” оправдывает любое вмешательство, включая вооруженное, когда третьи страны пытаются

изменить границы того или иного региона в соответствии со своими национальными интересами.

В современной политической науке “балканизация” рассматривается как конфликт, который приводит к краху национальных государств и формированию новых политических единиц на этнической, культурной или религиозной основе, которые являются враждебными друг другу. Внутри этих стран, в условиях внутренней нестабильности, возникают конфликты идентичности, которые могут привести к дальнейшему распаду. Таким образом, современный политический дискурс трактует “балканизацию” как угрозу государственной целостности. На этой основе выстраивается политика идентичности в отношении определенных этнических, религиозных или культурных групп внутри государства, продвигаются жесткие методы борьбы с влиянием внешних “других”.

Использование метафоры “балканизации” в научных текстах ведет к политизации исследовательского инструментария, когда эмоционально окрашенный термин, неоднозначный и наделенный негативными смыслами, способствует не приращению нового объективного знания, а его “балканизации”.

Татьяна Игоревна Хайнацкая посвятила свой доклад “Влияние эколого-политических дискурсов на формирование экологической идентичности” роли дискурсов и метафор, связанных с проблемами экологии, в формировании научной и политической картин мира. Категория экологической идентичности сегодня широко используется в научных и экспертных дискуссиях для обозначения связи человека с природной средой. При этом в научном сообществе нет консенсуса относительно определений, единиц анализа и ее форм, поскольку экологическая идентичность (как и любая идентичность) не статична и имеет множество проявлений, что связано с ее сложной взаимосвязью с другими идентичностями, а также с культурно-историческими нарративами. Она непрерывно трансформируется под влиянием политических, культурных и социально-экономических факторов.

Существенное воздействие на восприятие и понимание человеком мира природы оказывают эколого-политические дискурсы. Они способствуют формированию запроса на прогрессивную экологическую политику, помогают определить наиболее важные экологические проблемы, сформулировать и выявить пути их решения, закрепляют роли субъектов в системе “природа–общество” и формируют морально-этические ориентиры. Эколого-политические дискуссии служат также средством распространения информации о состоянии окружающей среды и политико-управленческих решениях, которые продвигаются ее субъектами. В соединении с индивидуальным опытом и мировоззрением человека дискурсы могут восприниматься и интерпретироваться по-разному. Это явление обуславливает существующие различия в проявлениях экологической идентичности.

В настоящее время в политическом поле представлен спектр эколого-политических дискуссий, которые можно классифицировать с учетом их ключевых, наиболее ярко проявленных особенностей, например, на основании целевых установок, идеологических позиций или характера вовлеченности тех или иных субъектов. Так, в соответствии с приоритетами дискурсы подразделяются на экоцентричные (глубинная экология и антирост, изменение климата) и антропоцентричные (“зеленый” рост и переход, экапитализм, экологическая и климатическая справедливость, эконационализм, экопатриотизм, устойчивое развитие). Различаются западные и незападные дискурсы. Среди западных – экапитализм, “зеленый” рост и переход, изменение климата, устойчивое развитие, антирост, ответственное потребление. Незападные представлены “зеленым” империализмом, эконационализмом и экопатриотизмом.

Идеологические предпочтения являются основанием для выделения глобалистских дискурсов, сосредоточенных на изменении климата, устойчивом развитии, “зеленом” росте и переходе, антиглобалистских (“зеленый” империализм, экопатриотизм, эконационализм, антирост) и “гибридных” (экологическая и климатическая справедливость, ответственное потребление и др.).

Классификация дискурсов по генерирующим их субъектам представляется наиболее обширной и сложной. Так, национальные государства, ряд влиятельных публичных политиков, экспертов и корпоративный бизнес активно продвигают борьбу с изменением климата, устойчивое развитие, “зеленый” рост. Некоммерческие организации и движения также поддерживают эти идеи, однако их направленность более экоцентрична, ввиду чего они выступают с позиций эконационализма, экопатриотизма, ответственного потребления, “глубинной экологии”, экологической справедливости и др.

Восприятие окружающего мира меняется под влиянием взглядов на приоритетность экологических проблем и пути их решения, они стали неотъемлемой частью политической повестки. В условиях политизации экологической идентичности это может привести к конфликтам с носителями противоположных убеждений и к поляризации общества. Соответствующие эколого-политические ориентации поддерживают и укрепляют сознание личной ответственности, побуждая к определенным паттернам поведения и активизма, в том числе проэкологического. Процесс формирования экоидентичности неразрывно связан с более широким социально-политическим контекстом, в котором дискурсы формируют особую систему взглядов, убеждений и принципов.

Оганес Лаврентьевич Саркисян в докладе “Карабахский фактор в контексте процесса нациестроительства в Армении” обратился к специфике и динамике государственного и нациестроительства в Республике Армения начиная с февраля 1988 г., когда началось движение за присоединение Нагорно-Карабахской автономной области (НКАО) к Армянской ССР. Последующее расширение повестки общенародного движения (кроме присоединения Карабаха требовали демократизации общественной жизни, а в дальнейшем – независимости) шло параллельно распаду СССР, а нагорно-карабахское противостояние постепенно превращалось в армяно-азербайджанский вооруженный конфликт, активная фаза которого продлилась до мая 1994 г. и завершилась победой Армении. В этом контексте неслучайным было формирование нарратива о том, что независимость и суверенитет Армении неотделимы от независимого армянского Карабаха, а потеря последнего означает потерю первого.

После перемирия 1994 г. карабахский фактор в Армении оставался определяющим в процессах государственного и национального строительства, этот же фактор был главным в развитии Азербайджана. По сути, именно “карабахский конфликт формировал коллективное мировоззрение в двух новых нациях-государствах” [12, с. 356]. Фактически поражение в первой карабахской войне и потеря контроля над НКАО и прилегающими семью районами заставили Азербайджан развернуть системную политику интенсивного нациестроительства, в котором армянофобия и сакрализация территории Карабаха были основными факторами, позволявшими мобилизовать и интегрировать в рамках концепта “азербайджанства” разношерстное в этническом и конфессиональном смысле население в единую политическую нацию.

В 2021 г. в рамках реализации научного проекта по развитию гражданской идентичности на постсоветском пространстве были проведены глубинные экспертные интервью, в том числе касательно того, как карабахский фактор в целом и две карабахские войны в частности воздействовали на трансформацию идентичности в Армении. [13, с. 14] Все опрошенные эксперты однозначно подчеркивали огромное значение данного фактора вплоть до слияния в общественном сознании проблемы суверенитета Армении и существования независимого Карабаха: победа в первой войне позволила преодолеть модель нации-жертвы, пережившей геноцид. Карабахский фактор оказывал определяющее воздействие и на формирование политических элит. Но в то же время победа в войне, которая могла бы стать основой эффективной политики государственного и нациестроительства, привела к самоуспокоению и “самоуспоенности” элит, которые дискредитировали идею победы, “эксплуатируя” ее и легитимизируя все наличные проблемы карабахской проблемой. На второй план отошли приоритеты развития политических институтов и гражданского общества, гражданской социализации, утвердилось потребительское отношение к армянской диаспоре как донору и др.

Проведенные недавно социологические исследования еще раз подтвердили, что и на данный момент карабахский фактор воспринимается как определяющий для новейшего периода развития армянства. Так, наибольшее число респондентов (27.9%) на вопрос: “Кого из нашей истории Вы считаете самыми великими героями?” назвали “героя первой карабахской войны Монте Мелконяна” (и это при наличии многотысячелетней истории со славными героями), большинство (28.6%) при ответе на вопрос: “Что Вы считаете самой большой исторической победой в армянской истории?” выбрали “освобождение Карабаха в 1992–1994 гг.”; подавляющее большинство (74.4%) “самым большим историческим поражением в армянской истории” назвали “44-дневную войну 2020 г.” [14, сс. 43-51]

По мнению О.Л. Саркисяна, окончательная потеря Карабаха воспринимается в армянском обществе как потеря суверенитета и начало распада государства. В этом контексте очевидной становится основная причина глубокого кризиса идентичности в Армении после поражения во второй карабахской войне осенью 2020 г., углубившегося в конце сентября 2023 г. массовым исходом армянского населения из Карабаха. По сути мы имеем дело с началом построения новой модели армянской государственности с новыми нарративами.

Анна Петровна Романова подготовила свой доклад “Политика идентичности на постсоветском прикаспийском пространстве (по результатам социологических исследований)” по итогам второго года работы над проектом Российского научного фонда № 22-18-00301 “Процесс конструирования новых идентичностей в Каспийском макрорегионе в контексте социетальной безопасности” (о промежуточных результатах проекта см.: [15]). Исследование посвящено изучению политики конструирования новых национальных идентичностей в трех странах каспийского региона, возникших после распада СССР – Республике Казахстан, Туркменистане и Азербайджанской Республике. В основу анализа были положены проведенные в 2022–2023 гг. количественные и качественные социологические исследования в представленных странах, в том числе с выездом в Казахстан и Азербайджан. Командой исследователей были проанализированы результаты ключевых идентитарных стратегий: политики памяти, языковой и символической политик. Результаты исследования показали, что во всех трех странах основной точкой отсчета идентитарного процесса и ключевым политически значимым событием стало официальное объявление независимости. Наиболее значимой для граждан этих стран считают идентификацию себя как гражданина своей страны, второй по значимости на данный момент оказалась все еще идентификация себя как советского человека. Этнический, религиозный и политический факторы оказались гораздо менее значимыми. Политика памяти во всех трех странах развивается по аналогичным векторам – “удревнение” национальной истории, “колониальные исследования” и вектор “светлого будущего”. Однако влияние того или иного вектора политики памяти на граждан, прежде всего молодежь, в каждой стране имеет свои особенности. Так, “колониальные исследования” в Республике Казахстан и Азербайджанской Республике более осязаемо отражают прочтение прошлого как исторической травмы, в то время как в Туркменистане доминирует политика “светлого настоящего и будущего”. С древней историей лучше всего знакомы респонденты из Казахстана. Русский язык продолжает оставаться важным для респондентов из Туркменистана и Казахстана, однако быстро теряет актуальность для представителей Азербайджанской Республики и заменяется более практически значимыми для ее населения английским и турецким. При этом среди внешних векторов влияния на формирование идентичности в Казахстане и Туркменистане Россия по-прежнему занимает сегодня ведущее место. Однако в Азербайджане она теряет позиции, уступая другим соседям – Турции и Казахстану. Таким образом, выявлена национальная специфика политики идентичности в каждой из исследуемых стран.

Особое место в исследовании занял вопрос о перспективах построения общей каспийской идентичности, ее возможностях и ограничениях. На данный момент респонденты считают, что их объединяет общий водоем – Каспийское море – и общее советское прошлое. Остальные элементы – язык, культура, менталитет, бытовые привычки и традиции (кухня и др.) и даже приверженность исламу – не рассматриваются как важные интегрирующие факторы. Фактор общего советского прошлого может скоро потерять значение объединяющего: он работает в основном на возрастной контингент и размывается

по мере ухода советского поколения из активной социальной жизни, плавно перетекая в коллективную “имперскую” травму, для которой время может работать исключительно на усиление, поскольку не остается очевидцев советского времени. Для активизации интеграционных процессов должна возникнуть внешняя побуждающая ситуация.

Доклад “Государственная политика идентичности в России: дискурс власти и реакция граждан” **Софьи Константиновны Калашниковой** и **Марии Ярославовны Погодиной** был подготовлен при финансовой поддержке ЭИСИ в рамках научно-исследовательского проекта “Государственная политика идентичности в условиях новых геополитических вызовов”, выполненного в ИНИОН РАН.

Политические лидеры определяют курс и доминирующие символы политики идентичности как в рамках институциональной деятельности (например, инициирование и утверждение документов), так и в ходе публичных выступлений, обращений и интервью. В рамках традиционной персонализации политической сферы, характерной для политического сознания россиян, носителем и рупором идей для обычных горожан становятся политические лидеры.

На первом этапе исследования политического дискурса были выявлены типичные фрагменты дискурса, формирующие представления о политической идентичности россиян в 2013 и 2023 гг. (144 материала интернет-портала “РИА Новости”). Основным методом исследования стало тематическое моделирование с использованием Латентного размещения Дирихле (метод машинного обучения). Для отбора статей, отражающих дискурс власти, был использован поисковый запрос “идентичность + фамилия государственного деятеля”.

В 2013 г. дискуссия вокруг концепции национально-гражданской идентичности велась, в частности, в рамках дискуссионного клуба “Валдай”. Одной из основных тем стал “поиск новой российской идентичности”. Словосочетания “новая идентичность”, “новая российская идентичность” были выделены как ключевые в нескольких десятках статей. С одной стороны, подчеркивалась острая необходимость развития национальной идеи: “Россия нуждается в решении фундаментальных вопросов, которые смогут объединить большинство россиян”. С другой, акцентировалось внимание на отказе от копирования “чужой”, чаще всего западной, идентичности: “В народе явно растет спрос на отличающуюся от Запада европейскую идентичность”. В смысловых составляющих российской идентичности можно выделить следующие ценности. Во-первых, это предложенные российским президентом В.В. Путиным три основные базиса, на которых должна строиться российская идентичность: суверенитет, самостоятельность и целостность. Основой национальной идентичности должна стать российская история, а гражданской идентичности – ценности “патриотического сознания, гражданской ответственности и солидарности, уважения к закону и сопричастности к судьбе Родины”. Помимо этого, подчеркивается важность культуры, искусства, различных творческих проектов для укрепления “исторической, культурной идентичности”.

Анализ публикаций за 2023 г. показывает иную картину использования концепции идентичности. Четко выделяется тема украинской идентичности как построенной на ценностях нацизма. Отдельно представлена тема дружественных стран и союзов, основанных на общих традиционных ценностях (для африканских стран) или общности народа (для Белоруссии). По аналогии с 2013 г. подчеркивается антагонистичность ценностей россиян западным образцам. В этом контексте важное значение приобретает отдельно выявленная тема защиты российской идентичности и ее компонентов (истории России, традиционных ценностей). Для жителей РФ подчеркивается важность помощи, взаимовыручки, единения “в непростые времена”; для государственных деятелей – необходимость проведения мероприятий по укреплению гражданской идентичности [16].

Технологии тематического моделирования применялись и для анализа социальных сетей с целью оценки реакций пользователей на новостные посты, связанные с политикой идентичности. В качестве источника данных были выбраны три сообщества “ВКонтакте”: РБК, ТАСС и РИА Новости. Был составлен список ключевых словосочетаний

для поиска публикаций, релевантных теме исследования, по проводимой государством образовательной политике, политике памяти, конструированию образа России и др. С помощью авторской компьютерной программы, созданной на языке *Python*, были извлечены и отфильтрованы комментарии пользователей под отобранными постами (4 522 комментария в период с марта по сентябрь 2023 г.).

Практически во всех темах можно отметить полярность мнений граждан по большинству вопросов, например, в рамках обсуждения новых школьных учебников. Некоторые темы характеризуются схожей реакцией у пользователей. Изображение Крымского моста на обложке новых учебников получило широкую поддержку в комментариях: оно ассоциируется у пользователей с наличием широкого круга возможностей у России и успешной реализацией этих возможностей. Примером консолидации мнений пользователей стала и тематика памятников. Большая часть постов с ключевым словом “памятник” относится к новостям о сносе советских памятников в странах Европы – пользователи объединяются в критике властей этих стран, обвиняют их жителей во враждебном отношении к российскому народу, его истории и памяти. Продолжая тему памяти, актуализируется проблема русской культуры и ее “отмены”. Подчеркивая значимость России в мировом порядке, подписчики часто используют аргумент “спасения” Советским Союзом Европы во Второй мировой войне; власти Украины и европейских стран обвиняются в “забывчивости”, об этом говорится с грустью и обидой. С другой стороны, пользователи приходят к выводу о том, насколько важно сохранять память о прошлом самим россиянам. Такой же нарратив прослеживается и в комментариях, посвященных Дню Победы.

Еще одна тема, где мнения пользователей сильно расходятся, – это школьные занятия “Разговоры о важном”. Почти все посты из этой группы посвящены встречам В.В. Путина со школьниками. У части пользователей чувствуется некоторая усталость от навязывания традиционных ценностей как устаревшей концепции. Есть четкий запрос на конкретные действия: “Носится с этими традиционными ценностями, как будто все остальные проблемы решены”; “...голодные, но с традиционными ценностями”. Несмотря на критику, значительная часть аудитории одобряет риторику президента: “Разговоры о важном” описываются как полезный проект для воспитания детей и молодежи [17].

В своем выступлении на тему “Колониальный дискурс и споры об империях прошлого и настоящего на постсоветском пространстве” и в ответах на вопросы **Ирина Львовна Прохоренко** остановилась на проблемах типологизации империй (и колоний) прошлого и настоящего в попытке осмыслить колониальный дискурс на пространстве Большой Евразии. Явное стремление распространить научные и общественно-политические дискурсы и нарративы постколониализма и неоколониализма на постсоветское и даже постсоциалистическое пространство можно считать одной из новейших дискурсивных практик в русле информационного противостояния и гибридной войны, что невозможно было представить себе два-три десятилетия назад.

С одной стороны, речь идет о том, чтобы уравнивать Советский Союз с европейскими державами, имевшими заморские колонии, а фактически – отождествить деколонизацию “Третьего мира” и десоветизацию “Второго”, хотя очевидно, что уникальный опыт территориального расширения и культурного обмена в Российской империи, а также идеологический фундамент модели управления, национальной политики и межбюджетных отношений в СССР не позволяют говорить о советских республиках как “угнетаемых колониях”.

С другой стороны, колониальный дискурс не направлен исключительно против России. Он стал инструментом дискурсивной силы в мировой политике и средством публичной дипломатии и внешнеполитической пропаганды в борьбе за региональный порядок в бывшем “Втором мире” и, в частности, на высококонкурентном постсоветском пространстве, где в ряду внерегиональных игроков присутствуют не только бывшие (прежде всего, Турция с ее амбициями неоосманства), но и так называемые новые империи

(Соединенные Штаты, Китай, Европейский союз).

Безусловно, свое значение имеют трудности и в целом незавершенность процессов демократического транзита, государственного и нациестроительства в ряде постсоветских (и постсоциалистических) стран, “замороженные” и “горячие” этнополитические и этнотерриториальные конфликты в Большой Евразии, а также политизация культуры и этничности и связанные с этим борьба, конфликты и кризисы различных идентичностей, традиционных и новых.

Для Российской Федерации политические риски неокOLONиального и постколониального дискурса очевидны и требуют продуманной, научно обоснованной реакции, которая должна лечь в основу отношений с бывшими советскими республиками на долгосрочную перспективу, двустороннего и многостороннего сотрудничества, развития интеграционных процессов в Большой Евразии с участием России.

Мария Александровна Шпак в докладе “Медиадискурс как фактор конструирования идентичностей в политическом пространстве Евросоюза” обратилась к опыту дискурсивных практик европартий в медиапространстве, с помощью которых в том числе формируется политическая (идейно-политическая) идентичность граждан ЕС.

Развитие технологий трансформирует пространство политической коммуникации. Медиазация политики превращает СМИ не только в основной источник информации, но и в пространство социализации и политического участия граждан, формируя их идентичность.

Политическое пространство Европейского союза можно рассматривать как арену транснациональной многоуровневой политической коммуникации. В его медийном измерении формируются дискурсы и нарративы, субъектами которых становятся представители институтов Европейского союза, национальных и партийных элит, лидеры мнений. Научная проблема исследования данного феномена заключается в том, чтобы оценить потенциал их влияния на конструирование и трансформацию идентичностей граждан государств-членов.

Политическая идентичность индивида утверждается через соотнесение с референтным коллективным участником политического процесса. Возможности для этого предоставляет современная информационная среда, в частности, новые медиа. Механизмы обратной связи с политическими акторами и возможность членства в онлайн-сообществах (которые становятся для индивидов референтной группой) обеспечивают им деятельную вовлеченность в политико-коммуникативное взаимодействие. Цифровые интерактивные форматы коммуникации сокращают дистанцию между политиками и гражданами, превращая последних из потребителей информации в ее авторов и ретрансляторов.

С одной стороны, дискурсы политических субъектов в медиапространстве влияют на формирование и закрепление национальной, субнациональной, партийно-политической идентичностей. Они конструируются “сверху” представителями институтов, партиями и движениями. С другой стороны, новые медиа создают механизмы конструирования политической идентичности и вовлечения в различные дискурсы “снизу”, от граждан к политическим субъектам. Становится возможной политическая социализация индивидов в онлайн-формате, самоидентификация через сетевые сообщества как пространства общих политических ценностей и ориентиров.

Потенциал влияния на конструирование идентичностей через дискурсивные практики можно рассмотреть на примере европейских политических партий. Новые медиа позволяют в режиме реального времени информировать многотысячное сообщество подписчиков о деятельности партии и получать от них обратную связь.

Европейские партии присутствуют на всех наиболее популярных цифровых платформах и в соцсетях. Сравнительный анализ аудитории их аккаунтов позволяет сделать

ряд выводов. Во-первых, платформы микроблогов, где основным средством коммуникации выступает текст, более популярны у европейцев, чем аудиовизуальные ресурсы. Во-вторых, для индивидов членство в онлайн-сообществах – один из неформальных способов идентифицировать себя с группой и ее ценностями. При этом принадлежность к сообществу важнее, чем участие в его деятельности: число подписчиков многократно превышает число реакций на публикуемые сообщения.

Активность в социальных медиа позволяет партиям напрямую взаимодействовать с аудиторией, рекрутировать новых сторонников, формировать собственные дискурсы. При этом партии не зависят от эфирного времени, сроков электоральных кампаний или границ государств. Цифровое медиапространство создает условия для фактически непрерывной трансграничной политической агитации, более последовательного и эффективного формирования идентичностей.

Идентичности в пространстве ЕС имеют комплексный многоуровневый характер. Они не формируются исключительно “снизу”, путем самоорганизации сообществ и конституирования их идентичностей, и не навязываются политическими лидерами и институтами. Идентичности конструируются как результат дискурсивных практик, постоянно изменяясь и трансформируясь. Оценить прямое влияние коммуникации в цифровом пространстве на политические процессы трудно (активность политических субъектов в социальных медиа не конвертируется непосредственно в электоральный успех). Но потенциал воздействия такой коммуникации на общественные настроения и ее роль в конструировании идентичностей невозможно отрицать.

Александр Константинович Камкин в своем выступлении “Трансформация политической идентичности у европейских правых: от статической к динамической идентичности?” сфокусировался на трансформации политической идентичности в странах Европы в последние два десятилетия. В условиях глубокого системного кризиса старых “народных партий” меняется традиционная для многих стран Европы партийная система: и правые, и левые по ряду ключевых вопросов политической повестки (социальная справедливость, экономический суверенитет, неприятие американского гегемонизма) выступают со схожих позиций. Все более популярными становятся партии нового типа, которые активно приспосабливаются к меняющимся предпочтениям избирателей либо активно эксплуатируют особо болезненные вопросы. Это свойственно не только популистам как левого, так и правого толка, но и традиционным партиям ультраправого спектра. Будучи ограниченными в сфере публичной политики (непредставленность в парламентах, сильное противодействие гражданского общества, СМИ и правоохранителей), они вынуждены “вести борьбу за улицу”, активно реагируя на любые изменения общественных настроений. Идентичность этих партий меняется наряду с их идеологией и программными составляющими – ее можно характеризовать как динамическую. Изначально термин “динамическая идентичность” использовался в сфере маркетинга: под “динамической корпоративной идентичностью” понимается система, в которой применяются новейшие технологии для создания гибкого логотипа, в результате чего логотип может постоянно менять цвет, рисунок или форму [18]. Аналогичным образом политические партии постепенно сами становятся поставщиками политических “услуг”, отходя от прежней роли защитниц интересов определенных широких социальных групп. Более того, многие партии пытаются создать свою политическую “экосистему”. Национал-демократическая партия Германии (НДПГ), с июня 2023 г. именуемая “Родина” (*Die Heimat*), позиционирует себя как мировоззренческое сообщество, которое использует инструменты политического маркетинга для создания не только определенных идеологических установок, но и культурных нарративов. Партия продвигает нарратив протогерманской культуры и религии, используя в том числе инструменты рынка идентичности [19, с. 406].

Этому процессу способствует также общий кризис идеологии классических европейских националистов. Прежние образы врага не работают (например, антисемитизм давно перестал быть основной темой мейнстримных европейских правых, их представители неоднократно выражали солидарность с Израилем, в то же время антиамериканизм и антиглобализм объединяют многих левых и правых). Старые

электоральные поля размываются, партиям приходится менять риторику и лозунги для привлечения новых членов.

Эти тенденции подтверждают тезис о растущей динамичности и “текучести” политической идентичности европейских правых, которые пытаются трансформироваться в партии нового типа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Fukuyama F. *Identity: The Demand for Dignity and the Politics of Resentment*. New York, Farrar, Straus and Giroux, 2018. 183 p.
2. Семенов И.С., отв. ред. *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание*. Москва, Весь мир, 2017. 992 с. [Semenenko I.S., ed. *Identity: The Individual, Society and Politics. An Encyclopedia*. Moscow, Ves Mir, 2017, 992 p. (In Russ.)]
3. Семенов И.С., отв. ред. *Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля*. Москва, Весь мир, 2023. 512 с. [Semenenko I.S., ed. *Identity: The Individual, Society, and Politics. New Outlines of the Research Field*. Moscow, Ves' Mir, 2023. 512 p. (In Russ.)]
4. Семенов И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Социальные размежевания и политические противостояния в научном дискурсе: критерии оценки и классификации. *Полис. Политические исследования*, 2021, № 5 сс. 56-77. [Semenenko I.S., Lapkin V.V., Pantin V.I. Social Cleavages and Political Divides in a Theoretical Perspective: Criteria for Assessment and Classification. *Polis. Political Studies*, 2021, no. 5, pp. 56-77. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.05>
5. Hobsbawm E., Ranger T., eds. *The Invention of Tradition*. Cambridge, Cambridge University Press, 1983. 320 p.
6. Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. *Этнокультурный неотрадиционализм и идентичность в современных социокультурных трансформациях: монография*. Новосибирск, Издательство НГТУ, 2020. 256 с. [Popkov Yu.V., Tyugashev E.A. *Ethnocultural Neotraditionalism and Identity in Contemporary Sociocultural Transformations: Monography*. Novosibirsk, NSTU Publisher, 2020. 256 p. (In Russ.)]
7. Фадеева Л.А. Секьюритизация политики идентичности как аналитический инструмент. *Вестник Пермского университета. Политология*, 2023, т. 17, № 2, сс. 101-111. [Fadeeva L.A. Identity Policy Securitization as an Analytical Toolkit. *Perm University Herald. Political Science*, 2023, vol. 17, no. 2, pp. 101-111. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2023-2-101-111>
8. Curanović A., Szymański P. Mission Saves Us All: Great Russia and Global Britain Dealing with Ontological Insecurity. *International Relations*, 01.12.2022. <https://doi.org/10.1177/00471178221140093>
9. Krolkowski A. State Personhood in Ontological Security Theories of International Relations and Chinese Nationalism: A Sceptical View. *The Chinese Journal of International Politics*, 2008, vol. 2, iss. 2, pp. 109-133. <https://doi.org/10.1093/cjip/pon003>
10. Aggestam L. Role Identity and the Europeanisation of Foreign Policy: A Political-Cultural Approach. Tonra B., Christiansen Th., eds. *Rethinking European Union Foreign Policy*. Manchester, Manchester University Press, 2004, pp. 81-98.
11. Семенов И.С. Традиция и инновация как концепты политической науки и ориентиры политики развития: диалектика совместности. *Полис. Политические исследования*, 2023, № 5, сс. 45-65. [Semenenko I.S. Tradition and Innovation in Politics and in Development Policies: Dialectics of Compatibility. *Polis. Political Studies*, 2023, no. 5, pp. 45-65. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.05.04>
12. De Waal Th. *Black Garden: Armenia and Azerbaijan Through Peace and War*. New York, London, New York University Press, 2003. 337 p.
13. Саркисян О.Л., Оганесян Т.А., Дунамалян Н.А., Карамян И.А. Гражданская идентичность в Армении (обзор глубинного экспертного интервью). *Вестник РАУ (серия: гуманитарные и общественные науки)*, 2021, № 2 (38), сс. 7-18. [Sarkisyan H.L., Oganesyanyan T.A., Dunamalyan N.A., Karamyan I.A. Civic Identity in Armenia (Overview of In-Depth Expert Survey). *Vestnik RAU (Humanities and Social Sciences Series)*, 2021, no. 2 (38), pp. 7-18. (In Russ.)] Available at: <https://science.rau.am/uploads/documents/1644775252.pdf> (accessed 04.12.2023). https://doi.org/10.48200/1829-0450_2021_2_7
14. Погосян Г.А. *Историческая память и национальная идентичность*. Ереван, Издательство РАУ, 2023. 134 с. [Pogosyan G.A. *Historic Memory and National Identity*. Yerevan, RAU Publ. House, 2023. 134 p. (In Russ.)]
15. Романова А., Морозова Е. Конструирование новых идентичностей в современном Казахстане: тенденции и ориентиры. *Мировая экономика и международные отношения*, 2023, т. 67, № 7, сс. 85-102. [Romanova A., Morozova E. Construction of New Identities in Modern Kazakhstan: Trends and Reference Points. *World Economy and International Relations*, 2023, vol. 67, no. 7, pp. 85-102. (In Russ.)] <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-7-85-102>
16. Калашникова С.К., Погодина М.Я. Концепция политической идентичности: сравнительный анализ дискурса российской власти в 2013 и 2023 годах. Гаман-Голутвина О.В., Мчедлова М.М., Тимофеева Л.Н., ред. *Политическая наука в меняющемся мире: новые практики и теоретический поиск: материалы Всероссийской конференции РАПН*. Москва, РУДН, 2023, сс. 245-246. [Kalashnikova S.K., Pogodina V.Ya. Concept of Political Identity: Comparative Analysis of the Russian Authorities Discourse in 2013 and 2023. Gaman-Golutvina O.V., Mchedlova M.M., Timofeeva L.N., eds. *Political Science in a Changing World: New Practices and Theoretical Research: Materials of the All-Russian RAPN Conference*. Moscow, RUDN University Publ., 2023, pp. 245-246. (In Russ.)]

17. Калашникова С.К., Погодина М.Я. Технологии тематического моделирования для изучения реакции граждан на проводимую государственную политику идентичности в России. Попова О.П., ред. *Политические институты в XXI веке: коллапс или перезагрузка: сборник материалов по итогам Всероссийской научной конференции*. Санкт-Петербург, Скифия-принт, 2023 (в печати). [Kalashnikova S.K., Pogodina V.Ya. Thematic Modeling Techniques for Studying Citizens' Reactions to the State Identity Policy in Russia. Popova O.P., ed. *Political Institutes in the XXI Century: Collapse or Restart: Collection of Materials on the Results of the All-Russian Scientific Conference*. Saint Petersburg, Skifiya-print, 2023 (in print) (In Russ.)]
18. Siswanto R.A., Dolah J. The Paradox of Dynamic Corporate Identity. *6th Bandung Creative Movement 2019*. Bandung, Telkom University, 2019, pp. 30-33. Available at: <https://media.neliti.com/media/publications/293195-the-paradox-of-dynamic-corporate-identit-ac003995.pdf> (accessed 20.11.2023).
19. Камкин А.К. Рынок идентичностей. Семененко И.С., отв. ред. *Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля*. Москва, Весь мир, 2023, сс. 406-413. [Kamkin A. Market of Identities. Semenenko I.S., ed. *Identity: The Individual, Society, and Politics. New Outlines of the Research Field*. Moscow, Ves Mir, 2023, pp. 406-413. (In Russ.)]

